

Елизавета Соболянская

Клуб джентльменов

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Настоящий клуб – это истинно мужское царство! В нем тонко пахнет табаком и дорогим спиртным. Кресла и диваны обтянуты качественной кожей, а светильники дают теплый приглушенный свет, не раздражающий утомленные глаза. Напитки приносят худощавые молодые люди в белых рубашках и длинных фартуках. В столовой можно заказать седло барашка или отлично приготовленные котлеты из ягнятины, а возле карточных столов подают исключительно сэндвичи, чтобы не пачкать пальцы во время игры.

А еще клубы хранят тайны. Пышные юбки и шпионские игры, благородные герои и мерзкие преступления, нежные чувства и крепкая дружба... Если вам стало интересно, вас ждет «Клуб джентльменов»!

- [Елизавета Соболянская](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Елизавета Соболянская

Клуб джентльменов

© Соболянская Е. В., 2021

© «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

Пролог

В центре столицы есть улица, которую посещают исключительно джентльмены. Она состоит из клубов, салонов и картежных залов. Приличная женщина никогда не появится тут, зато дамы полусвета блистают в залах и салонах, даже краешком юбки не заглядывая в клубы.

Настоящий клуб – это истинно мужское царство! В нем тонко пахнет табаком и дорогим спиртным. Кресла и диваны обтянуты качественной кожей, а светильники дают теплый приглушенный свет, не раздражающий утомленные глаза. Напитки приносят худощавые молодые люди в белых рубашках и длинных фартуках. В столовой можно заказать седло барашка или отлично приготовленные котлеты из ягнятины, а возле карточных столов подают исключительно сэндвичи, чтобы не пачкать пальцы во время игры.

Именно такой клуб распахнул свои двери этой ночью, впуская высокого молодого человека аристократической наружности.

– Лорд Грегори! Рады вас видеть! – Швейцар поклонился и придержал тяжелую створку для посетителя.

Джентльмен слегка кивнул, входя в небольшой уютный холл. Налево располагался гардероб, возле которого дежурил невозмутимый лакей, направо – скромная дверь с буквой «М» и, как ни странно, «Ж». Прямо за красиво задрапированной аркой раздавались голоса и звон бокалов.

– Все в сборе, Тай? – спрашивает лорд у слуги.

– Все, милорд, – с легким наклоном головы отвечает тот. Потом добавляет: – Леди Аманда ждет вас в баре.

– Отлично! Запирай дверь! Начинаем заседание!

Глава 1

Ритонская королевская школа для юных лордов считалась лучшей в Бривании. Самые знатные семьи страны присылали сюда своих сыновей, чтобы вылепить из них будущий цвет нации. Здесь преподавали лучшие педагоги, читали лекции профессора высших учебных заведений, а надзирателями за порядком служили армейские офицеры в отставке, вбивающие дисциплину с помощью карцера и розог.

Все дети, обучающиеся в Ритоне, имели хорошую физическую форму благодаря ежедневным занятиям спортом и огромным расстояниям между зданиями, в которых шли занятия. Прилежный десятилетний «первачок» Ритона должен был в кратчайшие сроки научиться бегать, как сайгак, чтобы за десятиминутную перемену собрать учебники и тетради, взвалить на спину сумку с принадлежностями и переместиться из аудитории по чистописанию, расположенной на втором этаже одного корпуса, в аудиторию по геральдике, расположенную на третьем этаже другого корпуса.

Только старшим курсам дозволялась роскошь перемещения шагом – лишь потому, что юные джентльмены каждую неделю принимали участие в изнурительных соревнованиях по гребле, магическому футболу и фехтованию.

Еще одним средством контроля и воспитания малолетних оболтусов был голод. Если нежная маменька не посылала ученику еженедельно коричные булочки, сухую колбасу и сыр вместе с чистым бельем и носовыми платками, будущий королевский чиновник быстро изыскивал способы раздобыть любую еду в дополнение к миске овсянки или вареных бобов, подаваемых в школьной столовой. Дыры в ограде, подкуп сторожа, плата служанкам, вычищающим камин, – все шло в ход, дабы раздобыть немного мяса или пирогов, способных насытить вечно голодные бурчащие желудки.

В общем, школа Ритон была образцом аристократического воспитания. Раздражало родителей только наличие в этой же школе благотворительного «королевского» класса, куда принимали детей всех сословий, проявивших особые таланты, и даже – о ужас! – девочек!

Именно в этой школе учился младший сын герцога Ратлендского лорд Грегори Лайвернес. Довольно деликатно сложенного мальчика сверстники обижали и дразнили за его сходство с девочкой. Как не поддеть трогательного голубоглазого блондинчика в сером костюмчике с иголочки?

Поначалу Грег прятался по углам, потом пытался драться, подкупал задира посылками из дома, но все было напрасно. Когда его схватили в раздевалке и сунули головой в платье из театральной студии, а потом вытолкнули в раздевалку к юным леди из «королевского» класса, лорд сорвался! Он устроил безобразную драку, во время которой зубами порвал руку старшему сыну другого герцога – Блэнвейна.

Лорда Лайвернеса посадили в карцер на три дня, а когда он вышел оттуда, одноклассники объявили ему бойкот. Этой передышки в издевательствах юному Грегори хватило, чтобы понять – его сил не хватит сражаться с целым классом, но у него есть время поискать союзников. Чем он и занялся.

Для начала лорд изучил изгоев собственного класса. Юный граф Марч – полный, одышливый мальчик, на роль союзника не годился. Слишком доверчивый и мягкотелый. Может, со временем он изменится, но Грегу нужна была поддержка, а не балласт. Слезливый и нервный виконт Хэмфри вообще был опасен – zalюбленный деспотичной матерью, а потом оторванный от нее дядей-опекуном, он вскрикивал ночами, рыдал, бился в истерике и вообще привлекал к себе нездоровое внимание наставников.

Посмотрев вокруг, оценив свои силы, лорд Грегори сделал ставку на учеников «королевского» класса. Там учились и воспитывались будущие винтики королевской машины. Талантливые самоучки, способные сироты, попавшиеся на глаза чиновникам дети, обладающие чем-то нужным и важным для королевской службы.

О, корона не скупилась на возвращение талантов – школьникам выделялась форма, комната в общежитии, питание в столовой и даже стипендия, которой хватало на перья, тетради и минимальный набор мыльных принадлежностей.

Вы же понимаете, что форму, сшитую у лучшего столичного портного, и мантию, состроченную в подвале усталой швеей из остатков солдатского сукна, не перепутает даже слепой? Так что лорды

и леди с первых дней учились различать в толпе своих и никогда не смешиваться с плебсом.

Впрочем, разделению способствовали разные здания, разные тропинки и даже разные столовые и стадионы для занятий спортом. По сути, аристократы, приобретающие в элитном учебном заведении нужные связи, никогда не пересекались с «королевскими нищими», а лорд Грегори после долгих раздумий на подоконнике в учебной части решил нарушить это правило.

Первым его другом стала девчонка – мисс Аманда Стоукс. Талантливая алхимичка угодила в «королевский» класс после того, как умудрилась цветным дымом выложить в небе имя своей матери, желая поздравить ее с днем рождения. На ее счастье, заметивший это безобразие городской был не дурак и сразу написал отчет для начальства. И через пару месяцев мисс обживала комнату в кампусе школы Ритон.

Грегори начал знакомство с того, что обратился к ней за помощью. У него давно зрела идея отомстить своим обидчикам, но не хватало знаний в алхимии. Девчонка восприняла его приближение как агрессию и едва не сбежала! Пришлось призывать на помощь все свое обаяние и с милой улыбкой расспрашивать, как лучше смешать реактивы для шуточки на уроке алхимии.

Уверившись, что сиятельный лорд не собирается макать ее в грязь, толкать или ставить подножки, Аманда объяснила ему всю глупость и опасность его задумки, а после предложила свой – гораздо более вычурный, но безопасный вариант. Грегори пообещал попробовать. А когда все получилось – форменные мантии его недругов покрылись несмываемыми пятнами, возникшими из ниоткуда, он принес девчонке коробку шоколадных конфет, раздобытых через привратника.

Она недоверчиво взяла лакомство, а на следующий день предложила ему еще один вариант «шутки». Еще более успешный, чем первый. На этот раз у воспитанников окрасились волосы, причем в самые попугайские цвета. Найти шутника наставникам не удалось. Лорд Грегори был вне подозрений из-за своей крайней нелюбви к алхимии.

После удачной мести блондин-аристократ всерьез увлекся наукой, но догнать свою подругу в тонкостях восприятия алхимии так и не

смог. Мэнди легко манипулировала ингредиентами, выписывала пятиярусные цепочки реакций и могла предсказать результат незнакомого процесса, изучив состав и степень воздействия. Бесценный бриллиант! Наставники прочили ей большое будущее, с сожалением вспоминая, что «женщинам в науке делать нечего».

Вторым другом и защитником стал Махоун Килкени. Здоровяк из фермерской семьи, талантливый огненный маг и сильнейший боевик был старше Грегори на два года. Они познакомились, когда Махоун прикрыл Грегори от толпы взбешенных одноклассников. Убедительный «огненный фонтан» и слова:

– Толпой на одного? Вы что, крестьяне? – заставили аристократов отступить.

После боевик повернулся к бледному заморышу и строго спросил:

– Чем ты их так выбесил?

– А, – махнул рукой Грегори, утирая пот, – Аманда подсказала, как можно у этих... непочтительных лордов все чернила в тетрадах извести. Мы с ней состав сварили и разбрызгали в классе. А тут наставник Иолант, который риторику и чистописание преподает, решил смотр тетрадей устроить. Им теперь все уроки за полгода переписывать.

Огневик упер руки в бока и захохотал. А когда отсмеялся, протянул руку:

– Я вижу, ты умеешь подавать месть холодной! Давай дружить, заморыш, меня здесь называют Кентавром!

Прозвище прилипло к огневику из-за наставника по верховой езде. Мужчина восхищался умением фермерского сына ездить без седла и узды и каждый раз, когда видел Килкени на лошади, приговаривал:

– Кентавр! Чистый Кентавр! – И постепенно его так стали называть все.

В «заморышах» Грегори проходил недолго. Вскоре к их странной компании присоединился еще один мальчишка из «королевских сирот». Аллиаль дер Журбье. Если Грегори дразнили девчонкой только из-за худобы и длинных светлых волос, то Аллиаль был настолько пластичным и артистичным, что его часто путали с девочкой даже преподаватели. Мальчишка краснел, кидался в драку, но малый возраст и вес играли против него. Тогда он обрезал свои прекрасные

каштановые кудри и натолкал в ботинки бумаги, чтобы испортить походку. От шуток это не спасло, а вот сутки карцера за самоуправство Аллиаль заработал. Его резкое преобразование испортило рождественский спектакль!

На выходе из узилища его встретили Грегори и Кентавр.

– Эй, парень, хочешь, научу драться? – спросил огневик.

– Без дураков? – недоверчиво прищурил рысьи желтые глаза пацан.

– Абсолютно честно! – поднял ладони Килкени. – Вон, смотри, в прошлом году Грега тоже девчонкой дразнили, а теперь он любому может в нос дать!

Аллиаль с сомнением посмотрел на Грегори. Тот действительно за год вытянулся, немного раздался в плечах и теперь уже никак не походил на юную мисс.

– Хочу! – выпалил мальчишка, а потом насупился: – А что взамен?

Кентавр сверху вниз глянул на мелкого и тощего новичка, задумался и подмигнул:

– Поможешь одному снобу нос натянуть, и мы в расчете!

На том и договорились. Для начала тощего мальчишку, Аманду и Грегори пригласили сесть в столовой за стол боевиков. Как Кентавр договаривался со своими братьями по курсу, неизвестно, но еда в спокойной обстановке, без риска получить тычок в спину или тарелку супа на голову, благотворно повлияла на Аллиаля. Он так и остался мелким и субтильным, но к концу учебного года на его костях появились мышцы.

Вторым важным делом стали тренировки.

– Ты легкий, – втолковывал мальчишке Килкени, – я тебя одним ударом свалю, а вот если побежишь – догнать не сумею!

После парочки демонстраций Аллиаль усвоил правила доступных для него схваток – бей и беги! В первый же год он изучил болевые точки человека, на второй научился в прыжке отправлять в нокдаун более массивного противника, а в конце третьего года одолел «учителя», просто подставив Кентавру подножку. Боевик не обиделся – наоборот, поаплодировал и заявил:

– Ну вот, теперь тебя точно с девчонкой никто не спутает!

Лорд Грегори, в отличие от тяжеловеса Махоуна, обожающего секиру и фаерболы, делал упор на клинковое оружие. Ум,

настойчивость и упорство помогли ему увидеть в обязательной дисциплине искусство сродни танцу, верховой езде или игре в карты. Теперь он не просто отрабатывал финты и батманы – он стремился предугадать движение противника, поймать его в начале связки, сломать чужую игру, безусловно завершив свою. Наставники поддерживали интерес, выставляя против юного новичка искусных и разнообразных противников, меняя оружие и условия схваток. Через два года лорд Лайвернес стал лучшим фехтовальщиком в своей возрастной группе, а еще через два – абсолютным чемпионом школы.

Больше всего друзей удивила Аманда. Скромная заучка, проводящая дни напролет с обожаемыми пробирками, первой среди девушек получила у директора разрешение на уроки пулевой стрельбы. Сначала ей не позволили, сочтя баловством, тогда Аманда обратилась за помощью к лорду Грегори. Тот вначале раздобыл для подруги самоучитель по стрельбе, а чуть позже купил на карманные деньги пару небольших револьверов с перламутровыми накладками на рукоятках.

Аманда отнеслась к учебе серьезно – сперва долго укрепляла руки, держа в вытянутой руке стопку книг, потом училась правильной стойке, компенсирующей отдачу, делала гимнастику для глаз, тренировалась целиться, разбирать и чистить оружие и лишь потом вновь подошла к директору с просьбой позволить посещать стрельбище с личным оружием. Пораженный ее настойчивостью, лорд дал разрешение и пропуск в тир.

Первые же стрельбы девушки произвели такое впечатление на тренера, что он сам прибежал в администрацию школы, требуя больше патронов для занятий. Поскольку мисс Аманда была самой перспективной среди «королевских сирот», деньги на покупку патронов выделили. Однако выступать на каких-либо соревнованиях за пределами школы алхимичка отказалась. Она так виртуозно освоила пистолеты, что легко сбивала пробку с бутылки шампанского. Когда ее хвалили, девушка равнодушно пожимала плечами и говорила:

– Алхимик должен иметь твердую руку и точный глаз, а девушке в наше время приходится уметь себя защитить!

Глава 2

Каждый год, проведенный в Ритонской королевской школе, укреплял дружбу этой странной компании. Их боялись задевать, зная, что ответ прилетит в тройном размере. Учителя отмечали рост интереса к учебе и не стремились разгонять необычное сообщество. К тому же благородный лорд имел послабления и деньги, благодаря которым его друзья не нуждались в самом необходимом и даже получали немного сверх того. Боевик быстро объяснял окружающим, что его «братья и сестра» неприкосновенны. Алхимичка не только подтянула всех по химии, алхимии и ботанике, но и научила компанию мелким фокусам, облегчающим жизнь даже ученикам Ритона.

Аллиалья же поначалу очень смущало, что он ничем не может помочь тем, кто его защищает. Зато через пару лет, когда с ним стал заниматься приглашенный специалист из Королевского театра, сублильный мальчишка первым растолковал боевику и алхимичке правила физиогномики, жестикуляции и секреты общения с людьми. Он сам видел любую эмоцию, всегда знал, лгут ему или нет, и учил лорда и огневика предчувствовать движение противника по взгляду.

К тому же потрясающе подвижная физиономия дера Журбье легко выдавала нужные эмоции для примера или постановки. А жесты, отработанные в классе с зеркалами, могли превратить сублильного мальчишку и в юного лорда, и в бродягу-забулдыгу.

– Все дело во внутреннем состоянии, – растолковывал друзьям Аллиаль. – Вот смотрите! – Он сделал несколько неуверенных шагов, словно боялся наступать на потертые доски пола, потом вдруг распрямился и еще несколько шагов прошагал четко, стуча каблуками.

Метаморфоза была столь удивительной, что Аманда и Грегори от изумления заплотировали, а Кентавр усмехнулся.

– Так что если вам нужно продемонстрировать уверенность, просто вспоминайте свой успех, держите его в голове и действуйте!

Парни нехотя помаршировали туда-сюда, заложив руки за спину. Им в общем-то не было нужды добавлять себе самоуверенности, они и так гордились своими успехами. Но урок Ала предназначался не им. Уже несколько раз Мэнди Стоукс получала сниженную оценку, потому

что отказывалась выступать. Ее охватывал панический страх, стоило ей выйти на кафедру и очутиться под пристальными взорами других учеников.

– Давай, Мэнди, теперь ты! – поторопил подругу Аллиаль.

– Мисс Стоукс, мы ждем, – более чинно напомнил Грегори.

– Колючка, порви их всех! – высказался в своем духе Махоун.

Повторив про себя все, что сказал дер Журбье, Аманда вышла к стулу, который изображал кафедру, обвела взглядом пыльный чердак и заговорила:

– Уважаемые члены комиссии! Сегодня мне выпала честь представить вам разработанное мною средство для удаления чернил...

Благодаря урокам Аллиаля и поддержке друзей Аманда защитила свой первый публичный проект по алхимии на «отлично» и даже получила дополнительную стипендию!

Еще одним невольным членом их команды стал Тай, или Тайлер Бридс. Высокий худощавый мальчишка был личным слугой лорда Грегори. Правилами школы наличие слуг не допускалось, но для лорда Грегори сделали исключение, потому что его слуга был его ментальным близнецом. А еще он был его сводным братом, бастардом герцога Ратлендского.

Возможно, о его рождении семья никогда бы и не узнала. Многие лорды не хранят верность женам и прячут бастардов в провинции. Но однажды, в возрасте четырех лет, юный лорд Грегори выпал из окна, спеша навстречу своей матери. Леди Виола рухнула в обморок рядом с окровавленным телом сына. Примчавшийся личный лекарь герцога постановил: ребенок еще жив, но с такими повреждениями вряд ли протянет долго. А леди... леди умрет от нервной горячки, если ее любимый младший сын не выживет.

– Что можно сделать? – навис над доктором герцог.

– Кроме ментального переноса повреждений, я не вижу другого выхода, милорд, – почти прошептал мистер Гобс, втягивая голову в плечи.

Владелец обвел взглядом испуганных слуг, столпившихся неподалеку, взглянул на жену и старших сыновей и принял решение. Никто не знает, что им двигало – нежелание самому заниматься хозяйством или долг супруга, но он немедленно послал верхового в деревню с наказом привести Длинного Тая. Гонец обернулся быстро.

Мальчишка, соскользнувший с седла, был точной копией Грегори, только лет на пять старше и бледнее. Они с младшим сыном герцога выглядели как два растения одного корня. Одно получилось длинным и бледным, словно выросшее в темноте, а второе – сочным и ярким, регулярно греющимся на солнце.

– Тайлер, – ладонь герцога легла на плечо мальчика, – это твой младший брат. Он умирает. Ему нужна твоя помощь. Готов ли ты вынести боль ради него и меня?

Бесцветный блондин сильнее сжал тонкие губы и молча кивнул. Владелец подвел бастарда к лекарю и приказал немедля совершить ментальный перенос.

Дрожащими руками целитель вынул из своей сумки два одинаковых амулета, велел Тая лечь рядом с едва дышавшим Грегори, потом положил амулеты на грудь мальчишам, произнес заклинание активации, сделал пасс... и Тай на глазах покрылся синяками, захрустели кости, брызнула кровь! Мальчик изогнулся, кусая губы, сдерживая стоны, из глаз потекли предательские слезы. Однако Грегори задышал легче, а после нескольких пассов мага-лекаря и вовсе уснул.

Тая вскоре тоже усыпили, потом детей на носилках перенесли в комнату и уложили на одну кровать. Разделив повреждения на двоих, лекарь спас юного лорда, но теперь мальчишки должны были постоянно находиться вместе до полного исцеления.

Вечером в комнату сына заглянула бледная заплаканная герцогиня. Она взъерошила светлые локоны сына и задумчиво посмотрела на Тая. Она узнала о давней измене мужа, узнала даже о том, что поход герцога налево принес плод. Прежде это разбило бы леди Виоле сердце, но теперь тощий мальчишка в потрепанной деревенской одежде спас жизнь ее мальчику, и она благословляла Небеса за то, что он был на этом свете. Ни отец, ни старшие братья не стали бы терпеть такую боль ради младшего, раз уж в семье есть другие наследники.

Погладив две светловолосые головы, леди Виола вышла, чтобы отправиться в кабинет супруга для серьезного разговора. С того дня Тай стал тенью Грегори. Сначала такая близость была вызвана необходимостью, длительным совместным исцелением, незримой магической нитью, делящей каждый синяк на двоих. Но через

несколько лет мальчики так сдружились, так привыкли опекать друг друга, что в школу Ритон отправились вместе, хотя уже вполне могли существовать отдельно.

Возразить никто не посмел, ведь герцогиня Ратлендская лично договорилась о присутствии бастарда в школе и даже оплатила для него специальные курсы телохранителей. Пусть Тайлер числился слугой, но посещал занятия вместе с лордом Грегори, имел свою каморку рядом с комнатой, в которой жил сын герцога, и даже получал от леди Виолы подарки к особым событиям. Эта странная дружба двух братьев не осталась незамеченной, но общество умеет отрицать то, что не желает замечать.

Дни в школе то бежали, то тянулись, словно молочная карамель. Иногда лорд Грегори получал к праздникам от маменьки бутылку сладкого ликера и коробку конфет. В школе объявляли день самоподготовки, и тогда вся честная компания, включая Тая, забиралась на чердак лабораторного корпуса. Сидя там на сломанных стульях и побитых ящиках, глядя на город сквозь узкое окно, мальчишки предавались мечтам. Они были у всех, даже у сиятельного лорда.

Думаете, так легко быть младшим сыном в герцогской семье? По закону майорат наследовал старший сын. Старшая дочь получала солидное приданое, а младшие сыновья – оплату обучения и, возможно, приход во владениях отца или офицерский патент.

– Армии и храму нужны бойцы! – любил пошутить старенький храмовник, ведущий в школе Ритон уроки благочестия.

Он знал, о чем говорил, – сам был младшим сыном графа, выбравшим духовную стезю.

Конечно, знатная семья не оставит отпрысков прозябать на дороге. Герцог в состоянии оплатить младшему сыну офицерский патент, да только жить на скромное жалованье непросто. Есть способ сэкономить на аренде – остаться в доме родителей, но прилично ли молодому лорду быть приживалом? Или жить в доме, принадлежащем брату? Выполнять поручения невестки или прозябать в приходе, разводя кур?

Хорошо бы сделать политическую карьеру, но где? Двести знатнейших семей королевства имеют не только две сотни

наследников, но и пять сотен младших сыновей, семь сотен племянников и три сотни зятьев, нуждающихся в теплом местечке.

Поэтому мечты Грегори поначалу были весьма героическими. Он желал совершить подвиг и получить титул и земли от короны. Потом, когда из-за свадьбы сестры ему урезали содержание, юный лорд начал подумывать о карьере и успешных финансовых мероприятиях. В их число попадал и удачный брак с дочкой разбогатевшего нувориша или недавно получившего титул рыцаря.

Однако когда ему стукнуло шестнадцать, красавец-блондин вдруг понял, что в его мечты тесно вплелась кареглазая шатенка-заучка, чьи руки пахли химикатами, а губы – клубникой. Правда, об этой мечте он молчал крепче, чем о собственном первом сексуальном опыте, полученном в объятиях смазливой молочницы.

У Кентавра мечты были совсем другими. Сын фермера, сбежавший в столицу после невольного поджога сеного сарая, мечтал стать крутым магом, жить как самому пожелается и одним жестом сжигать врагов короны. С годами мечты не слишком изменились. Сила, природный дар и толковая голова способствовали тому, что Махоун закончил школу Ритон с золотой медалью и сразу после выпуска был отправлен на границу – выжигать гнезда нечисти вместе со специальным отрядом боевых магов.

Аманда мечтами практически не делилась. Так, повела однажды в воздухе рукой и сообщила, что желает защитить диссертацию и стать первой в королевстве дипломированной женщиной-алхимиком с профессорским званием.

Парни не стали смеяться – они убедились в упорстве и разуме подруги, да и страшно смеяться над человеком, который может тебя отравить одним прикосновением, а то и не касаясь! Да-да, скромной дочери торговца овощами великолепно удавались яды всех видов. Правда, Аманда морщилась каждый раз, когда ее дразнили Тофаной, и заявляла, что хороший алхимик способен на большее.

Тай на вопрос о мечтах пожал плечами:

– Моя мечта недостижима. Но я буду счастлив, если лорд Грегори оставит меня при себе.

Лайвернес хлопнул единокровного брата по плечу и сказал:

– Как бы ты ни хотел сбежать от моей чокнутой семейки, тебе от меня не избавиться!

После этого парни захохотали и выпили еще по глотку ликера.

Тайлер тоже улыбнулся и выпил. Его мечта была довольно простой – с ранних лет бастард герцога Ратлендского любил рисовать. Палочкой на земле, углем на свежепобеленной печке. Потом, когда его приставили нянькой к Грегори, у него появились перья, бумага, карандаши и даже немного свободного времени на свое увлечение. Однако на людях он практически не рисовал – прятался в каморке, накрывал наброски листами с сочинениями или учебниками.

Его рисунки не требовали моделей или постановки натюрмортов – Тай рисовал здания. Его пленяли формы окон и крыш, капители колонн, арки, своды и общая гармония строений. Он был бы рад пройти обучение по этой специальности, но кто ж его отпустит со службы? Да и возраст... Он был старше Грегори на шесть лет и уже опоздал со своим ученичеством.

Аллиаль раскрывался медленно. Несмотря на постоянную поддержку друзей, долгое время он присутствовал на посиделках молча. Со временем его напряжение ослабло, и однажды, переборщив с ликером, дер Журбье рассказал о себе все. Худенькому гибкому мальчишке с кукольным личиком не повезло больше всех – его подкинули на порог королевского приюта.

Жизнь там не сладка, но хорошеньким детям иногда везет – их забирают в семью, хотя бы в прислуги. По малолетству он желал вырваться из беленых стен благотворительного учреждения, но позже, когда одна из выкупленных в прислуги девочек вернулась к воротам казенного дома с животом, Аллиаль понял, что ничего хорошего за пределами стен сирот не ждет.

Когда Аллиалю исполнилось десять, в приют приехали чиновники из школы, отбирать талантливых детей для учебы. Они просматривали записи наставниц, заходили в классы и в мастерские, заговаривали с детьми, поглаживая широкие браслеты с набором разноцветных камней. Приютские знали, что эти камни – индикаторы, показывающие наличие магии. Любые, даже слабые, всполохи означали, что у ребенка есть дар, который можно развить. Но в приюте камни вспыхивали нечасто. Поговаривали, что для стабильного дара нужно родиться и вырасти в полной семье, да и не верили брошенные дети в себя.

Когда холеная белая рука пронеслась над макушкой перебирающего крупу Аллиаля, он даже не дернулся – привык к тому, что его не замечают. Усыновителей и благотворителей интересовали дети помладше или постарше, а он, тонкий и ломкий, был слишком наглым и колючим, чтобы считаться привлекательным.

– Ну-ка, ну-ка, – раздалось вдруг удивленное, и мужская рука вцепилась в подбородок мальчишки, – кто тут у нас?

Начальница с готовностью доложила:

– Аллиаль дер Журбье, найденыш, имя было написано на карточке, положенной в пеленки.

– Дер Журбье? – насмешливо уточнил чиновник. Фамилия была известной в узких кругах.

– Фамилия дана в честь покровителя нашего приюта, скончавшегося в день находки, – пояснила начальница.

– Ясно, что ж, малец, иди за мной! – приказал чиновник, и Аллиаль пошел за ним, бросив последний взгляд на миску с шелухой.

– И какой у тебя дар? – не выдержав, перебила рассказчика Аманда.

– Ментальный, – прошептал Аллиаль.

Лорд Грегори и Махоун поежились. Аллиаль, несомненно, – ценное приобретение для королевской службы, только... Плавать в чужих эмоциях – это и больно, и противно. Ловить не просто презрительные взгляды – ощущать даже направленную в твою сторону мысль...

– Как же ты держишься? – охнула девушка.

Мальчишка распахнул рубашку, демонстрируя огромного размера амулет, сплетенный из серебряной проволоки и прозрачных бусин:

– Я уже научился закрываться, и экран помогает, и... вы тоже помогаете.

– Мы? – удивился непосредственный Махоун.

– Вы всегда думаете и чувствуете то, что говорите, – пожал плечами менталист. – Мне с вами спокойно.

– У тебя есть мечта? – спросил Грегори, отвлекая покрасневшего, взволнованного дера Журбье от переживаний.

– Есть, – кивнул тот сам себе. – Хочу узнать, кто мои родители и почему меня подбросили в приют.

– Достойная цель! За это надо выпить! – поднял бутылку с ликером Грегори, побуждая друзей присоединиться и окончательно отвлечь менталиста.

Он-то знал, о чем Аллиаль умолчал. Обучение таких магов начинается с ломки. Физическое унижение, моральное давление, любая грань, помогающая надеть на менталиста поводок. Как взрослые циничные люди могли ломать хрупкого приютского мальчишку, Грегори не хотел даже представлять. Чудо, что он выжил и сохранил здравый рассудок.

Аллиаль, словно догадавшись, о чем думает сиятельный лорд, вдруг взглянул ему в глаза абсолютно трезвыми желтыми глазами и, усмехнувшись, одними губами произнес:

– У них не получилось! – Потом лихо опрокинул крышечку-стаканчик с крепким вишневым ликером и тут же пьяненько поплыл, хихикая и заваливаясь на бок.

До конца года Грегори не поднимал эту тему, а потом Аллиаль поделился с ним своим секретом:

– У нас была нянька, пожилая уже, слабая. Когда ее обижали, она светло улыбалась. Я удивлялся – чувствовал же, что ей должно быть больно, а она словно в броне сидит. Она мне и рассказала, что просто уходит туда, где ей когда-то было хорошо.

– Тебе где-то было хорошо? – удивился лорд.

– В животе матери, – хмыкнул парень и добавил: – У меня большой потенциал, убивать и калечить меня запретили, а все остальное я способен выдержать.

– Но как же тебе позволили учиться без поводка? – выдал свое недоумение Грегори.

– Они уверены, что поводок есть, – поморщился Аллиаль, щелкнув по своему щиту.

Лорд задумался, но уточнил:

– Почему ты мне это говоришь?

– Чтобы однажды ты не позволил меня убить, – оскалился мальчишка и ускользнул так быстро и неслышно, что Лайвернес подумал – разговор ему привиделся.

Глава 3

С уходом Кентавра жизнь в школе Ритон изменилась для тех, кого он защищал и подбадривал своим присутствием. Грегори пришлось поработать кулаками, Аманде – выкинуть парочку злых алхимических шуток, и от них отстали. А вот Аллиалью было нелегко. Мальчишка пустил в ход свой ядовитый язык и написал на противников злейшие эпиграммы, «случайно» очутившиеся в столовой, на доске с расписанием и даже на кухне! После такого ему собирались жестоко намылить шею, но его защитил преподаватель словесности. Возопив:

– Наконец-то, юноша, вы проявили свой талант! – Он утащил мальчишку в учительскую и до ужина заставлял писать эпиграммы на всех, кто входил в двери.

Четверостишия вышли едкими и точными. Преподаватель в восторге добился для них публикации в маленькой литературной газете и долго гордился «несомненным талантом». После публикации некоторых стихов дера Журбье в рубрике «Злое перо» главной городской газеты его не трогали вообще. Мало ли.

Следующим выпускался Грегори. Аллиаль оставался в школе Ритон еще на три года. Аманда переходила из школы в академию писать научную работу, а сына герцога ждала служба. Он пока не решил, кем бы хотел стать – чиновником, храмовником или военным, однако случай расставил все по местам.

В день выпуска ворота школы распахнулись, и пара десятков знатных оболтусов с криками и улюлюканьем высыпала в город. Отмечая свободу от школьных правил, они сразу выпили крепкого эля в ближайшей таверне, закусив жареной свининой и черным хлебом. Когда к выпускникам присоединились старшие братья и дядюшки, вся компания отправилась кутить в ресторан. После обеда их ждал боксерский клуб, фехтовальная школа и ипподром. Где-то в толпе, делающей ставки, Грегори подцепил смазливую потаскушку, которая болталась на руке лорда остаток дня, залиvisto смеясь его пьяным шуткам.

Проснулся лучший выпускник школы Ритон с ужасной головной болью и... рядом с хладным трупом не то певички, не то танцовщицы.

Не успел юный лорд вскочить, позвать на помощь или что-то предпринять, как комната недорогого отеля заполнилась людьми в незнакомой серой форме. Они перекрыли окна и двери, не дав Грегори протянуть руку к оружию или к кошельку. После минутной тишины собравшихся раздвинул невысокий человек в сером камзоле, подошел ближе к постели, на которой сидел сын герцога, и скучающим тоном спросил:

– Будем признаваться в убийстве, милорд, или поговорим?

Разговор с главой тайной службы безопасности получился долгим. В ход пошел холодный эль, сигара, отеческий тон и... мягкие угрозы. Требование юного лорда вызвать отца разбилось о железную волю вербовщика:

– Герцог вам не поможет, лорд Лайвернес! Три старших сына вполне обеспечат наследование титула и земель. Ваш батюшка не станет ввязываться в свару из-за преступника!

Грегори поежился и поинтересовался:

– Пришлите ко мне хотя бы камердинера, милорд! Не могу же я вести переговоры, сидя перед вами в нижнем белье!

– Не стесняйтесь, – усмехнулся лорд Тристоун, – с вашим камердинером произошла маленькая неприятность. Упрямым оказался. Все порывался бежать за вами, спасти... Поскользнулся на гнилом помидоре, упал, расшиб голову. Лежит сейчас у лекаря, лечит шишку.

Грегори помрачнел. Он понял, что своим неосмотрительным поведением подставил еще и Тайлера. А ведь единокровный брат его предупреждал! Уговаривал сразу из школы отправиться в особняк Ратлендов!

– Что ж, – младший сын герцога с самым независимым видом стянул с постели простыню и завернулся в нее, – предлагайте!

Лорд Тристоун усмехнулся и коротко изложил Лайвернесу условия работы на тайную службу. Грегори выслушал, слегка поторговался и согласился. Так или иначе, это была служба на корону, и, несмотря на ряд недостатков, она имела свои преференции.

По результатам переговоров дело на лорда Грегори все же завели «на случай неприличного поведения», а потом аккуратно убрали «под сукно». Девицу похоронили за казенный счет как безродную сироту, никому не сообщив, отчего она скончалась. Грег об этом тоже не узнал. Подозревал, конечно, что его случайная подружка была не случайной и

умерла не сама по себе, но к бумагам из «его» папки лорда не допускали.

Подлечив слугу и упаковав в сундуки модный гардероб, блестящий молодой лорд, слегка поумерив свое сияние, отправился в большое путешествие с опытным «дрессировщиком медведей». Так в высшем обществе называли небогатого, но знающего светского человека, берущего на себя труд «обтесать» будущего светского льва.

За такую работу родители платили «дрессировщику» немалые деньги, ведь светское общество живет связями и знакомствами. Правда, герцог Ратлендский не оплачивал гранд-вожж младшего сына. Ему сообщили, что юноша с таким блеском закончил школу Ритон, что получил финансирование от казны, дабы потом продолжить служить короне в чине младшего секретаря. На самом деле Грегори уже служил, став прикрытием для опытного шпиона.

Лорд Даниэль Толбот по прозвищу Дансер был одним из лучших шпионов Бривании. Под маской повесы, гуляки и бонвивана он собирал информацию, передавал посылки, скреплял и разрушал союзы, занимался еще тысячей важных и нужных для родного государства вещей, не снимая смокинга и черной шелковой бабочки. Лорд Грегори стал для матерого интригана и ширмой, и учеником.

Лорд Толбот безжалостно гонял мальчишку не только по геральдике, этикету и умению обращаться с дамами – он заставлял его развивать память, мышление, учил манипулировать людьми, предсказывать движения и порывы, подталкивать к решению или, напротив, останавливать желание сотворить нечто немедленно.

Отдельное время ежедневно уделялось физическим упражнениям. Фехтование, метание ножей и тяжелых предметов. Лазание по веревочной лестнице, по канату, по крышам... Привычные по школе увлечения – гребля, игры в мяч, поединки – неплохо подготовили юного лорда к таким испытаниям, но все равно первый год службы выдался нелегким. Грегори не жаловался, а вот его портной нещадно бранился – молодому лорду пришлось расставить все сюртуки и смокинги в плечах, при этом сильно сузив в талии.

Целых два года лорд и «дрессировщик» колесили по соседним государствам, тратя деньги, появляясь на всех значимых мероприятиях, балах, премьерах и открытиях. Привлекательный юноша любезничал с дамами, его наставник играл в карты с

джентльменами. Они бывали на скачках и в театрах, посещали оперу, кутили с актрисами, заглядывали в салоны светских львиц, и всюду за ними тянулся шлейф маленьких, почти незаметных, происшествий, которые помогали Бривани удерживать свою власть над приличным куском суши.

При этом учеба для Грегори шла непрерывно! Случалось, что вместо «доброе утро» в него летели подушка, чайник и шпага. Иногда он завтракал в лучшем городском отеле, а ужинал куском сухого хлеба в лодке контрабандиста. Следующим вечером молодой лорд играл в карты с джентльменами, а утром провожал их жен к экипажу, рассыпая улыбки и поцелуи.

Грегори втянулся. Приобрел привычки и правила, обзавелся удобным оружием, модными костюмами и харизмой. Толбот лишь усмехался, поглядывая на заматеревшего ученика, и подкидывал ему все новые задания.

В их компанию незаметно влился и Тай. Сначала бастард исполнял роль личного слуги, но потом Толбот выделил его умение становиться незаметным и начал привлекать Тайлера к слежке. На слугу в ливрее и так не обращают внимания, а если переодеть его молочником или почтальоном, нанести на бледное лицо загар, а светлые, почти белые, волосы выкрасить в черный или рыжий, никто и не заподозрит в ленивом бродяге соглядатая.

Так постепенно Дансер вылепил из двух сыновей герцога Ратлендкого великолепную пару шпионов, но не спешил отпускать их в самостоятельное плавание. У него были на то причины. Мир патриотов, готовых не только кричать на площади, но и действовать на благо своей страны, узок. Постепенно все они узнают друг друга, раскланиваются на крупных мероприятиях, передают сообщения своих нанимателей друг другу, а порой банально протыкают врага шпагой или подсыпают яд.

Глава 4

Однажды нежным утром в Итилии Дансеру передали конверт. Шелковая серая бумага и черная печать насторожили Грегори, но им случилось под видом уведомлений о рождении младенцев получать донесения или новые задания, так что он лишь прикинул, где у него лежит легкий плащ, способный скрыть лицо от любопытных глаз.

Изучив послание, учитель быстро собрался и ушел, приказав ученику оставаться в гостинице. Оценив прихваченный лордом Толботом арсенал, Грегори растянулся на кровати, благоразумно решив поспать. Когда принесли завтрак, он спокойно съел две порции, запил легким итилийским вином и по вбитой в Ритоне привычке взялся приводить в порядок оружие и амуницию. Перевязи скрытого ношения требовали внимания, масла и воска, а некоторые и починки. Метательные ножи, толчковые ножи, стилеты, стрелки...

Он провозился до сиесты, потом выглянул в окно, на пустую площадь, прошелся по комнате и задумчиво дернул сонетку. Тай появился практически моментально и замер, всем телом изобразив вопрос.

– Дансер ушел, сказал ждать. Ты видел, куда он направился?

– На север, – лаконично ответил бастард.

Грегори нахмурился – северная часть города представляла собой лабиринт складов, портовых забегаловок и доков. Место опасное, но и лорд Толбот не мальчик.

– Если не явится к пяти часам, придется извиняться перед графиней, – протянул он, вспомнив эксцентричную даму, с которой его наставник легко переходил на флирт.

Тай меланхолично пожал плечами.

– Ладно, приготовь к вечеру прохладную ванну, бордовый фрак и жилет в серую полоску. Графиня любит надевать черное и часто принимает гостей в будуаре с серыми стенами, поэтому не стоит сливаться с интерьером.

Тайлер поклонился и вышел, а лорд Грегори сел писать письмо Аманде. Несмотря на разницу в социальном положении, он продолжал общаться с алхимичкой, оправдывая себя тем, что это знакомство

полезно: девушка не раз подсказывала ему необычные способы удаления чернил, уничтожения следов и запахов.

Еще одно письмо лорд написал Кентавру. Махоун сражался с нечистью на границах королевства и отвечал редко, но Грега грела мысль о том, что они оба защищают свою страну как умеют. Третий конверт отправится в Ритон. Аллиаль никогда бы не признался, но для него важно было знать, что человек, хранящий его тайну, продолжает вести себя так, словно ничего не случилось.

Почтовый день затянулся как раз до вечера. Когда Тай вошел, держа в руках фрак и жилет, Грегори оторвался от писем, быстро запечатал последний конверт и вопросительно взглянул на брата.

– Лорд Толбот не появлялся, милорд, – сдержанно ответил тот. – Писем и карточек не приносили, пакетов не передавали.

Сын герцога неспешно оделся, завязал галстук, закрепил узел булавкой с небольшим солитером и приказал подать экипаж. Вечер в салоне графини Кастильони прошел скучно: за карточными столами шла чинная игра, в соседнем зале звучала негромкая музыка, приглушая болтовню сиятельных жен. Подавали недурной ром и дурное вино. На закуску обещали лобстеров, но были только креветки.

Молодцевато взбежав по лестнице, Грегори вежливо извинился перед хозяйкой дома за отсутствие своего наставника. Его небрежно похлопали веером по плечу и пригласили бывать чаще. Тогда молодой агент еще не понял, что означает это приглашение. Прозрение наступило четыре часа спустя, когда он нашел смертельно раненного Толбота у дверей снимаемого ими дома.

Вместе с Тайлером Грег затащил Дансера в спальню, срезал пуговицы с пропитанного кровью сюртука и понял, что не знает, как этот практически обескровленный человек вообще смог добраться до дома.

– Меня привезли, – булькая кровью в горле, ответил на незаданный вопрос наставник. – Мало времени. В подкладке – инструкции. В сундучке – письма семье. Отправь все адресатам. Вызовешь доктора, когда я умру, скажешь, что нашел на пороге. Отправь мое тело в Бриванию, не хочу сохнуть под здешним солнцем...

Голос агента сорвался, голубые глаза застыли навсегда. Грегори гадал, что же делать. Они с наставником отрабатывали несколько

сценариев на случай гибели и нападения, но в первую минуту он растерялся, зато не растерялся Тай.

– Милорд, я вызову врача и стражей порядка, у вас будет около двадцати минут! – сказал он, выходя из комнаты.

Это сработало. Грегори очнулся, вспорол подкладку сюртука, вынул пачку бумаг, убрал их в книгу, лежавшую на столике, затем открыл сундучок для умывальных принадлежностей, убедился, что в нем действительно есть письма семье лорда Толбота, куратору и... самому Грегори! Молодой лорд захлопнул крышку и обыскал наставника. Карманы были пусты. Оружия, перчаток – даже часов не было! Выходит, ему предлагают сценарий «ограбление иностранца на прогулке»?

Доктор и полиция явились через тридцать минут. К этому времени бледный как полотно Грегори уже налил себе бренди и накапал на платок лавровишневой воды, чтобы скрыть запахи трущоб, из которых привезли Толбота. Врач констатировал смерть, полицейские убедились, что карманы иностранца вывернуты, вяло пообещали отыскать грабителя и подсказали, где и когда можно оформить разрешение на отправку тела в Бриванию.

Когда дом опустел, а срочно вызванные «помощники смерти» подготовили тело Дансера к погребению, Грег остался один, запер дверь и активировал амулет связи. Доложил коротко, сухо, удерживая внутри волну эмоций, которая его раздирала. За эти два года лорд Толбот успел стать ему близким человеком, бесконечно уважаемым наставником и примером.

Ответ пришел быстро. «Оставайтесь на месте. Продолжайте работу. Тело отправьте в Бриванию».

Перечитав скудные строчки на плоском диске амулета, Грег встряхнул головой – ему не чудится? Его отправляют в самостоятельное плавание?

Глава 5

Следующие семь лет показали сыну герцога Ратлендского веком, и отнюдь не золотым. Сначала он продолжил гранд-вояж в одиночестве, попутно расследуя смерть наставника. Изучая бумаги покойного Дансера, лорд Лайвернес узнал, что графиня Кастильони – тайный агент Итилии. Отношения между двумя странами оставались напряженными, и было подозрение, что именно эта эффектная женщина выманила лорда Толбота в трущобы, чтобы сделать ему некое предложение. А когда бриванский шпион отказался, – возможно, прилюдно и в жестких выражениях, – его просто убили.

Со временем лорд Грегори, получивший среди своих прозвище Брегет за точность и красоту решений и действий, сумел доказать, что графиня Кастильони и есть знаменитая итлийская шпионка по прозвищу Черная Мамба. Он даже красиво подставил ее, мстя за гибель наставника, но женщина с проворством змеи выскользнула из ловушки, оставив Брегету издевательское письмо.

Вторым постоянным противником стал лорд Грац. Его настоящее имя бриванскому шпиону узнать не удалось. Умный, тонкий, сильный шпион Иштвании нередко вмешивался в союзные переговоры, рушил договоренности, крал то, что могло определить политику государства на следующее десятилетие. Его козни разрушили немало красивых комбинаций Брегета, но тут лорд Грегори даже не слишком огорчился проигрышу – игра умов его пленяла, заставляла постоянно расти над собой, изучать новые способы получения и передачи информации, учила вести долгую, почти незаметную игру на разных уровнях.

На пятый год службы к лорду Грегори приставили новичка. Такого же зеленого юнца, каким был он сам. Юный лорд Стронг был выпускником школы Ритон, его поймали на пьяной драке, в которой он серьезно покалечил сокурсника. Копнув чуть глубже, новоиспеченный наставник узнал, что мальчишек подпоили вином с дурманом, а потом стравили, делая ставки на сильнейшего. Грегу стало противно. Он не любил случайных жертв. Но юнца пришлось учить – жестко и быстро, как когда-то учили его.

К исходу второго года обучения лорд Стронг вполне успешно передавал записки, отвлекал дам и даже недурно лазил по крышам. Волей судьбы и начальства им вновь пришлось приехать в Италию, и по иронии судьбы же новые напарники – юнец в гранд-вояже и его «дрессировщик медведей» – сняли тот же самый дом.

Войдя в знакомую спальню, в которой за прошедшие годы сменили обои да выкрасили пол, Грег на долю секунды задержал дыхание. Тай, стоящий за его плечом, сделал то же самое.

– Ну вот, Стронг! – Лорд отмер и хлопнул юнца по плечу. – Тут будет ваша спальня, а я возьму себе соседнюю, там потише.

Они умылись с дороги, отобедали, приказали разобрать багаж и нанесли визиты в самые популярные дома столицы. Всего лишь оставили карточки. Сообщили всем заинтересованным лицам о своем появлении. К вечеру пришли ответы, и уже на следующий день юный Стронг восхищенно оглядывал бальный зал.

– Наставник, здесь великолепно! – воскликнул он, любуясь свежими женскими лицами и глубокими декольте бальных платьев.

– Согласен. – Грег держал хорошую мину, но чувствовал себя подавленным. Слишком много воспоминаний. – Развлекитесь, мой мальчик.

Навстречу новым гостям подошла хозяйка дома:

– Лорд Лайвернес! Рада снова видеть вас! Отчего вы так и не заглянули в мой салон?

– Графиня... – Грег скрипнул зубами, но приложился к ручке Мамбы.

– Уже герцогиня, – плавно повела она рукой с зажатым в ней веером. – Познакомьтесь – мой супруг...

К прекрасной даме в темно-вишневом платье приблизился бодрый старичок лет шестидесяти. Умильно улыбнулся супруге, раскланялся с гостями, сказал парочку светских банальностей и удалился в сторону карточных столов. Брегет проводил его насмешливым взором. Значит, графиня Кастильони повысила свой статус? Сомнительно. Ее итлийский титул был куда выше иштванского, не подкрепленного ничем, но если даме угодно зваться герцогиней... Или это очередная интрига и Мамба теперь служит Иштвании вместе с Грацем? У кого бы уточнить? Не давать же объявление в газету! Хмыкнув, Грегори увлек

своего юного напарника в сторону музыкантов. Иногда лучше танцевать, чем говорить.

Они потанцевали, побродили по залу, выпили пару бокалов недурного токайского, сыграли в карты по низким ставкам, присматриваясь к собранию. Здесь, в Итилии, не соблюдался так строго обычай явиться на следующий день после бала ко всем дамам, с которыми случилось танцевать на балу. Это правило в основном касалось незамужних дам и молодых вдов, но их Грегори и лорд Стронг старательно избегали.

За игрой в карты мужчины вели пространные беседы, прислушиваясь к сплетням, пытаясь уловить колебания иностранной политики. Вставляли шпильки, немного проиграли. Под шумок, не привлекая внимания, получили дипломатическую почту и отправили срочные сообщения. Среди многолюдного бала так просто вершить тайные дела, если знать как.

На следующий день оба лорда спали до полудня. Затворив ставни от удушающей жары, они позавтракали, обсудили грядущий вечер и по обоюдному согласию удалились в свои комнаты, чтобы провести сиесту за книгами или оружием. Грегори по привычке сел писать письма друзьям. За все девять лет службы на континенте он не нарушил эту традицию – писать Аманде, Махоуну и Аллиалу из каждого нового города, отправляя письма с оказией. С путешественниками, с агентами, а порой с монахами или с бедными франкскими гувернантками, вошедшими в моду у него на родине.

Он писал несколько часов, потом запечатал конверты и убрал в сундучок с бритвенными принадлежностями. Пусть полежат. При случае отправит. Ответы приходят еще реже, но через исписанные листы бумаги он чувствует связь с родиной. Пока чувствует.

В этот момент внизу постучали, Тайлер, заменяющий Грегу камердинера, открыл и вскоре принес лорду письмо. Короткое, почти пустяковое, но у сына герцога Ратлендского кольнуло сердце при виде серого шелковистого конверта с черной печатью. В записке намеками говорилось о том, что Мамба будет этим вечером в доках. В таверне для морского сброда. Герцогиня пожелала лично отобрать головорезов для некоего дела, связанного с интересами Бривании.

Информация поступила от одного старого звонаря, как называл тихих агентов лорд Толбот. Грегори прикрыл глаза и вспомнил тот

день, семь лет назад. Жаркий полдень, записка, приглашение в трущобы... Он не пойдет. Графиня Кастильони славится своей кровожадностью и эксцентричностью. С нее станется выкопать на пути в док яму и засыпать ее горящими углями. Он не поедет! Это ловушка!

Постояв у окна спальни, Грегори позвал Тая. Показал записку, напомнил дело семилетней давности. Судя по лицу брата, тот тоже прекрасно все помнил. Они остались дома. Взяли шахматную доску, вина и напились в хлам, вспоминая прошедшие годы. А следующим вечером Грега зажали в переулке несколько парней из клана «Браво» в черных масках и плащах-домино. Он соблюдал все правила безопасности, идя на встречу со своим агентом: взял оружие, надел под тонкий темный камзол гибкую кольчугу, но это его не спасло – семь точных ударов, насмешливое: «Привет от герцогини!» – топот ног и темнота...

Глава 6

Спасло Грегори несколько обстоятельств. Первое: он всегда говорил Тайлеру, куда идет и когда должен вернуться. Второе: под пресловутой кольчугой на нем было отличное крахмаленное белье. От крови крахмал разбух и залепил его раны, спасая от кровопотери и заражения. И третье: его нетерпеливый ученик решил пойти наставнику навстречу, ведь они собирались на маскарад, и обнаружил еще живого лорда Лайвернеса по нитке бусин, сорванных наемниками во время драки. Дурацкая привычка Грега к обсидиановым бусинам вместо цепочки для часов спасла ему жизнь.

Той же ночью ему вызвали лучшего в городе лекаря, а через сутки бледного, мечущегося в лихорадке лорда Лайвернеса перенесли на корабль, идущий в Бриванию. Юный лорд Стронг остался в Итилии заканчивать дела.

Родная земля встретила Грега не приветливо – затяжным штормом, бурей над заливом и проливным дождем в порту. Его накрыли моряцкими просмоленными плащами, занесли в карету и отвезли в городской особняк герцогов Ратлендских.

Леди Виола встретила сына со стойкостью истинной леди – распорядилась приготовить комнату, вызвать лекаря и гробовщика.

– Посмотрим, кто успеет первым, – сказала она дворецкому. – Если доктор – подайте мне чай. Если гробовщик – шерри.

Счастливая звезда лорда Лайвернеса была к нему благосклонна: в тот день доктор возвращался с вызова и ехал мимо особняка Ратлендов, тут его и догнал быстроногий лакей. Так что гробовщик опоздал и упустил выгодный заказ.

Три месяца лечения, восстановления, боли, стонов и кровавых бинтов высосали из Грегори немало сил. Порой ему казалось, что он все еще на ледяной палубе корабля, угодившего в шторм, а через час он изнывал от жары итлийского полдня. Все это время Тай был рядом, поддерживал, кормил с ложки, водил по комнате и пару раз давал в морду, когда Грег, мечтая покончить со всем раз и навсегда, желал выйти в окно второго этажа.

Потом шпион его величества выздоровел, узнал об отставке по ранению и в один из пасмурных дней сел за стол и подсчитал свои активы. Родители по-прежнему платили ему содержание, как юнцу, недавно выпорхнувшему из родного гнезда. Сумма была небольшой, но регулярной.

Путешествуя по континенту, младший сын герцога не тратил личные деньги, так что на его счету скопилась приличная сумма. На тот же счет шло его жалованье. Лорд Толбот, предчувствуя, должно быть, будущие сложности молодого шпиона, платил ему небольшое жалованье из тех сумм, что выдавались на подкуп слуг, плату доверенным лицам и на прочие расходы. Одежду, наем дома, кареты и оружия – все оплачивала корона. Эту же схему Грегори сохранил после гибели наставника.

А еще Дансер научил своего протеже и его лакея вкладывать даже минимальные средства в дело. Например, покупать на карточный выигрыш не вино и кокоток, а трактир в бойком месте. Подбрасывать пару золотых горшечнику, чьи изделия отличались качеством и звоном. Спонсировать портного, мечтающего закупить хорошие ткани, и обязательно покупать хотя бы одну корабельную акцию в месяц, в надежде, что путешествие в колонии за пряностями, кофе и слоновой костью принесет доход.

В сложное время полного погружения в шпионскую деятельность Грег скинул заботы о собственном кошельке на брата, и Тайлер не подвел: оборачивал средства, вел бухгалтерию и даже аккуратно платил налоги. Так что теперь лорд Лайвернес был не нищим отставником-пенсионером, а вполне состоятельным лордом, имеющим хороший доход.

Узнав об этом, Грегори хмыкнул:

– Осталось приобрести дом, и я уже завидный жених.
– Дом у вас уже есть, милорд, – с достоинством поклонился стряпчий, который вел дела сына герцога в Бривании. – Он был частью приданого вашей матушки и по традиции перешел к вам в день вашего совершеннолетия. Скромный особнячок на Тимбл-стрит.

Грегори нервно усмехнулся и потер бровь. На этой улице располагались семейные дома мелких аристократов. Стоит ему туда въехать – и его заочно женят на самой юной и глупой дебютантке

сезона. Это было совсем не то, чего ему хотелось. А чего, собственно, ему хотелось?

– В доме можно жить? – уточнил он у стряпчего.

– Дом сдавался еще до вашего рождения, милорд, но в прошлом году леди Виола распорядилась рассчитать жильцов и сделать полный ремонт с частичной заменой обстановки. Средств, выплаченных арендодателями за год, как раз хватило. Так что дом полностью готов вас принять. Минимальное количество слуг там есть.

– Это хорошие новости, – решил Грег. – Что еще?

– Нужны ваши распоряжения по поводу устричной фермы, двух корабельных рощ и недавно приобретенного дома на Салонной улице.

– На Салонной? – Грегори зацепился за знакомое название.

Еще в школе Ритон они мечтали каждый вечер проводить на Салонной – переходить из салона в игровой зал, а оттуда в ресторацию с актрисами или певичками. Улица славилась «мужскими» заведениями и клубами по интересам.

– Мистер Ллойд не смог вовремя вернуть заем и расплатился с вами пустующим помещением карточного клуба.

– Вот как... – Утомленный лорд внезапно потерял интерес к делам. – Оставьте бумаги на столе, мистер Сеттинг, я просмотрю и сообщу вам свое решение.

Едва стряпчий ушел, Грег практически упал в кресло. Тайлер сразу налил в таз воды, протянул влажное холодное полотенце – утереть пот, освежить лицо, и вынул из шкафа в библиотеке чистую сорочку:

– Вам лучше сменить рубашку, милорд, сегодня свежо.

Грегори не стал спорить. Скинул сюртук, жилет, галстук, рубашку, поплескался в тазу, отгоняя слабость, надел сухую сорочку, вновь завязал галстук, потом сел за стол и посмотрел невидящим взором на стопку корреспонденции. Приглашения, вежливые письма от родственников, счета, снова приглашения, визитки... А это что? Аманда? За полгода от нее не было ни одного письма! А теперь? Грег не заметил, как задрожали его руки, когда он взломал печать.

Короткие скупые строчки привели его в недоумение. Уволили из лаборатории? Нет средств? У Аманды? У умной, сильной девушки с несомненным даром алхимика? Где она? Что с ней? Почему не решилась написать сразу? Все потом!

– Тай! Коляску! Мы едем... в университетский кампус!

Легкий весенний дождь прекратился, выглянуло солнце, когда Грег въехал на территорию университета. Он подозвал мальчишку-газетчика, назвал адрес, велел передать записку для мисс Стоукс и замер в коляске, борясь со своими чувствами. Прошло девять лет. Он изменился, мир изменился, насколько же изменилась Аманда?

Он не поверил своим глазам, когда из двери кампуса выскользнула худощавая девушка в черном платье с белым воротничком. Все та же Аманда! Похудела, побледнела и нервно мнет прежде спокойные руки, но лорд по-прежнему не в силах отвести от нее взгляд.

– Милорд? – В глазах столько надежды и опасений!

– Мисс Стоукс! – Стараясь не выдать собственную внезапную растерянность, Грегори спустился со ступенек экипажа, опираясь на трость, и предложил девушке руку: – Прогуляемся? Я получил твое письмо...

Аманда закусила губу, положила ладонь на сгиб его локтя, сделала несколько шагов по дорожке, остановилась и под его мягким вопрошающим взглядом сбивчиво начала рассказывать, что заставило ее написать школьному другу.

История оказалась банальной. Перспективная студентка много работала и быстро стала перспективной аспиранткой. Выполняла работу парочки преподавателей, получала скудное жалованье и писала научную работу, надеясь приобрести звание профессора, а вместе с ним уютный дом, приличное жалованье и статус. Не так много для мужчины, но невероятная величина для одинокой женщины без покровителей и древнего рода.

Девушка шаг за шагом продвигалась к своей цели, однако полгода назад Аманду уволили со скандалом. Один из руководителей академии обвинил ее в плагиате, потряс перед старшим преподавательским составом дурно переписанными черновиками, и безродную сироту, не выслушав, выгнали.

– Как же ты живешь? – удивился Грегори.

Он помнил, что «королевских сирот» поддерживали первые пять лет после учебы. Точнее, не поддерживали, а обязывали служить короне. Однако прошло уже девять лет, а значит, Аманда выплатила долг и отпущена в свободное плавание. Странно, что столь умного и способного алхимика вдруг выбросили за борт.

– Уже полгода пишу эссе ленивым студентам, – грустно сказала Аманда. – Мне хватало этого на оплату комнаты и еды, я ведь живу одна. Но несколько дней назад ко мне пришла некая дама... Она долго хвалила мои таланты, вспомнила мою аспирантскую практику в медицинской лаборатории при королевском госпитале, а потом... – Девушка остановилась, развернулась и уставилась прямо в глаза другу детства. – Ты знаешь, что такое ритейский дурман?

– Что? – У лорда от неожиданности дернулось веко.

Ритейский дурман был алхимическим зельем, дарующим сладкие сны. Несколько серых крупинок, растворенных в стакане воды или легкого вина, помогали забыться сначала на сутки, потом на двенадцать часов, потом на шесть... Через полгода несчастный, подсевший на дурман, готов убить за несколько крупинок и за лишний час забытья.

– Так вот, вчера эта милая дама предложила мне лабораторию, жилье и высокое жалованье, чтобы наладила изготовление дурмана. Где-то в пригороде.

– Ты согласилась? – нашел в себе силы уточнить Грегори.

– Нет, – качнула головой Аманда. – Я слишком хорошо знаю последствия злоупотребления этим зельем. Практику проходила как раз в том отделении, где пытались лечить тех, кто уже не мог без дурмана даже дышать. Я не собираюсь варить этот яд, но сегодня меня попросили съехать из комнаты, срочно заплатить мяснику и молочнику. Угольщик вдруг забыл привезти уголь, в лавке не продали чернила и бумагу. Боюсь, завтра меня будут ждать у двери с требованием съехать немедленно, а мне просто некуда идти.

– Я понял. – Грег сжал губы и потянул девушку к экипажу. – Поднимись к себе с Таем. Помнишь его? Собери то, что для тебя важно. Личные вещи, записи. Остальное оставь. Ты едешь со мной!

– С тобой? Куда?

– В особняк герцогов Ратлендских, – серьезно ответил Грег и добавил: – А завтра мы что-нибудь придумаем.

Глава 7

Сборы Аманды не заняли много времени. Увидев всего один саквояж, стопку книг и корзинку склянок, Грег еще раз убедился в своей правоте. Разве может гениальный ученый жить в таких условиях? Творить? Тай молча сел рядом с кучером, давая старым друзьям возможность поговорить. Однако они молчали до самого дома. Только в холле, заметив легкую хромоту Грега, Аманда вдруг скупно улыбнулась:

– Я читала все твои письма, жаль, нечасто могла ответить. Почему-то письма нередко возвращались с пометкой «адресат не найден».

– Я же путешествовал, – постарался улыбнуться в ответ Грегори, чувствуя, что вот-вот сползет по стеночке от головокружительной слабости.

Ситуацию разрешил Тайлер. Он отвлек девушку, указав ей на дворецкого:

– Мистер Бриггс поможет вам устроиться в гостевом крыле, мисс, а я провожу милорда. Ему нужно принять лекарство.

Мисс Стоукс не возражала. Скромно проследовала за чопорным слугой, а Тай потащил брата в спальню, ворча по дороге:

– Изволили распушить хвост перед юной мисс, милорд? А если раны откроются?

– Не бурчи, – слабо отбивался Грегори, всем весом навалившись на плечо верного друга, – не откроются. Я же не мог оставить Аманду в этом клоповнике?

– Не могли, милорд, – согласился Тайлер, волоча брата, как раненого бойца. – Но можно было выпить лекарство или хотя бы не забывать трость в коляске.

– Когда ты так кудахчешь надо мной, – отозвался Грегори, почти теряя сознание от резкой боли, – то напоминаешь мне матушку!

– Леди Виола – прекрасная мать и достойная герцогиня, – не уступил Тай, благоговеющий перед матерью Грегори. – Быть похожим на нее – честь для меня!

Лорд Лайвернес закусил губу и с коротким стоном рухнул в ближайшее кресло:

– Убедил! О, брат мой, похожий на мать мою, неси уже лекарство!

Тайлер хмыкнул – раз лорд еще способен на высокопарный слог, значит, дела не так плохи. Лекарь предупреждал, что кратковременные приступы боли скоро прекратятся, нужно лишь потерпеть. Но где лорд Грегори и где терпение?

Порция противной микстуры, стаканчик бренди и очередная смена белья вернули сыну герцога невозмутимость и силы настолько, что он пригласил свою гостью на чай в маленькую гостиную. К чаю традиционно подали серебряную горку, заполненную сэндвичами с огурцом, холодной говядиной, сыром и яйцами с грибным паштетом. На отдельных блюдах красовался тминный кекс, шоколадное печенье и пудинг с изюмом.

Тайлер придирчиво осмотрел стол, поправил салфетки и замер у двери, изображая образцового слугу. Грегори тихо усмехнулся – брат по привычке не оставлял его одного и желал быть в курсе всех событий и разговоров.

Аманда вошла в гостиную все в том же платье. Она лишь сменила простой полотняный воротничок на широкий кружевной и пригладила волосы.

– Тебя хорошо устроили? – выразил беспокойство Грегори. – Прости, что не проверил все сам. Нога подвела...

– Ранение? – серьезно спросила девушка и, заметив раздражение на лице старого друга, поспешила его успокоить: – Я догадалась. Ты двигаешься, оберегая правую ногу и левую руку.

– Наблюдательности у тебя не убавилось, – постарался перевести все в шутку лорд.

Девушка присела к чайному столу и уточнила:

– Ты позволишь? Не хотелось бы звать слуг...

– Да, конечно! – встрепенулся Грегори, наблюдая, как тонкая, но сильная рука берет чайник, чтобы наполнить чашки. – Прости, совсем позабыл о манерах на континенте.

– Я понимаю. – Взгляд Аманды сказал ему, что она действительно понимает. – Я никогда не верила, что ты мог просто прожигать деньги и жизнь почти десять лет. Твои письма... В них было столько тоски и усталости...

– Теперь я в отставке, – криво усмехнулся лорд Лайвернес, стараясь отойти от болезненной темы.

– А я на улице, – дернула плечом Аманда. – Наши мечты оказались детской наивностью.

В этот момент на Грегори снизошло озарение. Мечты! Он свои практически осуществил – богат, знатен, в отставке. А мечты друзей? У него сейчас есть деньги и связи, чтобы помочь им. Разве трудно найти для Аманды дом, лабораторию, дать средства на написание научной работы? Правда, она ничего не возьмет, но ведь он умеет убеждать людей!

– Ты не на улице, – строго сказал он. – И никогда там не окажешься. Такой специалист, как ты, всегда будет нужен.

– Преступникам, варить дурман, – снова нахмурилась девушка.

– Выпей чаю, ты устала и расстроена, – постарался отвлечь ее лорд Лайвернес. Он вдруг понял, что огорчило его подругу детства: перед ней столик, уставленный едой, а хозяин дома не съел ни крошки. Этикет не позволяет ей утолить голод, а кто знает, когда Аманда ела в последний раз?

Мысленно ругая себя последними словами, Грег взял сэндвич, откусил кусочек и уставился на картину над камином, давая девушке возможность поесть. А когда решил, что первый голод утолен, вернулся к беседе:

– Ты не знаешь, где сейчас Кентавр? Я писал ему в Пограничье, но не получил ответа.

– Он вернулся... – Аманда потупилась. – Его уволили.

– Уволили?! Да он же один из лучших огневиков выпуска! Медали, благодарности! Что произошло?

– Мы виделись, когда Махоун приехал в столицу под конвоем, – объяснила девушка. – Коротко повидались на прогулке в гарнизонном дворе. Его ждали на разбирательство. Ударил вышестоящего офицера.

– Не сжег – ударил? – уточнил Грегори.

Он помнил нрав Килкени и понимал, что боевик запросто мог спалить на месте того, кто вызвал его гнев. Но в то же время знал, что боевиков жестко учат контролировать стихию. Если Кентавр сжег своего, наказание только одно – магические кандалы, навсегда запирающие магию, и рудник. Корона не убивает тех, кто еще может

принести ей пользу. А маги, даже с запертыми способностями или перегоревшие, живут долго, гораздо дольше обычных людей.

– Он говорил, что им в командиры прислали мальчишку, который загнал отряд в болото, – грустно объясняла, что помнила, Аманда. – Выжило десять человек.

Грег передернул плечами. Страшнее начальника-тирана был начальник-идиот, это он успел узнать на своей шкуре.

– А что с Аллиалем? – спросил он, принимаясь за кусочек тминного кекса. Все же так, как кухарка особняка Ратлендов, его умели готовить немногие.

– Насколько я знаю, он служит в театре. Играет редко, перебивается с хлеба на пиво. В чем причина такой немилости – не говорит, а я не спрашиваю. Начинал он очень ярко.

Лорд Лайвернес задумчиво побарабанил пальцами по краю столика, показывая, что услышал речь девушки. А сам внезапно понял: у него действительно есть шанс собрать старых друзей и помочь им обрести мечты. Только под каким соусом? Не важно, он придумает, а пока нужно устроить Аманду, навестить Аллиаля и отыскать Кентавра. Он надеялся, что с ними всеми его новая жизнь обретет смысл.

Глава 8

Здание театра было огромным. Три сцены, приватный зал для прослушивания, многочисленные гримерки и репетиционные классы. Три королевы строили это великолепное здание, и каждая сцена носила имя одной из них. Но помимо прекрасных зрительных залов и сцен, в здании театра хватало темных углов и грязных каморок. В одной из таких комнатусек Грег и отыскал Аллиалья.

Худощавый парнишка, облаченный в заляпанный пудрой и красками балахон, быстро гримировал целую толпу певичек к вечернему спектаклю.

– Ал? – Грегори дождался, пока юные прелестницы выпорхнут из комнатуски и убегут в сплетение коридоров, а гример устало опустится на табурет и прикроет глаза.

– Грег?.. – Молодой человек вскинулся, не доверяя слуху, потом вскочил. – Это правда ты?! Живой!

Такой искренней радости Грегори не видел даже у своих родителей.

– Я! Если ты уже закончил размазывать краску, пойдем выпьем эля, я угощаю!

Аллиаль быстро сбросил балахон, натянул потертый бархатный сюртук, захлопнул дверь и потянул друга к выходу:

– Идем скорее, пока не замели!

Посмеиваясь, как подростки, они торопливо выбрались из театральных коридоров, вдохнули прохладный ночной воздух и не спеша двинулись к ближайшей таверне. Там Грегори заказал мясной пирог, две пинты пива и молочные тянучки – помнил еще, как Ал любил эту сладость в школе.

– Спасибо. – Тонкие пальцы менталиста погладили край тарелочки с тянучками. – Ты не забыл.

– Что с тобой произошло, Ал? Я думал, ты уже на ведущих ролях! С твоим талантом гримировать кордебалет?

– Расскажу, если интересно, – с грустной усмешкой ответил Аллиаль, пригубив пиво.

История чем-то походила на историю Аманды. Закончив школу Ритон, дер Журбье получил распределение в Королевский театр, учеником. И стипендию. Ровно такую, чтобы хватало на койку в большой комнате ученического общежития, хлеб с сыром на завтрак и кружку супа на ужин.

– Весь день на ногах, но я был счастлив, ты же понимаешь, я бредил театром, мечтал писать пьесы...

Мечты разбились довольно быстро. Учеников в театре было много, а ролей мало. Даже за «кушать подано» велись бои, и поначалу Аллиаль выигрывал их. Королевская стипендия позволяла не бегать по урокам, не торговать газетами, не продавать черствые булочки у театрального подъезда. Он учился у мастеров, наблюдая за репетициями, много читал, репетировал сам, прячась в закоулках театра. И однажды получил намек, что роль робкого юноши, влюбленного в отчаянную главную героиню, может стать его.

– Ты же знаешь, – разгорячился Аллиаль, делясь с Грегори сокровенным, – театр живет слухами! Мне сказали, что на пробах присутствовал директор и ему понравилась моя игра! Я был счастлив, порхал весь день... А вечером... Вечером получил приглашение в кабинет.

Через пару фраз лорд Лайвернес понял, что директор театра оказывал протекцию юным смазливим актерам, если они не отказывались от свиданий в директорском кабинете. При этом сей достопочтенный лорд был женат, имел детей и выступал ярким противником однополых отношений.

– Я не смог! – Аллиаль сказал это насмешливо и с горечью. – Представляешь, собирался весь день, настраивался – и я, приютская шваль, просто не смог! И роль прошла мимо меня к тому, кто смог. А потом следующая, и еще одна. Когда до окончания стипендии осталось полгода, меня нашел мистер Стейси, главный гример, и взял учеником.

– Директор не возражал? – осторожно уточнил Грегори, боясь ранить друга.

– До окончания стипендии я должен был работать в театре, – пожал плечами Ал. – А кем, чиновникам все равно.

– Значит, ты прошел обучение и остался работать гримером?

– Нет, меня уволили, – дернул плечом Аллиаль, видимо, воспоминания все еще причиняли ему боль. – Но мистер Стейси

научил меня не только гримировать, но и успокаивать девочек из хора, вовремя подавать вино актерам второго плана и собирать листы суфлеру. Я прижился в театре, стал своим, так что они все скидываются и нанимают меня, такого же неудачника, как они, чтобы я рассказывал им об их грядущем величии!

Лорд Грегори не стал отвечать на эту горькую фразу. Просто поднял кружку с элем, а когда Ал запил свое разочарование парой глотков пенного, спросил:

– Ты Кентавра нашего не встречал?

– Виделись, – ответил актер, и его губы тронула легкая улыбка. – Ты не представляешь, после разжалования Махоун примкнул к банде придурков, гоняющих на железных конях!

– Килкени – на железном коне? – поднял брови Грегори. – Любопытное, должно быть, зрелище!

– Не сомневайся, – отозвался Аллиаль, и его улыбка снова стала прежней – сияющей и беззаботной.

Они поболтали о друге, потом вспомнили Аманду.

– С ней все хорошо, – ответил Грег. – Живет в небольшом особняке на приличной улице, создает свою лабораторию, планирует писать новую научную работу.

Ал кинул на Грегори подозрительный взгляд:

– Когда мы виделись в последний раз, Мэнди жила в клетушке кампуса и писала эссе ленивым студентам.

– С той поры кое-что поменялось. – Грегори обвел взглядом толпу, собравшуюся в зале после окончания представления. – Если хочешь, я расскажу тебе, только не здесь. Выйдем.

Он быстро расплатился и вывел захмелевшего актера на улицу. Подозвал экипаж, усадил в него друга и скомандовал:

– Особняк герцога Ратлендского!

Глава 9

Забрав Аманду из кампуса, Грегори тем же вечером отправил во дворец прошение об аудиенции у его величества. Да, наглость. Да, будь он просто одним из винтиков королевской машины, ему бы светила вежливая отписка. Но, к счастью, он мог просить о помощи как сын герцога, и он сделал это. Его дядюшка по матери, граф Висбах, был очень удивлен послеобеденным визитом младшего племянника. А уж его просьба – посодействовать аудиенции – и вовсе изумила немолодого уже придворного.

– Грегори, мальчик мой, я впервые слышу от тебя подобную просьбу. – Дядюшка разлил по бокалам бренди и опустился в огромное уютное кресло у камина. – Ты уверен, что я или твой отец не можем помочь тебе в твоём деле без обращения к его величеству?

– Уверен, дядюшка. – Грег задумчиво посмотрел в огонь и объяснил: – У меня есть предложение для его величества. Оно касается безопасности. Если же король откажет, тогда я с легким сердцем сделаю предложение другим людям. Но сначала нужно получить одобрение или запрет от монарха.

Граф Висбах одобрительно кивнул:

– Тогда ты поступаешь правильно, мальчик. Если твоя задумка может коснуться королевской семьи или королевской чести, его величество должен знать!

После они еще немного поболтали, обсудили лошадей, очередную оперу, охоту, а вечером следующего же дня в особняк герцога Ратлендского пришло письмо с королевской печатью: аудиенция была назначена на завтра, в два часа после полудня.

Волнуясь, Грегори плохо спал ночью. Накануне он не только навестил дядюшку, но и посетил Аллиаля. Посмотрел, как живет старый друг, потом привез в особняк на ужин. За трапезой лорд Грегори обсудил свою идею с Амандой, Алом и Таем. На следующий день написал все необходимые бумаги и даже уложил их в красивую папку с гербом герцогства. И все же его глодало беспокойство – одобрит ли король столь необычную задумку?

С утра в день аудиенции Тайлер приготовил лорду Лайвернесу ванну, потом подал визитный костюм и газету. Новости с континента радовали – они касались исключительно светских мероприятий, скачек и достижений прогресса. Кто-то победил в гонке на железных конях, кто-то изобрел новый, особо прочный сплав, а кто-то нашел новый способ окрашивания тканей. Тишина и благолепие! Отбросив газету, Грегори решил, что настало время перекусить.

К завтраку в столовую спустилась Аманда. Ал ночевать не остался, а девушка все еще жила в особняке, в гостевом крыле. Грегори в первый же день предупредил ее, что без компаньонки это неприлично, и сразу нанял через агентство пожилую нелюбопытную даму из офицерских вдов. Миссис Дженкинс прибыла через час после появления агента, подписала бумаги, получила аванс и теперь тихонько ходила за девушкой повсюду, сидела с вязанием в гостиной и аккуратно соблюдала дистанцию, чтобы не услышать ничего лишнего. Даже Тай оценил деликатность компаньонки и порекомендовал милорду прибавить ей жалованье. Грегори решил оставить этот вопрос на усмотрение мисс Стоукс, но согласился с братом, что с компаньонкой им повезло.

После завтрака и газет Грегори предупредил Аманду, что сегодня все решится и поэтому до обеда ей нужно собрать вещи, чтобы ехать в новый дом.

– В новый дом? – удивилась девушка.

– Да, у меня есть особняк в приличном районе. Там ты будешь жить с миссис Дженкинс, устроишь себе лабораторию, снова напишешь научную работу, и никто ее не украдет. А я сегодня узнаю, будет ли у меня служба, а у тебя – защита и жалованье.

Мэнди потупилась. Если бы не присутствие миссис Дженкинс, она бы схватила лорда за белоснежный галстук, потрясла и спросила – точно ли он оправился от ранения или удар головой о мостовую оказался фатальным? Его идеи казались ей фантастическими, а скорость, с которой он их воплощал, – волшебством.

Заметив ее пунцовые щеки, Грег понял, что сказал что-то не то, повторил про себя сказанное и едва не застонал!

– Аманда! – позвал он девушку, дождался, когда она поднимет глаза, и продолжил: – Это абсолютно приличное предложение. Я просто хочу, чтобы ты возобновила свои исследования. Стряпчий

сегодня оформит договор аренды за один шиллинг. Я останусь жить здесь. Это дом моего отца, я имею здесь свои комнаты. Ты могла бы жить здесь с компаньонкой как моя гостья, но в этом парадном склепе нельзя устроить лабораторию, на это нужно разрешение моего отца. А в своем доме я имею право делать все, что мне заблагорассудится.

Краска медленно сползала с лица Мэнди, но Грегори чувствовал, что ей не хватало еще чего-то для полной уверенности в нем.

– Заработаешь денег и выкупишь особняк, если это для тебя так важно. Или купишь другой, – улыбнулся он. – Главное для тебя сейчас – лаборатория с полным набором инструментов и реактивов! Ты же помнишь, о чем мы говорили?

Девушка наконец отмерла:

– Я все поняла, милорд, прикажу собрать мои вещи. Нас проводит Тайлер?

– Увы, Тай мне нужен во дворце. Но я сейчас напишу стряпчему. Он вас отвезет и возьмет у тебя список необходимого. Не стесняйся, указывай фирму-производителя или лавку, в которой нужно приобрести оборудование и ингредиенты.

После этого разговора завтрак закончился быстро. Аманда упорхнула собирать свои невеликие пожитки, а Грегори задержал компаньонку:

– Миссис Дженкинс, вы не будете разочарованы переездом?

Сменить особняк герцога на скромный дом одинокой девушки решится не каждая компаньонка, ведь среди них, как и среди нянь, камеристок и экономок, тоже шла незримая конкуренция за более знатный дом.

– Нисколько, милорд, – заверила его вдова. – Женщине, даже такой юной и скромной, как мисс Стоукс, приятнее быть хозяйкой собственного дома, чем гостьей в чужом.

– Рад, что вы так считаете, – скупой улыбнулся лорд. – Боюсь, в новом доме вам придется взять на себя обязанности экономки: когда Мэнди увлекается работой, она и поесть забывает. Ваше жалованье будет соответствовать задачам.

– Буду рада помочь, милорд, – присела в книксене миссис Дженкинс.

На этом деловые разговоры были прекращены – настало время ехать во дворец.

Столь ранний выезд из дома был оправдан серьезными мерами безопасности. Королевский дворец отделялся от города тремя кругами защиты. Первый, самый простой, представлял собой парк, в который можно было попасть через массивные ворота, возле которых дежурила стража. Ворота было несколько: через парадные въезжали кареты с гербами, через малые входили люди, а через черные запускали телеги с провиантом, слуг и торговцев.

Следующим кругом служили всевозможные павильоны, кавалерские и дамские корпуса, а также служебные строения вроде прачечного корпуса, швейного и кухонного. В этом кольце стражников было больше, к тому же тут нередко прогуливались псары с собаками на поводке.

Третьим кольцом служил сам дворец. Многочисленные входы и выходы, стражи или лакеи у каждой двери, особая система пропусков – преодолеть все три кольца постороннему человеку практически невозможно. Однако конверт с алой печатью служил отличным пропуском. Миновав все заслоны, лорд Грегори очутился в сияющей позолотой приемной. Примерно через час ожидания к нему вышел чопорный секретарь в скромном коричневом камзоле и сообщил, что его величество готов выслушать лорда Лайвернеса на прогулке во внутреннем парке.

– Пройдите в эту дверь, милорд, вас проводят.

Грегори поклонился и отправился туда, куда показали. Высоченный лакей в ливрее с королевскими гербами сдержанно поклонился и через сотню шагов вывел гостя в парк:

– Его величество ждет вас в начале следующей дорожки, милорд.

– Благодарю. – Грегори поспешил в указанном направлении и нашел монарха возле фонтана.

Король кормил золотых рыбок и выглядел вполне расслабленным и благодушным.

– Лорд Грегори! Я был удивлен вашим желанием поговорить со мной лично. Впрочем, мне намекнули, что у вас есть для меня некое предложение. Пройдемся, я вас слушаю.

Они неторопливо двинулись по дорожке, обрамленной широкими цветочными бордюрами, и Грег, взяв себя в руки, коротко изложил собственную идею:

– Ваше величество, я прошу у вас разрешения на открытие небольшой секретной службы расследований.

– Что?! – Монарх даже остановился, так изумило его это предложение.

– Я много лет служил вам официально. Теперь по здоровью вышел в отставку. У меня есть опыт, знания, а также понимание, что существуют деликатные дела, с которыми неудобно обратиться даже к собственной тайной службе. Вот такие вопросы я и мое агентство будем решать за определенную плату. Также мы будем брать задания от других подданных вашего величества, и только за деньги.

Король молча прошел около полусотни шагов, прежде чем заговорил:

– Задумка хорошая, лорд Грегори, я вижу ее преимущества и недостатки. Где же вы будете нанимать людей?

– Отставники, отказники, люди, уволенные со службы по недоразумению или по навету. Они будут рады получать жалованье и делать то, что умеют. Им нет нужды хранить секреты, ведь каждый будет видеть и выполнять лишь малую часть общей работы.

– Так чего же вы хотите от меня? – с любопытством спросил монарх.

– Вашего разрешения, ваше величество. Я уверен, что мое агентство будет пересекаться с официальными службами короны, и хотел бы избежать конфликтов, ведь нам предстоит делать одно дело.

– Пожалуй, вы правы, лорд Лайвернес. Меня радует ваша предусмотрительность и деликатность. Я обдумаю ваше предложение. Оставьте бумаги секретарю.

Грегу ничего не оставалось, как поклониться и уйти. Папку с бумагами он передал сухопарому мужчине, который проводил его до ближайшего стражника и распорядился отвести милорда к его экипажу.

Когда Грегори вернулся в особняк, Аманды в доме уже не было. С сожалением вздохнув – общество подруги детства приносило ему немало положительных эмоций, утомленный общением с монархом, Грегори поднялся к себе и уснул, забыв поужинать. А на следующее утро в дом доставили конверт с королевским разрешением.

Глава 10

Первое дело настигло новоиспеченного главу сыскного агентства уже к обеду. Лорд Лайвернес только сел за стол, собираясь насладиться супом из спаржи, мясным суфле и овощной запеканкой, как в холле раздался стук, крик, топот, – и в столовую ввалился бледный как полотно Аллиаль.

– Грег! – Актер задыхался от долгого бега и буквально валился с ног.

– Что случилось? – немедля отложил салфетку лорд.

– Полиция! За мной! – только и сумел прохрипеть дер Журбье.

Грегори, не меняя спокойного выражения лица, скомандовал дворецкому:

– Двери запереть, всем сообщать, что я не принимаю! Тай! – Бастард немедля очутился рядом. – Проводи гостя в комнаты тетушки Клариссы, помоги привести себя в порядок, потом подай туда обед. Думаю, часа через два мы сможем поговорить.

Не успел беглец опомниться, как камердинер лорда Лайвернеса подхватил его под руку и повлек из столовой. Мужчины только-только успели свернуть в коридор, как где-то внизу, за их спинами, раздалось громкое:

– Я капитан полиции! Вы не имеете права не пустить меня в дом!

Аллиаль вздрогнул, но Тайлер продолжал тянуть его за собой. Наконец где-то в середине коридора бастард остановился возле невинной с виду картины, дернул подсвечник и втолкнул гостя буквально в стену. Ошеломленный актер пролетел несколько шагов, прежде чем сумел восстановить равновесие.

– Прошу прощения, мистер дер Журбье, – слегка поклонился Тай. – Я вынужден был поспешить.

– Разве меня не найдут? Полиция? – вздрогнув, пробормотал Аллиаль.

– Не найдут, – успокоил его Тай и пояснил: – У милорда была эксцентричная тетушка, прозванная Ночной Красавицей. Она не выносила солнечного света, но при этом была любима братом-герцогом и не чуралась высшего общества. Здесь были ее личные

покои до замужества. В этих комнатах нет окон, а двери замаскированы, словно в старинном замке. Леди Кларисса увлекалась мистикой, считала, что, если она хорошенько спрячется, злые духи ее не найдут.

Болтая и отвлекая гостя, Тайлер успел запереть дверь, усадить трясущегося актера в кресло, сунуть ему в руки бокал с бренди и заняться разведением огня в камине.

– У нее получилось? – растерянно уточнил дер Журбье.

– Что получилось? – не понял вопроса камердинер, чиркая длинной спичкой по камню.

– Спрятаться от злых духов?

– Леди удачно вышла замуж и уехала туда, где солнца не бывает полгода. А ее комнаты остались маленьким секретом особняка Ратлендов, – мягко улыбнулся Тайлер.

Забалтывая постепенно успокаивающегося актера, Тай смочил водой из кувшина полотенце и протянул ее гостю:

– У вас кровь на лице, сударь. Могу поискать вам рубашку и галстук, хотя вы несколько ниже милорда...

– Это же покои дамы? – сдирая обрывки манжет, вспомнил Аллиаль.

– Милорд давно приказал держать эти комнаты готовыми к приему внезапных гостей, а значит, в шкафу найдется одежда на любой вкус, – серьезно ответил бастард.

Он действительно отыскал рубашку, галстук и теплую домашнюю куртку – актера все еще пробирал нервный озноб. Умывание, пусть и холодной водой, вернуло ему самообладание, а стаканчик бренди успокоил нервы. Убедившись, что гость расслабился и присел в кресло рядом с разгорающимся огнем в камине, Тайлер ушел, чтобы принести ужин, но предупредил:

– Если полицейские уже в доме, я передам вам ужин через лифт, – и показал небольшой шкафчик рядом со столом в гостиной.

В особняке было шумно. Лорд Грегори спустился в холл и громко возмущался полицейским произволом. Полицейский капитан настаивал на осмотре дома, уверяя, что в него проник преступник.

– Вы можете дать гарантию, что кто-то из ваших людей не прихватит статуэтку с каминного огня или нитку жемчуга с туалетного столика

моей матушки? – с самым высокомерным и снобистским видом поинтересовался лорд.

– Мои люди имеют безупречную репутацию! – горячился служака.

– Тогда вас не удивит, если я скажу, что немедленно активирую систему безопасности и никто не сможет выйти отсюда, даже если прихватит пуговицу с пола?

Капитан надулся, а лорд невозмутимо продолжал:

– Конечно, вы можете осмотреть дом, раз вы так уверены в своих подчиненных.

Ручеек полицейских проник в здание. Собак милорд пускать не разрешил, отговорившись своей аллергией, но старательные нижние чины осмотрели весь дом от чердака до подвала. Пока продолжалась суэта, Грегори обедал, а его слуга, прислуживая милорду, собрал поднос и поставил в красивый резной шкафчик. Одно движение – и полки внутри провернулись вокруг оси, в один миг оказавшись пустыми.

Лорд Грегори невозмутимо доел суфле, а после попросил камердинера:

– Тай, пригласи капитана сюда на чашку чая. Надо же узнать, кого и зачем он ловит.

Полисмен пришел нехотя. Однако после второй чашки «чая», на треть состоящего из бренди, признался, что ловили они «клятого менталиста», убивающего людей в приличных кварталах.

– Как же вы на него вышли? – искренне удивился лорд Лайвернес. – У него же на лбу не написано, менталист или нет.

– Да донос был, – вздохнул над третьей чашкой капитан. – Подкинули в участок писульку. А в бумаге той указали, что мы, мол, под носом у себя ничего не видим, а вот менталист в театре служит, людей убивает.

– Только донос? – поднял брови Грегори. – Ни окровавленной рубахи под кроватью, ни клинка под подушкой?

Капитан грозно пошевелил усами, и Тай поспешил подать ему четвертую чашку и большой кусок шоколадного пудинга. Сладость размягчила суровое сердце служаки настолько, что он признался: всевозможных доносов в участок приходит немало. А за этот они уцепились, потому как один благородный лорд намекнул им, что девушку, найденную в парке, убил менталист.

– Как же этот лорд определил, что это был менталист? – с доверительным видом склонился к полицейскому Грегори. – Я, знаете ли, в юности из любопытства присутствовал на лекциях в анатомическом театре доктора Тюльпа, – таким тоном, словно признавался в чем-то неприличном, сказал Грегори. – Видывал умерших от разных причин: и от старости, и от ножа в печень – но от ментального воздействия?.. Не встречал!

– Так кровь у нее отовсюду шла, – покивал головой капитан, со смаком откусывая здоровенный кусок пудинга. – Из носа, из ушей, даже рот весь в крови был. Лекарь наш сказал, что язык она себе откусила.

Грегори и Тайлер переглянулись. Занятия в анатомическом театре они посещали вместе. А еще во время гранд-вояжа им удалось побывать в одной малюсенькой деревушке, спрятанной в горах Бенгарики. Практически все ее жители были менталистами. Что на это влияло, никто не знал, но в деревню ехали специалисты со всего мира, чтобы изучить данный феномен и... нанять ментального мага!

Там был один мужчина, который сошел с ума после гибели жены и дочери. Его собирались казнить за то, что он убил нескольких односельчан самым жестоким образом, причинив им невероятную боль. Трое мужчин, обрушивших камни на дом вдовца, выли от ужаса несколько минут, потом из их носов, ушей и глаз потекла кровь. Теряя сознание от боли, виновные в гибели женщин, корчась, упали на землю и откусили себе языки, а потом очень быстро погибли, захлебнувшись кровью.

Грегори тогда изображал из себя скучающего юнца, но слышал беседу лорда Толбота и лекаря, присланного вместе с розыскной командой. Лекарь и поделился информацией и мнением. Тот селянин, потерявший семью, не был самым сильным в деревне. Он имел очень средние ментальные способности, но горе свело его с ума, дало небывалую силу и изворотливость. Он не просто выследил убийц и прикончил в темном углу. Он заставил их выйти на площадь, признаться в содеянном, а потом казнил.

– Ему, конечно, отрубят голову, – вещал кругленький крепкий мужчина лет сорока, поблескивая стеклышками очков, – но этот грубый деревенский мужлан сделал то, на что неспособны наши самые высококобые ученые, – он контролировал трех человек одновременно!

Лорд Толбот поддакивал собеседнику и подливал бенгарского вина. А лекарь продолжал болтать, потихоньку, на примерах, приходя к выводу, что чем сильнее менталист, тем он безумнее.

– А как звали того образованного лорда? – небрежно спросил лорд Лайвернес, возвращаясь из прошлого в уютную столовую особняка Ратлендов. – Хотелось бы познакомиться со столь редким специалистом.

Полицейский хотел было хитро прищуриться и отказаться говорить, но Тай поставил перед ним очередную чашку, и, сделав добрый глоток, служака смиловился:

– Лорд Цвейгер, геретский гость ваших соседей.

– Маркизов Блумсдейлов? Знаю-знаю, – рассеянно отозвался лорд Грегори. – А девушка одна погибла?

– Да в том-то и дело! – Капитан потемнел лицом. – Это в парке одна! И знатная какая-то девица: не то компаньонка, не то приживалка. Прежде тоже находили обескровленных девиц в речушке, на той стороне квартала, но там попроще барышни были: белошвейки, прачки, судомойки. Про каждую вторую думали, что сама утопла да под водой на корягу наткнулась. У остальных тоже причины находились в воду упасть. А на эту новый лекарь наш глянул, да и говорит, что у всех у них белки глаз красные были, – значит, всех одинаково убили, а потом в реке концы спрятали!

Грегори изобразил полагающийся изнеженному лорду ужас. Тела он видел, и не раз. Дансер ученика не жалел – водил и в морги, и в анатомические театры, показывал тела бродяг в пустынной части кладбища и пьяниц, замерзших в канавах. Особенно учитель любил прогулки у реки – наглядно демонстрировал ученику, как может закончиться жизнь неудачливого шпиона.

Довольный капитан рассказал еще несколько полицейских баек и, когда подчиненные доложили, что ничего в доме не нашли, – чуть пошатываясь, откланялся. Грегори же предстояло срочно решить сразу несколько вопросов.

– Тай! Немедля отправляйся к доктору, который осматривал жертву. Возьми кошелек и копировальный артефакт. Заплати, скопируй все его бумаги на всех жертв. Я пока поговорю с Аллиалем. Для нас дело чести найти настоящего убийцу!

Тайлер поклонился и моментально покинул столовую. Лорд Грегори не спеша допил чай с кусочком сухого бисквита, дождался, пока в холле стихнет суета взбудораженных слуг, а потом двинулся в сторону комнат тети Клариссы.

Глава 11

Аллиаль спал в кресле. Грегори устроился в кресле напротив и задумался, разглядывая старого друга. Актер оставался худощавым, бледным и удивительно привлекательным. На его лицо хотелось смотреть, хотя его портили горькие складочки в уголках рта и темные круги под глазами. Ощувив взгляд, дер Журбье дернул головой и проснулся. Сонные, удивительно красивые желтые глаза, похожие на кусочки янтаря. В них не было безумия, боли, гнева – только усталость.

– Полиция еще здесь? – хриплым после сна голосом спросил Аллиаль.

– Ушли. Расскажи мне, что произошло?

– Утром я вышел в булочную, сам знаешь, вчерашние булочки утром можно купить дешевле, – усмехнулся актер. – Потом решил прикупить воска для лепки носов, мой закончился, и отправился на улицу Пчел, там вспомнил, что нужен китовый ус... В общем, бродил по городу, делал покупки, а когда вернулся в театр, меня в переулке поймала одна из девочек, предупредила, что за мной пришла полиция. Я бросился бежать, но меня увидели и побежали вдогонку.

– Так ты живешь в той самой каморке, в которой гримируешь? – постарался не выдать своего изумления Грег.

– Там тепло, есть вода и кушетка, а ем в трактире, – пожал плечами Аллиаль. – Я все равно провожу в театре большую часть дня: утром репетиции, вечером спектакли – а за койку в ночлежке надо платить.

– Я поговорил с капитаном, – отбросил ненужные мысли Грегори. – Полиция получила донос на менталиста. Кто знает о твоих способностях?

Актер задумался:

– Мой куратор от королевской службы сирот... или любой менталист, превосходящий меня силой.

Грегори пошевелил пальцами, словно перебирал карты в колоде. Такому приему упорядочивания мыслей его научил в свое время Дансер. Джентльмены нередко проводят вечер за игрой в карты, и

каждая картинка в колоде может быть тайным посланием или кодом памяти.

Если капитан прав и убийства совершал безумец, то преступник однозначно сильнее Аллиаля. Тот нарочито принижал и скрывал свои способности, как только понял, что его могут привлечь к тайной службе.

– А ты почувствуешь сильного менталиста, если он пройдет рядом? – задал вопрос лорд Лайвернес, пристально глядя на школьного друга.

– Нет, – покачал головой Аллиаль и пояснил: – Поводок. Он глушит посторонние сигналы и придерживает мои.

– То есть ты, зарегистрированный менталист, носишь ограничитель, а кто-то с диким даром может спокойно гулять по улице?

– Может – пока не наткнется на служащего короны, не имеющего ограничений. Такие есть в столице, и немало. Корона блюдет свои интересы.

– Если я прав, неприкрытого менталиста этот человек распознает издали, – чуть рассеянно сказал Грегори.

– Ты мне веришь? – чуть исподлобья глянул дер Журбье, вновь напомнив Лайвернесу того колючего мальчишку, которого Кентавр разыскал в дебрях школы Ритон.

– Верю, – спокойно кивнул Грегори, ровно так же, как когда-то говорил на чердаке школы.

Кажется, Аллиаля отпустило, и на длинных, почти девичьих, ресницах блеснула слеза.

Неловкий момент прервал легкий стук в дверь. Через секунду в комнату вошел Тайлер:

– Милорд, я хотел предупредить: полицейские оставили пост на выезде.

– Спасибо, Тай. Ал, придется тебе посидеть тут, пока мы будем разбираться с твоим делом. Чтобы не скучать, напиши список всего, что тебе понадобится для грима и переодевания.

На безмолвный вопрос Грегори ответил:

– Я получил от его величества разрешение организовать собственное сыскное агентство. До ищеек короны нам далеко, но у нас другие задачи. Если не получится найти того менталиста, который тебя

подставил, я просто выпрошу тебя у короля. А пока предлагаю контракт на год с... «Клубом джентльменов».

– Это то, что мы обсуждали за обедом? – ошеломленно уточнил Ал. – И что я буду там делать?

– Ровно то, что умеешь, – успокоил Грегори. – Гримировать наших людей для слежки, играть в небольших сценках, писать сценарии для розыгрышей. Иногда все это нужно больше, чем игра на подмостках. Согласен?

Лорд Лайвернес говорил так убедительно, что дер Журбье смотрел на него как зачарованный, потом вдруг улыбнулся и кивнул:

– Согласен. Для меня честь служить под вашим началом, милорд!

– Отлично! Тогда пиши список, а я пошлю за стряпчим, чтобы составить договор. А после определимся, как тебя спрятать от полиции.

Остаток дня прошел в суете и хлопотах. Тайлер отыскал полицейского доктора, скопировал его отчет по найденному в парке телу, а заодно и те, что были написаны до него. Переговоры были особенно успешны, после того как доктор понял, что бумаги нужны для поиска преступника, а не для прикрытия подозреваемого. Он даже поделился собственными выводами, указав, что девушки все как одна были схожего телосложения и возраста. Цвет волос, правда, различен, но белошвейки часто носят чепчики, как и прачки.

Пока камердинер обхаживал полицейского эскулапа, лорд Грегори вел дела со стряпчим. Они вместе составили договор сотрудничества для Аманды и Аллиала, добавили отдельную бумагу для Тайлера и образец, которым лорд собирался воспользоваться в ближайшее время.

Следующим пунктом была официальная регистрация игорного заведения «Кости судьбы» на Салонной улице. Только для избранных. В здании клуба следовало сделать ремонт, нанять персонал и отделить половину помещений для нужд милорда и его второго детища – «Клуба джентльменов».

Еще следовало подтвердить разрешение его величества на деятельность сыскного агентства «Клуб джентльменов» со штаб-квартирой в том же здании. Узнать, как дела в лаборатории у Аманды, передать ей содержание за месяц и заплатить компаньонке.

– Пригласите мисс Стоукс навестить меня завтра в особняке вместе с миссис Дженкинс. Лучше всего во время ланча. Передайте

приглашение лично во избежание сплетен. Мы подпишем договор и займемся первым расследованием. Важно, чтобы репутация мисс не пострадала, – диктовал требования Грегори, поглядывая в окно.

К счастью, мистер Сеттинг был опытным специалистом – лишних вопросов не задавал и обещал все исполнить четко и в кратчайшие сроки.

Едва стряпчий ушел, лорд Грегори отправился в комнаты тетушки Клариссы. Аллиаль встретил его настороженным взглядом и списком на трех листах – убористым почерком.

– Не знаю, сумеет ли твой человек все это достать, но я написал минимальный набор для грима, изготовления париков и костюмов.

Грег пробежал глазами список, покивал:

– Половину всего этого можно отыскать на чердаке. Я поговорю с экономкой, и через часок ты сможешь осторожно подняться с ней туда и отобрать необходимое. А завтра, если все пойдет так, как запланировано, переедешь в новый дом.

– Новый дом?

– В театр пока нельзя возвращаться, – уверенно сказал Лайвернес. – Но и тут держать тебя довольно опасно. В любой момент может приехать мама или братья с женами. Поэтому ты будешь жить в клубе.

– В клубе? – Сухие фразы старого друга привели актера в недоумение.

– Как только ты подпишешь контракт, все узнаешь, – тонко улыбнулся Грег.

Аллиаль внимательно прочел бумаги – лорд втайне порадовался тому, что старая дружба не лишила менталиста осторожности. Кое-что перечитал, нахмурил брови, потом взял перо из стоящего тут же письменного прибора и подписал.

– А теперь слушай... – Грегори сел в кресло и коротко, как сумел, изложил свою идею сыскного агентства под прикрытием игорного заведения. Про желание исполнить мечты друзей он пока умолчал. Рано.

– С фасада это будет обычный дорогой игорный клуб. А вторую половину здания займем мы.

– «Мы»?

– Я, ты, Аманда, Тайлер и, если мне повезет, Кентавр. Мы будем ядром. И первым делом найдем того безумца, который тебя подставил.

Глава 12

Махоун Килкени заглушил мотор в темном переулке, вынул прочный портсигар из железного дерева, щелкнул керосиновой зажигалкой, выдохнул дым, ловя момент тишины и наслаждения. Не так много удовольствий у солдата, даже если солдат – боевой маг. Та же грязь, те же комары, то же идиотское командование. Разве что палатка посуше да каша погуще, и табак в самокрутке чуть-чуть пахнет табаком, а не только паленой бумагой и сухой травой.

Болота Пограничья или городские трущобы – разница невелика. И тут и там могут сунуть нож в почку, и тут и там нужны друзья, готовые прикрыть спину.

Поначалу, ожидая суда после избиения полковника, Кентавр ярился. Проклинал офицеришку, возомнившего себя полководцем, не желал разговаривать с адвокатом, но тот оказался тертым калачом – привел в камеру к Махоуну выживших. Тех, кого он вывел из болота, прикрывая своим огнем. Друзья молча обнялись, и это позволило Килкени успокоиться и прислушаться к тому, что лопотал старикашка в смешном парике.

А говорил адвокат неглупые вещи. Ударить вышестоящего, конечно, плохо, но было бы хуже, если бы Кентавр его спалил, как собирался.

– Мистер, – устало усмехнулся огневик, звеня блокирующими силу браслетами, – я его не сжег только потому, что к тому моменту практически сжег себя.

– Это не важно, мистер Килкени, – ничуть не удивился и не испугался старичок, – главное, что лорд Бодуэн жив. Так что, думаю, обойдемся отставкой и обычной пенсией вместо почетной, полагающейся магам.

Махоун только рукой махнул – он не рассчитывал на пенсию вообще. Правда, возвращаться к родителям в их тихий фермерский городок тоже не хотел. Пусть только снимут браслеты, и он найдет себе работу! Крепкий мужчина, прошедший ферму и армию, не страшился никакой работы, даже грязной или физической. Другое дело, что офицеру и джентльмену как бы невместно. Но с этим быстро

разберутся плюющие ядом заседатели. Хорошо если не сошлют на каторгу! Именно такого конца ожидал Кентавр.

Адвокат не обманул. Ему удалось замять дело и свести все к простой отставке. Даже почетную пенсию отвоевал и выплату за неотгулянные десять лет отпуска. Кучка денег получилась не слишком большой, все ж военное ведомство умеет экономить, но ее хватило, чтобы купить теплый гараж, железного коня и вступить в братство тех, кто не мыслил дня без железа, бензиновой гари и скорости.

Жизнь как будто наладилась. Просторный гараж служил Кентавру жильем, а железный конь помогал зарабатывать на хлеб днем и дарил приключения ночью. Только порой накатывали воспоминания о воних Санаксарских болот да что-то щемило в груди, возле сердца.

Страхнув пепел и затоптав окурок, Махоун вынырнул из воспоминаний, завел мотор и отправился туда, куда его тянуло каждый вечер уже несколько месяцев, – в заведение под названием «Горячие штучки». Бар, зал со столиками и сцена, на которой пели и танцевали девушки в нарядах разной степени откровенности. «Горячие штучки» ничем не выделялись среди дюжины подобных заведений на улице Грез. Но для Килкени это было место, где он мог сколько угодно пялиться на Кэндис.

Милая кудрявая блондинка невысокого роста выходила в паузах между танцевальными номерами, напевала песенки, иногда шутила с посетителями и уходила, едва шум в зале заглушал звуки фортепьяно. Кентавр провожал ее до тесной квартирки в большом доходном доме, убеждался, что она вошла и зажгла лампу, а после растворялся в кривых переулках, ведущих к его гаражу.

Он не смел приблизиться к девушке, которой ему нечего было дать. Во всяком случае, он так считал. Разве позволит достойный мужчина своей женщине трудиться в грязном кабаке? Но его пенсии едва хватало на оплату его собственного существования. Работа курьером в дорогом магазине давала средства на содержание железного коня. Можно, конечно, не тратиться на кусок железа с мотором вместо сердца, но тогда и работы не будет. А пришибленных армией огненных магов никто не спешил брать на службу в контору или в цех – военное прошлое часто аукалось ветеранам не только унынием или головными болями, но и магическими срывами.

Кэндис же своим ежевечерним трудом содержала старенькую мать, хлопотавшую по хозяйству, и младшую сестру, ученицу храмовой школы. Содержать трех женщин, дать им дом Кентавр не мог, поэтому просиживал в «Горячих штучках» почти каждый вечер над единственным бокалом пива, а потом провожал девушку домой.

В этот раз он, как обычно, подошел к стойке, взял бокал и встал в углу, чтобы не мешать завсегдатаям. Позже можно будет присесть за столик, а пока нужно глянуть, кто сегодня гуляет в «Штучках», оценить опасность для Кэндис и пути отхода. Каждый вечер Килкени выстраивал путь, применяя военную тактику и стратегию, и порой его мысленные игры помогали певице вовремя унести ноги.

Однако стоило Махоуну встать на привычном месте, как его кто-то крепко стукнул по плечу:

– Кентавр!

Маг быстро обернулся, предполагая увидеть кого-то из «рычащего братства» или, может быть, сослуживца, а увидел элегантно одетого лорда, опирающегося на модную в этом сезоне эбеновую трость.

– Грег?! – не сразу узнал старого друга огневик.

– Я. – Лорд широко улыбнулся в ответ. – Подскажешь, что здесь можно выпить, чтобы не отравиться?

Немного растерявшись, Килкени ткнул пальцем в бутылку, стоящую на самом верху барной стойки:

– Вон там старый Дюк держит более-менее приличный бренди.

Грегори сделал знак бармену, и тот потянулся за бутылкой, разглядев в толпе состоятельного лорда. Бренди оказался недурным, так что Грег с удовольствием сделал глоток, а потом предложил однокашнику:

– Присядем? Расскажешь, как у тебя дела?

Они сели за угловой столик, из-за которого было неплохо видно сцену, и официант привычно принес Кентавру бокал пива, а лорд Лайвернес заказал пару отбивных и закуски. Смущаясь от своей неустроенности, Килкени коротко изложил свою историю, а потом замолчал, потому что на сцену вышла Кэндис. Ни горячее мясо, ни старый знакомый рядом не могли заставить его оторвать взор от девушки. Грегори, надо отдать должное его воспитанию и тактичности, молча сидел, не пытаясь вернуть себе внимание друга.

Когда Кэндис допела, поклонилась и ушла со сцены, Кентавр выдохнул и очнулся. Вспомнил про Грега и смутился. А лорд с интересом изучал содержимое своей тарелки и, только когда уши Килкени перестали полыхать, поднял голову и сказал:

– У меня есть для тебя служба, Кентавр.

– Служба? – сразу насторожился маг.

– Его величество позволил мне создать сыскное агентство. Аманда будет варить свои зелья, Аллиаль – гримировать и учить топтунов, я напрямую связи, а ты можешь быть нашей силовой поддержкой.

– Я уже был на королевской службе, – с легкой гримасой сказал Махоун. – Рад, что живым ушел!

– Ты будешь работать на меня, – отменил возражения Грегори. – Дела в основном в столице, приличное жалованье, жилье и возможность решать самому.

– Жилье? – На сцене задирали юбки весьма смазливые красотки, но Кентавр на них не смотрел. Его волновала возможность сменить район для Кэндис и ее матери.

– Съемный дом с возможностью выкупа, – кивнул Грег. – Я бы дал тебе время подумать, но у Аллиаля проблемы. Их нужно решать, и быстро.

– Расскажи, что за проблемы, – попросил Махоун. Он все равно не собирался уходить из бара до завершения выступления Кэндис.

Грегори коротко изложил историю дер Журбье и объяснил, почему торопится:

– Мелкого надо спасать и к нормальному делу пристраивать. Он в театре своем совсем зачах. Только одному мне не справиться. Если я прав и этот менталист безумен, он просто так себя захватить не даст...

– А про боевых магов говорят, что они и так чокнутые – мозги давно в штаны стекли, – с ла-а-асковой улыбочкой дополнил Кентавр. И тут же сменил тон: – Не держи меня за идиота, Грег, ты этого менталиста сам найдешь через пару дней. А там или полиции сдашь, или торжественно за яйца подвесишь. Не надо мне твоей чертовой благодетельности!

Махоун говорил негромко, но завсегдаи бара уловили смену атмосферы за угловым столиком. Кое-кто отодвинулся подальше, кое-кто придвинулся поближе и начал разминать руки в ожидании хорошей

драки. Однако лорд не позволил себе потерять лицо. После того, что он пережил на континенте, агрессивная отповедь Килкени была ерундой. Грегори склонился ближе к Кентавру и заговорил ледяным тоном:

– Какого черта ты решил, что пахать до седьмого пота – это благотворительность, Махоун? А? – Он не просто говорил, он почти шипел, выталкивая слова сквозь сжавшиеся в нитку губы. – Ты думаешь, шататься по трещинам, обшаривать канавы и ловить дерьмо этого мира – отдых? Кентавр, мои предки владели землей пятнадцать поколений назад! Знаешь, как я провел эти десять лет? И чем все закончилось? Ты сидел в городе и жалел себя, а я считал, сколько капель крови упадет на мостовую, прежде чем я потеряю сознание! Да я черта лысого буду тратить заработанное кровью золото на ерунду!

К удивлению окружающих, получив отповедь, огненный маг расслабленно откинулся на стуле и пару раз хлопнул в ладоши.

– Узнаю Грегори! – насмешливо произнес он. – Ты и Алу можешь уроки актерского мастерства давать. Ладно, уговорил. Поможешь с жильем и с приличным жалованьем, и я весь твой. Только условие – про малышку ни слова. – Тут Кентавр кивнул на сцену, на которой вновь появилась Кэндис. – Я собираюсь жениться!

– Что ж, за будущую миссис Килкени! – поднял бокал лорд Лайвернес, наградив соратника кривой улыбкой.

Глава 13

Дом для Кентавра нашли уже на следующий день. Опытный стряпчий выслушал пожелания лорда Лайвернеса и предложил на выбор несколько зданий в чистеньком районе, где жили отставные военные и чиновники среднего ранга.

– Район тихий, спокойный. Соседи дружелюбные, но в силу профессии ненавязчивые. Вашему другу и его невесте там будет хорошо.

Из четырех предложенных домов Махоуну понравились два – аккуратные особнячки, обложенные декоративным камнем. Но рядом с одним оказались слишком любопытные соседи, заглядывающие через низенький заборчик, и это решило дело в пользу второго дома. Мужчины быстренько пробежались по комнатам, убедились, что крыша не протекает, в подвале не хлюпает, из каминов не сыплется сажа, и тут же отправились к нотариусу заключать договор покупки. Получив бумаги, Кентавр так стиснул старого друга, что у Грега едва ребра не треснули. Однако благородный лорд не подал виду – лишь одернул задравшийся жилет и предложил:

– Едем на Салонную. Покажу тебе клуб, поговорим с Аллиалем. Кажется, у меня есть зацепка.

Кентавр не стал возражать. Действительно, дело – прежде всего. А с Кэндис он поговорит вечером. Предложит всего себя, дом и... новую опасную работу. Впрочем, у огненных магов другой службы не бывает.

На Салонной было тихо. Суета и оживление начинались тут с закатом солнца. Экипаж подкатил к дверям просторного здания, отделенного от соседей невысоким каменным забором с чугунной решеткой. Уединение игорного дома оберегала колючая изгородь высотой по грудь взрослому мужчине. Едва Грегори и Кентавр приблизились к воротам, им навстречу вышел швейцар в добротной ливрее и поклонился:

– Милорд, ваш управляющий предупредил о визите!

Мужчины неспешно вошли, оглядывая узкое пространство, украшенное вазонами для цветов и парой каменных скамей. Когда-то Салонная звалась Овражной. Со временем ямы засыпали, но строить там, где когда-то осыпалась земля, не рисковали, поэтому дома здесь не лепились друг к другу, как на прочих улицах центра города, и даже имели небольшие лужайки.

Сам клуб выглядел достойно. Это было трехэтажное каменное здание с узкими окнами, закрытыми ставнями. Игроков не должен беспокоить рассвет. Массивная дверь снаружи была украшена медными клепками, а изнутри – обита толстым слоем кожи с подложкой из шерсти, чтобы музыка и крики не вырывались на улицу.

Небольшой тамбур, в котором располагалась подставка для зонтов и галошница, служил сразу нескольким целям: во-первых, тут был устроен глазок, через который дежурный видел гостей и решал, открывать ли дверь. Во-вторых, тамбур отсекал шум и холод улицы. А в-третьих, тут находились артефакты, снимающие с одежды вошедших любые записывающие или считывающие кристаллы вместе с пылью и грязью. Шулеров и мухлежников весьма не любили на Салонной.

Махоун оглядел небольшой закуток, провел пальцами вдоль медных форсунок сухой чистки и усмехнулся:

– Красная медь, могу загнать сюда парочку плазмометателей для непонятливых гостей.

– Не слишком? – поинтересовался Грег, представляя, как подвыпивший гость превращается в шар плазмы.

– Если тут действительно будет игра, – качнул головой Килкени, – обязательно найдутся те, кто попытается сорвать куш. Мелкие бандиты, залетные гастролеры или слишком хитрые шулера не пожалеют времени и сил на попытку.

– Что ж, тогда сделай такие штуки по периметру. Нам не нужны гости ни с парадной, ни с черной лестницы, – принял решение лорд Лайвернес. И выглядел он при этом как один из его многочисленных славных предков, поджигающий фитиль пушки на стене собственного замка.

Махоун оценил и усмехнулся:

– Настроить на вес до десяти фунтов? Чтобы поджарить всех собак в округе?

– За что ты так не любишь животных? – поднял брови лорд и тотчас добавил ровным тоном: – Настрой на полфунта, на континенте научились дрессировать крыс.

– Понял, – довольно сверкнул глазами Кентавр.

Сразу за тамбуром открывался уютный холл. Сюда выходили двери игорных залов, столовой, каморки дежурного лакея и гардеробной комнаты. Все красиво задрапированы, но ткань не новая и бахрома кое-где посекалась. Грегори поморщился – он не ожидал увидеть что-то особенное, но клуб явно требует вложений. Стоит ли обновлять ширму? Может, оставить все как есть, снизить ставки, заполнить бар дешевым пойлом и скрывать свои дела за шумной, грязной и вонючей толпой прожигателей жизни?

Килкени понимающе хмыкнул, когда заметил сажу в камине, пыль в углах и паутину на потолке.

– Слуги не спешат с уборкой, надеюсь, что ты затеешь ремонт?

– Я приказал всех рассчитать, кроме швейцара, – отозвался лорд, рассматривая унылые потемневшие пейзажи на стенах большого зала. – На слуг не обращают внимания, однако они всегда больше всех знают, больше всех видят и могут предать.

– Где же ты наберешь других? – дернул слегка повернутый в сторону подсвечник Кентавр и с детским восторгом уставился на приоткрывшуюся узкую дверку за барной стойкой.

– Пока не знаю, – пожал плечами Грегори. – Мне нужны те, кто не сможет продать и предать, но при этом будет знать подноготную этой улицы и ее обитателей.

– Сложная задача, – глухо отозвался Махоун, по пояс влезший в потайной ход. – А здесь интересно!

– Если интересно, изучи и составь карту, – хмыкнул лорд. – Может, пойдём навестим Аллиаля?

Актер устроился в одной из задних комнат второго этажа. Раньше здесь, возможно, жила мадам или кто-то из дорогих девочек, поэтому в комнате осталось большое трехстворчатое зеркало, широкий комод со множеством ящичков и кровать с балдахином. За ширмой пряталась дверца в кладовку, превращенную в гардероб.

Когда мужчины вошли, услышав приглашение, вся постель, часть пола и подоконники были завалены картонками для шляп, рубахами,

шалями, юбками, сюртуками, плащами и прочей одеждой – мужской и женской вперемешку.

– Ал! – Кентавр приподнял над полом худощавого друга. – Чем ты здесь занимаешься?

– Сортирую одежду, которую мне щедрой рукой отдала экономка особняка герцога Ратлендского, – отозвался тот, парой движений расправляя ужасный капор с цветочками, который держал в руках.

– Ты заделался старьевщиком? – поразился огневик.

– Нет, – вмешался в беседу Грег, – Аллиаль готовится переодеть и гримировать тех, кого понадобится, для дела! Ты вообще знаешь, как мы его вывезли из особняка сюда?

– Как? – Кентавр все еще недоверчиво смотрел на ворох одежды.

– Аманда сегодня приехала ко мне со своей компаньонкой. Миссис Дженкинс дама фигуристая, заметная, вот мы и попросили ее одолжить чепец и платье. Взамен дали ей одежду молочницы и попросили дойти до дома пешком. Новенькую служанку заметили, остановили, но она устроила шпикам такой разнос, что те с извинениями проводили ее до перекрестка. А тем временем Аманда и Ал уехали в моем открытом экипаже, и никто не заподозрил, что компаньонку подменили!

Кентавр изумленно прищелкнул языком:

– Извини, мелкий, не думал, что ты такой талант! Мир? – Как в старые добрые времена Махоун протянул Аллиалью свою широкую ладонь.

– Мир, – отозвался тот и впервые за несколько дней улыбнулся.

Долго разговаривать было некогда. Вскоре в закрытом экипаже прибыли стряпчий и Аманда. Девушка собиралась осмотреть комнату без окон, спрятанную за стойкой бара. Должно быть, прежний хозяин держал тут контрабандное спиртное и сигары, поэтому комната была оборудована отличной вытяжкой, шкафами и металлическим столом, удобным для разлива жидкостей в бутылки. Грег же предложил Аманде устроить здесь небольшую лабораторию для срочных нужд их нового агентства.

Она вошла, одним поворотом головы заставив биться его сердце, и сразу улыбнулась друзьям:

– Кентавр! Рада тебя видеть!

– Цветешь, Шиповничек наш, – хмыкнул Махоун, припоминая школьное прозвище Мэнди.

– Да и ты не тлеешь! – отбрила алхимичка и тут же перевела взор на Грегори. – Милорд, я уже заглянула в комнату. Понадобится дополнительное освещение, вода и перегонный куб, остальное можно закупить в обычных магазинах и аптеках.

– Мисс Стоукс, – вежливо поприветствовал ее лорд Лайвернес, словно и не виделись утром, спасая Ала. – Отдайте списокстряпчему и подумайте, нужны ли вам помощники?

– В лаборатории точно никто не нужен, – отмахнулась девушка. – Главное, вовремя закупать ингредиенты, справочники и нужную литературу.

– Все непременно будет, – коротко поклонился Грегори.

Вообще, агентство и клуб оказались весьма расходным делом. Вложения требовались на каждом шагу – от покупки дома для Кентавра до ремонта на Салонной. Ностряпчий, которому лорд Лайвернес пообещал процент от прибыли, нашел выход: он просто выкупал за долги небольшие предприятия, продукция которых нужна была регулярно. А потом оставлял дело их владельцам с условием отдавать в счет оплаты свою продукцию по себестоимости.

Младший сын лорда поражался изворотливости этого невысокого пухлого человека и благословлял отца, поручившего в свое время его дела именно этому шустрому типу. Маленькая винокурня в Скотленде; овчарня, дающая сыр и шкуры, в Ирглэнде; яблоневый сад, в котором варили сидр, джемы и сохраняли плоды всю зиму, в Берчестере. Крохотная типография в Нижнем городе – теперь клуб будет иметь свои карты, фишки и меню. Магазины обивочных тканей. Лавка белошвейки...

Сыновьястряпчего носились по всему городу, раскаляя магический кристалл отца сообщениями о новых приобретениях и сделках. А у задней двери уже толпились подводы с продукцией, топтались слуги, пришедшие на собеседование, и рабочие, которые должны будут придать игорному клубу достойный вид.

Поняв, что поток забот готов захлестнуть его с головой еще до начала расследования, Грегори подозвалстряпчего и спросил:

– Мистер Сеттинг, кто из ваших сыновей, по-вашему, готов взвалить на себя все заботы об официальном игорном клубе? Игра с

высокими ставками, отличная кухня и малый круг посетителей?

Глаза стряпчего заблестели. Управляющий? Вот так с ходу? Да это же великолепное начало карьеры!

– Лерн уже готов, ваше сиятельство, – поклонился он.

– Отлично! Вызывайте его сюда. Я коротко обрисую, что желаю тут видеть и как часто можно будет организовывать игорные вечера. Пусть он все проконтролирует. Мы приедем завтра. – С этими словами лорд набросал записку новому управляющему и увел Аманду и Махоуна, тепло простившись с Аллиалем. – Мы тут ничем не поможем, значит, займемся расследованием, – постановил он.

Глава 14

Расследованием занялись немедленно. Лорд Лайвернес отправился в дом маркизов Блумсдейлов с визитом. Ему предстояло увидеть старых знакомых и узнать, точно ли остановился у них некий лорд Цвейгер.

Таю предстояла более сложная задача – отыскать свидетелей убийства девушек в бедном районе. Для этого он переоделся, сменив опрятную ливрею на поношенную куртку, спрятал чистые волосы под несвежий платок, нахлобучил шляпу, повесил на плечо мольберт и двинулся расхлябанной походкой в сплетение закоулков квартала Прачек.

Кентавр взял кеб, чтобы добраться до гаража. Там он планировал оседлать железного коня, намереваясь рвануть на встречу с мотобратьями и узнать что-нибудь о смерти девушек из рабочего квартала и вообще о странных смертях за последние год-два.

Аманда уехала в свой дом, чтобы приготовить в личной лаборатории кое-какие зелья, которые могут понадобиться в ближайшее время. Грег, вспомнив школьные проделки, сразу заказал несколько пакетов искрящейся смеси для отвлечения внимания на улице. Конвертик с чихательным порошком – память о великолепной шутке в столовой Ритона, бутылочки со снотворным, рвотные капли, маленькие глиняные бомбочки, издающие невыносимый запах, если расколоть их... В арсенале алхимика было много таких штучек, полезных для защиты или нападения.

Только Аллиалю предстояло остаться в клубе и ждать решения своей участи. Внизу топтались люди, стучали инструменты, раздавались голоса, а утомленный событиями дня актер сладко спал. Ему толпа не мешала, он привык к тому, что вокруг всегда люди.

По узкой кривой улочке торопливо шла девушка. Ее светлое платье в узкую полоску, шляпка и жакет, опушенный серебристой лисой, очень странно выглядели среди серых убогих домишек. Она шла быстро, испуганно тараща глаза, не замечая редких прохожих. Несколько мужчин пытались окликнуть юную даму, предполагая, что она заблудилась, одна женщина даже подошла, осторожно спросив:

– Я могу вам чем-то помочь, мисс?

Но девушка кусала губы, что-то шептала и смотрела сквозь людей, не замечая их. Когда она упала, к ней сразу подбежали... и отшатнулись – лицо и руки несчастной были в крови! Полицейские не особенно хотели ехать вечером в бедный квартал, но мальчишка, которого прислал шорник, убедил констебля:

– Не наша это барышня, констебль, – светленькая, нежная! В шляпке еще красивой!

Полицейские все же отправились на место происшествия, прихватив повозку, а когда разглядели жертву, еле сдержали ругательства. Мисс была не просто «светленькая и нежная» – она явно была жительницей аристократического квартала. К тем же выводам пришел доктор, осматривавший тело на месте.

– Слишком хороша для этой улицы, – сразу сказал он, а увидев кровавые струйки из глаз, ушей и рта, присвистнул: – Ребята, да тут менталист поработал!

Доклад о новой жертве «гримера-менталиста» на следующий день лег на стол капитана Придса. Он поморщился – ехать в театр было бесполезно. Оставленные в засаде полицейские нервно доложили, что народ ходит туда-сюда, девушки флиртуют, мужчины пост игнорируют, каморка дера Журбье по-прежнему пустует.

Стажеры, присматривающие за особняком лорда Лайвернеса, тоже ничего полезного не сообщили. Более того, на второй день они нарвались на скандал с почтенной матроной, получили молочным кувшином по голове и слезно умоляли перевести их оттуда. По их словам, никого похожего на тощего актера они не видели.

Лекари же, принимающие и осматривающие трупы, хором заявили: девушка, найденная на улице, есть жертва менталиста. И судя по некоторым приметам – того же самого.

Что же делать? Придется самому ехать в особняк герцога Ратлендского и вежливо просить лорда передать старому приятелю, что явка с повинной смягчит наказание. Да-да, капитан не лыком шит! Прочел личное дело дера Журбье в театре, выяснил, что мальчишка из «королевских сирот» учился в той же школе, что и отпрыск благородного семейства, припомнил расспросы и сложил два и два. Наверняка этот актер все еще сидит в подвале особняка и выходит по ночам на охоту!

Накрутив себя, капитан совершенно позабыл, что убийство произошло днем. Схватил форменный плащ, фуражку и распорядился подать экипаж к подъезду. Он предъявит лорду доказательства вины дера Журбье, вытрясет его адрес и лично доставит убийцу в участок. А потом получит повышение к Весеннему дню!

Лорд Грегори выглядел усталым и помятым, но встретил полицейского весьма любезно – сразу пригласил выпить бокал шерри, а когда капитан, тяжело нахмутив густые брови, отказался, только кивнул:

– А я выпью, капитан. У меня была тяжелая ночь. Мы поймали вашего менталиста.

– «Мы»?! «Поймали»?! – Полицейского распирало от негодования.

– Может, выпьете бокальчик? Обещаю, все расскажу и даже покажу бумаги.

Придс смерил лорда тяжелым взглядом, но бокал принял, отхлебнул и устался на собеседника, поторапливая его с рассказом.

– Все просто, – сдерживая зевок, начал говорить Грегори. – У меня есть разрешение его величества на открытие сыскного агентства. Бумаги оформлены по всем правилам. Когда вы пришли ко мне в поисках Аллиаля, я немедленно отправился к эксперту по ментальным способностям, которого знал со времен службы.

Грег умолчал о том, что сначала переговорил с Алом и только потом обратился к профессору за бумагой о менталистах. Привычка, вбитая наставником – всегда иметь под рукой нужные документы и специалистов, – весьма помогла ему в расследовании. Грегори даже задумался о возобновлении кое-каких старых знакомств исключительно с практической целью. Новому агентству понадобятся эксперты, в том числе зарубежные.

– Вот, взгляните. Этот достойный джентльмен указывает здесь, на пяти листах, что Аллиаль дер Журбье – зарегистрированный менталист с поводком, имеющим ограничения действия до трех единиц. Он не мог убивать девушек, потому что смертельным считается воздействие в десять и более единиц.

– Так вы знали, где находился дер Журбье, и скрыли это от нас! – булькнул от возмущения капитан.

– Видите ли, капитан, – лорд взглянул на полицейского через стекло бокала, – я не знал, что Аллиалю сменили поводок после окончания школы. И должен был проверить, что это точно не он.

– Сменили поводок? – Не то чтобы мистер Придс поверил молодому лорду вот так с разбега, но опыт подсказывал старому служаке: выслушаешь – получишь новую информацию, а там, глядишь, и ниточка найдется, за которую весь клубок можно будет раскрутить.

– Менталистов, которых набирают для службы короне, ломают. И надевают амулет, привязанный через кровь. Если будущий специалист сделает что-либо, противоречащее приказу, ему сразу в подробностях напомнят сцену ломки. Аллиаль был хрупким юнцом с высоким уровнем ментальной чувствительности, поэтому ломали его не сильно, и он мог сопротивляться своему детскому поводку. Однако плавать в чужих эмоциях и мыслях не хотел, поэтому дар свой не развивал. Три единицы для мальчишки – высокий уровень. Три единицы для агента короны – мало.

Тут речь лорда прервал Тайлер с подносом закусок. Грегори вежливо предложил капитану подкрепиться, закинул в рот ломтик свежей ветчины и со вздохом пояснил:

– В общем, когда вы ко мне пришли, я полагал, что Аллиаль дер Журбье все еще носит тот детский поводок. Сдерживающий его силу совсем чуть-чуть.

Капитан покивал. Про поводки он впервые слышал.

– Как я уже сказал, я просто не владел всей информацией, – продолжил Грег. – После выпускного экзамена из Ритона способности дера Журбье были признаны недостаточными, поэтому поводок стал ограничителем. Он просто физически не может производить действия выше третьего уровня – падает в обморок, носом идет кровь. Мы с профессором Пфенингом проверили. Запись об эксперименте есть на шестой и восьмой странице.

– Значит, вы убедились, что это не ваш дружок убивает дамочек, и отправились на охоту за настоящим убийцей? – Ворчания в голосе капитана стало меньше. Он бы и сам сначала убедился в невиновности друга или родственника, что уж говорить.

– Именно! Для начала я нанес визит своему соседу, маркизу Блумсдейлу. Если помните, вы упомянули его гостя – лорда Цвейгера.

– Помню-помню. – Капитан тоже воздал должное закускам, не забывая при этом внимательно слушать.

– Вы сказали, что гость – из Герета, однако когда я спросил маркиза, он уверил меня, что лорд Цвейгер – уроженец Аусхаузена. А его жена за чаем обмолвилась, что заказала сладости из Брюттеля, поскольку гость рассказал ей, что жил там долгие годы. Это все для меня прояснило.

Полицейский, не понимая нюансов, уставился на хозяина дома, ожидая комментариев.

– Мне случалось бывать в горах Бенгари, – пространно ответил Грегори, а потом все же пояснил: – Эти горы расположены между Геретом, Аусхаузенем и Брюттелем. Их жители относятся к долинникам с презрением, ведь их территория находится выше окрестных земель, к тому же они владеют ментальным даром. Именно обитатели Бенгарийских гор могут убивать своим ментальным даром, ведь никто не надевает на них поводок.

– То, что человек скрывает место своего рождения, еще не означает его вины! – ворчливо сказал полицейский. Уж в его практике встречались такие поводы для тайн, что впору то ли посмеяться, то ли поплакать.

– Вы правы, капитан, но это все же вызвало подозрение. Поэтому я отправил своего человека в квартал Прачек побеседовать с тамошними жителями. И узнал, что все девушки, которые погибли, встречались с неким мужчиной.

– Девушкам свойственно встречаться с мужчинами, – буркнул капитан и заел огорчение тарталеткой.

– Уточню. Все встречались с неизвестным мужчиной. Их близкие его никогда не видели, о нем почти не говорили, с трудом могли описать внешность.

– В деле упоминались какие-то мужчины, – припомнил Придс, – но мы никого из них не нашли.

– Именно! – Лорд выразительно поднял палец. – Потому что менталист способен внушить жертве, скажем так, равнодушное отношение к своей внешности. Однако есть то, что сходится у всех этих неизвестных мужчин.

– И что же это? Состоятельность?

– Акцент. И черные глаза. Видите ли, капитан, все обитатели Бенгарийских гор черноволосы и черноглазы. Их кровь так сильна, что даже полукровки остаются смуглыми и черноглазыми.

– Как вы это выяснили?

– С помощью Тайлера... Мой человек прошелся по подругам погибших девушек. Он неплохо рисует, поэтому представился бродячим художником и во время рисования портретов выяснил все эти подробности.

– Хорошо, темноглазый иностранец с акцентом. Зайдите в порт и увидите дюжину дюжин таких! – не уступал полицейский.

– Согласен, но ментальные способности есть не у каждого. Мне пришлось просить помощи у профессора Пфенинга. Дело в том, что менталист с поводком не может ощутить дикого менталиста. Тот слишком хорошо прикрыт. Поэтому я пригласил профессора на прогулку, и мы около часа бродили возле особняка Блумсдейлов, что было несколько неудобно. Их гостя мы так и не увидели, зато столкнулись с экономкой, которая вышла лично отчитать молочника. В ее голове профессор и обнаружил следы вмешательства двенадцатого уровня!

– Эти следы можно обнаружить только у живых? – сразу сообразил капитан.

– Увы, только у живых, и лишь в течение короткого времени после воздействия. Судя по всему, лорд Цвейгер давно жил в особняке Блумсдейлов и пользовался своими способностями, чтобы никто не удивлялся его слишком долгому визиту.

– Как он вообще проник в столь уважаемый дом? – нахмурился полицейский.

– Очень просто, – пожал печами Грегори. – Маркиз – известный путешественник, исследователь флоры, к нему нередко приезжают коллеги со всего мира. Его жена разделяет увлечение мужа и всегда рада гостям из научной среды.

– Так этот Цвейгер... он кто? – совсем запутался капитан.

– Он профессор. Получил научную степень в одном из континентальных университетов. Специализировался на менталистике, но имеет диплом по ботанике. С маркизом они познакомились по переписке, через журнал «Растения мира».

Полицейский помолчал, переваривая информацию. Конечно, его парни хороши, но посещение дома маркиза для них проблема, а лорд все выяснил за один визит.

– Зачем этот... Цвейгер убивал девушек? – наконец признал выводы правильными капитан.

– Если верить его словам, он ставил эксперимент. Я навел справки. Оказывается, профессора Цвейгера изгнали за жестокость из нескольких весьма представительных университетов. Ему хотелось продолжить исследование мозга, но уже не на кроликах или мышках, а на людях. Девушки легко внушаемы и редко носят ментальную защиту.

– Что же он с ними творил? – Пораженный жестокостью неизвестного профессора, капитан выпил спиртное одним глотком.

– Заставлял бродить по лабиринту собственных ужасов, – поведал Грегори, передернув плечами. – Мы с трудом вытрясли из него эту информацию, пришлось надавить.

– Как же вы его поймали? Неужели вломились в особняк маркиза?

– Нет. – Лорд Лайвернес припомнил подробности прошедшей ночи и тоже сделал большой глоток, надеясь унять волнение. – Я не виделся с профессором у Блумсдейлов. Он осторожен. К тому же гость успел повлиять на супругов и уйти до того, как мы получили данные, подтверждающие его способности. Сначала я собрал информацию, раздобыл серьезные защитные амулеты от ментального воздействия, а потом мы с помощью мотобратьев устроили облаву.

– Мотобратья?! Те чокнутые, что гоняют по ночам на железных конях?! – подпрыгнул от возмущения капитан.

– Они быстро ездят по городу, отважны и не терпят насилия на улицах. Хотя бы за это их стоит уважать, – укоризненно сказал лорд.

Капитан непримиримо фыркнул. Все же мотобратья в силу скорости, ловкости и магических способностей не раз смеялись над медлительными полицейскими кортежами. Взаимная нелюбовь проявлялась даже в коротких беседах и газетных заметках.

– С их помощью мы смогли вычислить обычный маршрут прогулок Цвейгера, прочесали все переулки и темные углы. В конце концов они схватили гостя возле особняка Блумсдейлов. Но судя по тому, что спиртным от него не пахло, а шел профессор, шатаясь, как

пьяный, и распевая песни, где-то в городе есть еще один труп. Мы не успели.

– Тело нашли, – со вздохом признался полицейский. – Юная мисс Хейвен, воспитанница баронессы Берд.

– Мне жаль. – Грегори обнаружил, что стаканы опустели, и вновь наполнил их. – Вы можете забрать профессора в свое ведомство и передать суду. Все бумаги и доказательства я вам предоставлю.

– Что? Почему? Разве вы не хотите стать знаменитым? «Лорд, владелец сыскного агентства, раскрыл серию страшных убийств...»

– Мне не нужен шум, – отмахнулся Грег. – Моей задачей было доказать невиновность Аллиала. Мы это сделали. Так что забирайте. Но предупредите своих людей, что подходить к арестованному можно только с амулетом ментальной защиты, ни в коем случае не снимайте с него шлем.

– Шлем?

– Ну вообще-то это серебряная ваза, – чуть смутился лорд Лайвернес. – И маменька наверняка будет меня ругать за нее... Но Аллиаль сказал, что это самый простой способ экранировать менталиста. Сначала мы просто стукнули его по голове, но долго держать человека без сознания неудобно. Нужна была информация. Разговаривать же с менталистом, переполненным силой, опасно даже с амулетом, вот и пришлось придумать... ограничитель.

Отставив бокалы, мужчины спустились в подвал. Там в отдельной камере сидел привязанный к стулу ремнями невысокий кругленький мужчина. На голове его громоздилась литая серебряная ваза. Чей-то ремень, пропущенный сквозь ручки посуды, удерживал сооружение на макушке, словно медвежью шапку королевского гвардейца. Вид был слегка комичный, но никто даже не улыбнулся.

– Советую вам забрать этого типа вместе со стулом. Отчет его величеству уже отправлен. Можете сообщить прессе и получить заслуженные лавры. А я сейчас отправлюсь спать. Ночь была длинной.

Глава 15

Следующие недели были наполнены событиями. Чокнутого менталиста казнили. Впечатленный собственной поимкой, он болтал без умолку, и с его слов были раскрыты другие убийства – в загородных пансионах, в домах престарелых и даже в деревне, куда ментальный маг любил приезжать на прогулку. По совокупности обвинений суд насчитал ему более трехсот лет исправительных работ, но, учитывая отягчающие обстоятельства – жертв он выбирал так, чтобы дольше мучились, – профессора все же казнили.

Капитан получил свою награду к Весеннему дню, а родственники погибших девушек – возможность плюнуть на могилу убийцы. Мотобратья славно покутили в кабачке, оплаченном лордом Грегори, и согласились принимать участие в других мероприятиях или облавах, если у «Клуба джентльменов» будет в том нужда.

Отдельного упоминания заслуживал вызов лорда Лайвернеса к его величеству. Король был краток:

– Вы доказали мне, что ваша организация имеет право на существование, лорд Лайвернес. Поздравляю.

– Благодарю, ваше величество, – склонил голову Грег.

– Посему я намерен сделать вам несколько подарков...

Пауза длилась, но дядюшка предупредил – монарх любит такие игры. Особенно если желает составить мнение о человеке, привлечшем его внимание. Вины за собой Грегори не чувствовал, к наградам или званиям не стремился, поэтому просто смотрел на короля и ждал.

– Возьмите. – На стопку бумаг легла затейливая фишка с короной в центре. – Это разовый пропуск во дворец.

Шпион короны в отставке не спешил взять подарок – слишком сладкая приманка. Монарх оценил сдержанность лорда и неожиданно усмехнулся:

– Вижу, вы не зря считались одним из лучших на континенте, лорд Лайвернес. Подарок без подвоха. Просто я уверен, что рано или поздно на вас выйдут люди, заинтересованные в чем-то

противозаконном. Но я верю в вашу порядочность. Поэтому даю шанс обратиться ко мне напрямую. На всякий случай.

Грегори молча склонил голову.

– Второй подарок... – Король вынул из шкатулки свиток. – Вы и ваши люди считаетесь одним из секретных подразделений короны. Финансирование вам не полагается, зато теперь вы можете привлекать экспертов из других ведомств.

Вот этот свиток Грегори взял, развернул, убедился, что все так, как сказал король. Правда, у бумаги имелось маленькое второе дно. Привлекать экспертов можно, но за отдельную плату. Что, собственно, они и так делали, в свое время доплатив полицейскому лекарю, профессору Пфенингу и мотобратьям. Экономный у Бривании монарх, ничего не скажешь.

– И последний... – Тут его величество позволил себе легкую усмешку, протягивая Грегу приглашение на ближайший королевский бал. – Ваша матушка очень надеется, что вы найдете себе невесту. Бал дебютанток – самое подходящее для этого мероприятие.

Лорду Лайвернесу осталось сжать зубы и поблагодарить. Леди Виола в своем репертуаре. Как ни убеждал ее Грегори, что пока не собирается жениться, как ни указывал на старших братьев, давно состоящих в браке и имеющих по паре сорванцов, мать не унималась. Наверное, ему давно стоило представить Аманду как свою невесту, но девушка увлечена научной работой, и у него не хватало духу отвлечь ее разговором на такую непростую тему. Он знал, как отреагирует общество. Благородный лорд и скромная мисс, да еще алхимик? Фи!

Никого, кроме Аманды, Грегори видеть рядом с собой не желал, но, судя по всему, стоит решить вопрос как можно скорее.

– Ваше величество, прошу простить мою дерзость, но... мне нужны два приглашения на ваш бал.

– Второе, полагаю, на имя мисс Стоукс? – Монарх тонко улыбнулся, давая понять, что знает многое.

Но Грегу абсолютно нечего было стыдиться.

– Буду счастлив представить мисс Стоукс ее величеству.

– Как свою невесту? Рано, лорд Лайвернес. Одно раскрытое дело значит не так много. Вам предоставлены некоторые возможности в счет вашей крайне успешной работы на континенте. Однако я позволяю представить мисс Стоукс ее величеству как женщину-

алхимика, с отличием окончившую Ритонскую школу и академию. Полагаю, профессор Кейдж будет счастлив порекомендовать ученицу.

Вот теперь Грегори перекошило. Профессор Кейдж был тем самым типом, который присвоил научную работу Аманды. Он хотел возразить королю... но не стал. Мэнди пора столкнуться с прошлым и показать этому прошлому козью морду.

Лорд Лайвернес поблагодарил его величество за доверие и был отпущен.

Бал дебютанток в королевском дворце – событие года для маменек и дочек. Конечно, в подготовке и в самом мероприятии принимало участие множество людей, но каждый такой бал давал новые связи и новые семьи. Порой возносил на вершину успеха скромную, некрасивую девицу с богатым приданым, а порой ронял оземь знатную красавицу. В общем, каждого такого бала ждали со страхом и с предвкушением.

Аманда Стоукс тоже ждала. Нервничала. Мяла перчатки под укоризненным взглядом миссис Дженкинс. Компаньонка спокойно сидела в кресле, аккуратно расправив сизые юбки, и читала модный журнал.

Когда Грегори пришел в гости с приглашением на бал и сообщил, что Аманду должен будет представить ее бывший профессор, девушка выронила колбу. Осколки разлетелись по всей лаборатории, словно ее безмолвный крик.

– Профессор Кейдж представит меня как лучшую ученицу?! – Ей казалось, она выплонула эти слова Грегори в лицо.

Мелькнула мысль, что старый друг и внезапный покровитель сейчас уйдет, оскорбившись ее вспышкой. А он просто прижал ее к себе и дал выплакаться в его бархатный сюртук. Потом протянул платок, стакан воды и негромко сказал:

– Мне кажется, его величество знает о том, что сотворил профессор. Потому и попросил его представить тебя.

– Не верю! – Мэнди затрясла головой, разбрасывая шпильки и слезинки. – Кому я тогда только не писала, к кому только не обращалась! Все было напрасно! Еще и попрекали тем, что я зря потратила королевскую стипендию!

– Ты знаешь, что все сделала сама, я знаю, а следовательно, может узнать кто-то еще! В любом случае воля короля не обсуждается. До бала осталась всего неделя, тебе нужно платье, компаньонка и бутоньерка. Диадема тебе, увы, не полагается, но можно украсить прическу цветами.

Лорд Лайвенес перечислял правила бала дебютанток легко и непринужденно – ему случалось бывать на них прежде, и наверняка до самой свадьбы перспективного холостяка будут приглашать на такие балы регулярно. А вот Аманда едва не задохнулась от ужаса. Да она точно опозорится, да еще на глазах профессора Кейджа!

– Грегори... – жалобно прошептала она, – я не поеду! Я же ничего не знаю!

Приступ паники лорд Лайвернес купировал рюмочкой шерри и заверением, что недели на подготовку вполне достаточно.

– Аманда, ты же не деревенская пастушка! Не станешь глазеть по сторонам и наступать на шлейфы! Порядок церемонии я тебе расскажу, порепетируем придворный реверанс, а все остальное – обычная вежливость. Ну же, улыбнись и скажи, что ты согласна поехать на бал и сразить наповал всех без исключения!

Девушка готова была кричать – она не любила чувствовать себя беспомощной и некомпетентной. Но к уговорам Грега присоединилась сидящая в уголке миссис Дженкинс:

– Не переживайте, мисс Стоукс, мне случалось несколько раз бывать при дворе, когда их величества награждали отличившихся офицеров. Ничего сложного, уверяю вас, к тому же их величества очень любезны с теми гостями, которых они приглашают лично. А вас, как я понимаю, пригласили.

Еще полчаса настойчивых уговоров, чайник ромашкового чая, сэндвичи с ветчиной – и Мэнди обнаружила, что согласилась поехать к портнихе, чтобы быстро перешить по фигуре одно из подходящих платьев. Шить новое, к сожалению, не было ни времени, ни сил.

Однако Грегори внял голосу разума и не повез подругу к модистке матери. Вместо этого он взял адрес у миссис Дженкинс и не пожалел. Немолодая уже дама внимательно осмотрела Аманду, услышала про бал дебютанток и всплеснула руками:

– Минуточку! – После чего убежала куда-то в глубину мастерской и вскоре появилась, толкая перед собой манекен на колесиках.

На манекене шуршало шелком и кружевом платье. О, что это было за платье! Даже Грег, слабо разбирающийся в нюансах моды, понял, что платье сшито просто замечательно. Кроме того, этот туалет сочетал в себе роскошь классического бального фасона и несколько модных деталей, делающих его актуальным.

– Миссис Уиллоуби, откуда такая красота? – пораженно воскликнул он.

Зардевшаяся от удовольствия портниха пояснила:

– Каждый год я шью одно платье к королевскому балу дебютанток. Просто исполняю свою мечту, а потом продаю его какой-нибудь невесте. Но если вы готовы его купить, я за два дня подгоню его по фигуре мисс Стоукс и буду абсолютно счастлива, ведь мое платье все же попадет на бал!

Аманда удалилась в примерочную и вскоре вышла в новом платье. Портниха сновала вокруг, втыкая булавки и приговаривая:

– Талию придется подтянуть... в груди чуть-чуть расставить... а юбку необходимо выпустить на два пальца...

Все эти подробности пролетели мимо ушей Грегори. Он просто потерял дар речи, глядя на другую Аманду. Он привык видеть ее в синем школьном платье. Потом видел в строгом сером платье с белым воротничком. Волосы всегда были собраны – сначала в косы, потом в пучок на затылке. Он привык ценить в ней скорее умного соратника, хорошего друга, чем женщину, но сегодня перед ним предстала не скучная заучка, а великолепная дама, достойная поклонения, обожания и страсти!

Плотный белый шелк платья был гладким – девушкам не позволялось излишество в украшениях. Зато декольте обрамляла полоска тонкого кружева, мягко сияющего вплетенными мелкими жемчужинками. Корсет украшала вышивка, а воздушные рукавчики трогательно и мило позвякивали жемчужными кисточками. Длинные, выше локтя, перчатки слегка приоткрывали нежную кожу, строгий пучок рассыпался, и черные локоны волной упали на плечо.

Лорд Лайвернес сглотнул и на вопрос девушки:

– Грегори, тебе нравится? – сумел только кивнуть.

Обратно из примерочной комнаты вышла привычная Аманда – в строгом сером платье. Даже волосы уже чинно были собраны в пучок, но лорд Лайвернес больше не верил в этот скучный облик. Теперь он

знал, что его юношеская любовь прекрасна во всем, и с трудом сдерживал желание припасть губами к ее тонким сильным пальцам, давая безмолвное обещание когда-нибудь надеть на эту руку обручальное кольцо.

– Зачем я согласилась? – глядя в зеркало, спросила вслух девушка.

– Хороший вопрос, мисс Аманда. – Вдова офицера улыбнулась. – Думаю, завтра утром вы уже будете знать ответ.

В комнату заглянул лакей:

– Мисс, карета прибыла!

Дамы встали, надели перчатки, поправили прически и чинно вышли на крыльцо. По договоренности с лордом Лайвернесом карета была прислана простая, без гербов, однако вполне удобная и надежная. Выезжали из дома на час позже, тоже по совету Грегори.

– Вас представят последней, – сказал он, когда Мэнди репетировала придворный реверанс в гостиной. – Поэтому нет нужды спешить и терять настроение в карете.

Миссис Дженкинс согласилась с лордом и посоветовала прихватить в карету книгу, чтобы занять себя в пути. Книга не помогла – Аманда открыла ее и просто смотрела на страницу, не прочитав ни строчки. Однако благодаря мельканию букв девушка пропустила и долгую дорогу до королевского дворца, и ожидание у ворот, и путь через парк. Очнулась только на высоком крыльце, когда к ним подошел мажордом, чтобы проводить к чередке юных девушек, ожидающих представления королеве.

Правила тут были строгие – все дебютантки в простых белых платьях. Шлейф, длинные перчатки, нитка жемчуга на шее, диадема или цветы в волосах. Рядом с каждой девушкой стояла дама почтенных лет – в более темном платье, с крупными украшениями и с перьями в прическе.

Аманде диадема не полагалась, но приглашенный Грегом куафер так ловко украсил прическу цветами и шпильками с жемчужными головками, что издали создавалось впечатление, что красиво уложенные волосы девушки придерживает жемчужный венец.

Платье ее было так же прекрасно, как и наряды остальных дебютанток. Мисс Стоукс даже заметила несколько заинтересованных взглядов в свою сторону. Туалеты для первого появления при дворе

старались пошить у самых известных модисток, а значит, маменьки были в курсе фасонов и тканей, вот и присматривались, заметив необычный крой.

Конечно, Аманда выглядела старше прочих дебютанток. Однако позднее появление при дворе не было редкостью – порой их величествам представляли даже старых дев, внезапно получивших наследство или совершивших подвиг. Да и семьи вывозили дочерей лишь тогда, когда девушка достигала «моральной и физической зрелости», то есть, по сути, была готова выйти замуж. Не каждой знатной девице магические способности позволяли выскочить замуж в шестнадцать. Кому-то приходилось ждать развития магии до двадцати лет, а то и дольше. Так что на Мэнди смотрели скорее с любопытством, чем с осуждением.

Когда девушка немного успокоилась, то услышала, как один лорд сказал, небрежно оглядев дам:

– Курочки представляют своих птенчиков ко двору!

– Смотри, как бы они не выщипали тебе перья! – подхватил остроу другой.

Мужчины рассмеялись, а Мэнди вспомнила, что этот бал лорд Грегори с легкой небрежностью называл выставкой невест. Она даже улыбнулась, подумав о том, что и к ней будут присматриваться сиятельные женихи, пока не узнают, что она сирота и бесприданница.

Очередь постепенно двигалась и вскоре достигла входа в тронный зал. Внутри собрались придворные, внимательно наблюдающие за церемонией. Обсуждали каждый шаг, каждый взгляд, улыбку, поклон... Мисс Стоукс затряслась как осиновый лист, но тут мажордом подвел к Аманде профессора Кейджа!

О! В гневе, оказывается, может таиться целительная сила! Стоило аспирантке увидеть своего научного руководителя, как она еще сильнее выпрямила спину, запретила рукам и ногам трястись и вперила в безмятежного лорда тяжелый взгляд.

– Мисс Стоукс. – Легкий вежливый поклон профессора был безупречен.

– Профессор Кейдж. – Ответный книксен Аманды можно было вставлять в учебники по этикету.

Чувствуя тяжелое молчание этой странной пары, миссис Дженкинс отступила, но не отошла, продолжая наблюдать за

церемонией представления. В королевском дворце было на что посмотреть! Зал сиял огнями и позолотой. Дамы сверкали драгоценностями, а мужчины – золотым шитьем на мундирах и камзолах.

Король и королева сидели на тронах. Их праздничные наряды скрывали алые мантии, но было понятно, что его величество выбрал темно-фиолетовый, почти черный камзол, расшитый аметистами, а ее величество предпочла более легкий сиреневый оттенок и те же аметисты в украшениях.

Когда наступала очередь юной леди быть представленной, та с волнением выходила вперед. Помощник ловко расправлял на полу ее шлейф, забирал у сопровождающей дамы карточку с именем и передавал лорду-гофмейстеру, который, стоя у тронного возвышения, объявлял имя леди. В этот момент все взоры обращались на будущую светскую даму, и выдерживали такое пристальное внимание безмятежно далеко не все. Случались и обмороки, и мелкие неприятности вроде упавшего веера.

Подойдя к трону, объявленная девушка выполняла глубокий реверанс, практически опускаясь на колени, удерживая спину прямо. Ее величество благосклонно кивала, протягивая руку для поцелуя, и нужно было коснуться губами руки, не теряя достоинства и не запутавшись в шлейфе! Дочери маркизов и герцогов получали от королевы материнский поцелуй в лоб и несколько слов о приятном знакомстве.

Но на этом испытания дебютанток не заканчивались. Необходимо было выполнить обычные реверансы перед каждым присутствующим членом королевской семьи. Аманда старательно подглядывала в щелочку между другими девушками, чтобы запомнить, перед кем и как нужно присесть, – она просто не знала в лицо никого, кроме короля, королевы и наследника.

Самый тонкий момент наступал именно в то время, когда ее величество легким кивком отпускала представленную даму. После реверансов перед каждым из членов королевской семьи нужно было отступить назад, не поворачиваясь спиной и не запутавшись в шлейфе. Не уронив букет и не сломав веер. Задача почище трехступенчатого гидролиза! Представитель двора укладывал шлейф ей на руку, и новоиспеченная светская дама, медленно пятясь, отходила в сторону.

Когда настала очередь Аманды, профессор Кейдж уперся кончиками пальцев снизу в ее ладонь, подвел к тронному возвышению и раскланялся:

– Ваше величество, позвольте представить вам мою аспирантку, мисс Аманду Стоукс. Первую женщину, с отличием закончившую обучение на алхимической кафедре.

Мэнди присела так, как они репетировали с Грегори, и замерла.

– Встаньте, дитя. – Ее величество говорила устало, но доброжелательно.

Девушка выпрямилась и подняла глаза на правителей.

– Я слышал, профессор Кейдж, что ваша аспирантка – замечательный алхимик и помогала вам писать научную работу «Методика определения магических частиц в жидких средах». Это так?

Профессор невозмутимо ответил:

– Мисс Стоукс, как и другие мои аспиранты, помогала мне проводить лабораторные исследования по этой теме.

– Удивительно! – Монарх лучился доброжелательностью. – Вы довольны работой мисс Стоукс?

– Доволен, – коротко и сухо ответил Кейдж.

– Тогда объясните мне, – вдруг склонил голову король, рассматривая Аманду, – почему вы подали жалобу в Совет академии, уверяя, что мисс Стоукс «нечистоплотная, развратная девица, загубившая ваши исследования»? Мне доложили, что благодаря жалобе вы добились увольнения своей аспирантки, а через месяц выступили на Совете с новой научной работой, результаты которой заинтересовали корону.

– Простите, ваше величество, – вздернул подбородок профессор, – это внутреннее дело академии.

– Несомненно, – покивал монарх. – Тогда расскажите мне, как можно определить наличие магически заряженных частиц в красном вине? Что для этого нужно сделать? Покажете? Я слышал, на защите именно этот опыт произвел особое впечатление на комиссию.

Профессор растерялся, а у Аманды вдруг быстро-быстро заколотилось сердце. Этот тест она полностью разработала сама. Была в нем одна тонкость, которую девушка не указала в бумагах. Для защиты она приготовила все реактивы, и, вероятно, профессор

использовал именно их. Но если он возьмется показывать этот опыт с нуля... красивого фосфоресцирующего сияния магочастиц в густом темно-красном вине не будет!

Между тем его величество распорядился:

– Профессор, мы желаем прямо сейчас увидеть опыт, который принес вам славу. Скажите, что вам потребуется, и вам тотчас принесут необходимое!

Лорд Кейдж набычился и начал перечислять ингредиенты. Все же дураком или посредственностью он не был и диссертацию, написанную Амандой, читал. По мановению руки его величества придворные расступились, пропуская двух дюжих лакеев, несущих укороченный лабораторный стол. Еще двое несли нужные предметы.

– Прошу, профессор, мы ждем! – С этими словами король заплодировал, привлекая внимание всех находящихся в зале людей.

Скрежетнув зубами, Кейдж взял большую колбу, налил в нее вина и заговорил, словно на лекции:

– Итак, дамы и господа, этот опыт призван продемонстрировать наличие магочастиц в жидких средах. Практическое применение этого метода очень простое. Как вы знаете, магически одаренного человека трудно убить простым ядом. Поэтому для покушений на аристократов используются магически измененные растения и животные. Их вытяжка, кровь или кости содержат некую толику магочастиц. Обнаружив их в еде или напитках, мы обезопасим себя от магических отравлений.

Речь профессора текла гладко, только Аманда видела, как напряжена его шея, как недовольно он кривит губы.

– Добавив в вино с магочастицами всего одну крупинку вещества, собранного из этих ингредиентов, мы получим красивое золотистое сияние, которое подсветит каждую крошку магии в этой колбе.

Проговаривая все это, профессор щедрой рукой засыпал в измельчитель ингредиенты, крутил, прессовал – и наконец вынул одну из множества сформированных прибором пилюль.

– Взгляните! Вот такой крошки достаточно даже для полного кувшина вина! – Тут Кейдж кинул пилюлю в колбу... и ровным счетом ничего не произошло. Через короткое время выпал темный осадок, но это трудно было назвать золотистым свечением. – Хм, возможно, ингредиенты не самые свежие... – попытался выкрутиться профессор.

– Вот как? – Монарх разочарованно вздохнул: – Очень жаль. – И вдруг повернулся к Аманде: – Мисс Стоукс, а вы можете провести этот опыт?

– Конечно, ваше величество. – Девушка выполнила малый реверанс.

– Вам нужно что-то еще? Кроме всего этого? – Монарх повел рукой в сторону стола.

– Да. – Мэнди чуть улыбнулась. – стакан воды из паркового фонтана.

Вокруг загудели, удивившись такому ингредиенту, а в глазах профессора плеснулась ярость. Он понял, что для свечения нужна была не вода, а водоросль, которая летом содержится во всех открытых водоемах.

Последний компонент быстро принесли, и Аманда приступила к действию. Она взяла воду, отфильтровала, а потом смешала фильтрат с ингредиентами, соблюдая правильные пропорции. Измельчила, сформировала пилюли – и бросила одну из них в колбу. Через секунду в той же самой колбе красиво парили золотистые частицы, подсвечивая нежную улыбку аспирантки.

– Лорд ректор! – Король окликнул кого-то в толпе, и к трону нехотя подошел высокий мужчина, облаченный в роскошную академическую мантию. – Что вы на это скажете? Не правда ли, изумительно?

Глава академии молчал. Мэнди с трудом сохраняла спокойствие – именно этому человеку она подавала прошение об апелляции, показывала остатки черновиков, сохранившиеся в ее комнате, пыталась убедить в своей правоте... А он тогда заявил ей, что «женщины глупы» и «шли бы вы уже замуж, мисс, не стоит лезть туда, где могут сделать больно» – и положил на столешницу крупные тяжелые ладони.

– Право, не представляю, – продолжал король с искренним удивлением на лице, – как вы могли упустить такую жемчужину? Или вы хотите уступить такое сокровище иноземцам? Думаю, послы уже пронюхали про способности мисс, и в ближайшее время она получит немало соблазнительных предложений.

– Мисс Стоукс будет восстановлена в должности, – с великолепным высокомерием произнес ректор, даже не глядя на

Аманду.

– И получит звание профессора, – с нажимом сказал король, – раз уж это звание по ошибке не получил никто.

Ректор вскинулся было – академия считалась автономной единицей, имеющей свой суд, тюрьму и церковь, но король щелкнул ногтем по колбе, вновь вызывая танец золотистых хлопьев, и ректор сдался.

– Мы ждем мисс Стоукс на заседании комиссии завтра в полдень, – объявил он и попытался с поклонами скрыться в толпе.

– Отлично, лорд ректор! – воодушевленно объявил король. – Я завтра загляну в академию, хочу лично поздравить вашу лучшую выпускницу и аспирантку с присвоением нового звания!

Ректору оставалось лишь поклониться, а Мэнди – присесть в книксене. Профессор Кейдж под шумок собрался уйти не прощаясь, но его догнал голос монарха:

– А от вас, профессор, мисс Стоукс ждет извинений!

Лорд Кейдж выпрямился так, словно проглотил палку, бросил на Аманду брезгливый взгляд и, к удивлению окружающих, заявил:

– Никогда потомственный аристократ не будет извиняться перед жалкой плебейкой!

Придворные загудели. Публичное унижение слуг и людей низших сословий считалось уроном для репутации. К тому же лорд позволил себе неуважение перед лицом короля, а это каралось строго и беспощадно.

– Что ж... – Монарх вдруг сменил тон, в один миг став выше и жестче. – Верховный судья здесь?

К трону приблизился еще один джентльмен в мантии и парике. Это было довольно странно – обычно в такую форму судьи облачались только для заседаний.

– Его величество основательно подготовился, – раздался шепот за спиной Мэнди.

Девушка вдруг поняла, что это лорд Лайвернес. Стоит позади, поддерживая и оберегая. И страх улетучился. Она стояла и смотрела, как верховный судья выслушивает обвинения против профессора прямо в тронном зале, рассматривает откуда-то появившиеся ее черновики. Просит аспирантку написать несколько слов на листе

бумаги, уточняет какие-то мелочи и наконец выносит решение, подкрепленное пунктами закона.

На пятой строке обвинения Аманда поняла, что все, что сейчас происходит, – тщательно подготовленный спектакль. Судья уже давно изучил все документы и доказательства, да и откуда бы взяться во дворце ее лабораторным журналам? А король внимательно следит вовсе не за профессором – он наблюдает за кучкой представительных мужчин в строгих, но праздничных камзолах. Отдельные детали заставили девушку присмотреться, и тут над ухом снова раздался шепот:

– Послы. Обнаружение магочастиц в жидких средах – это прорыв не только в противоядиях...

– ...но и в отравлениях, – едва шевеля губами, закончила за Грегори Мэнди.

– Верховный суд обязывает профессора Кейджа выплатить мисс Стоукс моральную компенсацию в размере двух тысяч фунтов!

Профессор побледнел. Конечно, для высшего аристократа две тысячи не были такой уж огромной суммой, одно бальное платье стоило около трехсот, но для профессора это чувствительный убыток. А судья продолжал:

– Также вам предстоит передать девушке весь доход, полученный от украденной вами научной работы. За выполнением решения суда проследят королевские приставы.

Тут же из толпы выдвинулась парочка высоченных молодых мужчин в черно-желтой форме, и профессор окончательно сник.

– На академию налагается штраф...

Вот это было сюрпризом! Аманда даже затаила дыхание, осознавая, что приходит конец всевластию ректора. Король желает сам контролировать обучение и науку.

– Суд приговорил! – Девушка уже не удивилась появлению судейского молотка и наковаленки, лишь облегченно вздохнула, надеясь, что на этом все закончилось.

И ошиблась. Король повернулся к ней и объявил:

– Поскольку недоразумение с похищением документов улажено, корона заключит с мисс Стоукс контракт на производство определителей магических ядов и проследит, чтобы все выплаты осуществлялись в срок.

Вот это было абсолютно неожиданно. Аманде осталось лишь присесть в очередном реверансе, а монарх окончательно выбил ее из равновесия, взмахнув рукой:

– Музыку! – и пригласив ее величество на танец.

Остальные пары сложились немедленно: отцы танцевали с дочерьми, матери – с сыновьями, холостяки спешили разобрать дебютанток...

– Вы позволите, мисс? – Грегори, пряча в глазах смешинки, поклонился Аманде, и та смущенно протянула ему руку.

Когда они влились в круг танцующих, она вдруг спросила:

– Грегори, как ты все это организовал?

Лорд некоторое время молча танцевал, потом улыбнулся и сказал:

– С помощью нашего «Клуба джентльменов».

Глава 16

Неделей ранее

Семь дней для сбора доказательств – это не так много. Для начала Грегори за чашкой чая осторожно выяснил у Аманды точное название ее работы, принципы и нюансы. Услышав подробности, изумился – почему она прозябала в кампусе, если давно могла продать патент короне и поселиться в собственном особняке?

– Меня интересовала сама возможность выявления магочастиц, – пояснила девушка. – Я оформила разрозненные данные в научную работу только тогда, когда от меня потребовали срочно предоставить результат, обвинив в лени и растрате лабораторных средств.

– Ты хочешь сказать, – не веря собственным ушам, уточнил Грег, – что профессор выступал перед комиссией с диссертацией, написанной твоей рукой?

– Все так делают, – грустно усмехнулась в ответ Аманда. – Единицы пишут сами. Остальные в лучшем случае приносят аспиранткам или женам черновики. Самые наглые привозят корзинку с лабораторными дневниками и клочки дежурных записей, требуя все красиво оформить.

– Значит, никто не удивился твоему почерку и не спросил, почему ты сама не представила свою работу?

– Меня уволили, пригрозив падением в реку, если я начну болтать. Научное сообщество – оно на самом деле довольно тесное. Испортить репутацию в нем легко, а уж девушек и вовсе не считают способными на серьезные исследования.

– Значит, тебя задвинули и уволили, а что с твоей работой сделал профессор Кейдж?

– Получил очередное звание, написал несколько научных статей, выступал с лекциями, – перечислила мисс. – Знаешь, Грегори, что особенно обидно? Он получил то, что хотел, и не стал продолжать работу в этом направлении, а меня больше не пускали в академические лаборатории. Эта диссертация – капля в море против того, что я собиралась сделать.

– Теперь у тебя есть лаборатория, свободное время и возможность игнорировать мнение любого профессора, – напомнил лорд Лайвернес, поднося к губам руку девушки.

Их отношения заметно потеплели, так что Грегори считал возможным иногда оказывать подруге детства такие знаки внимания. Под неусыпным взглядом компаньонки конечно же!

Из особняка Аманды Грег помчался в клуб, амулетом вызывая туда же Кентавра. Хорошо, что он сохранил связи с мастерами-артефакторами и мог себе позволить амулеты-переговорники, почтовые чары и еще кое-какие мелочи из прежнего арсенала.

Тайлер, как обычно, всюду следовал за братом, не расставаясь с саквояжем, полным нужных и важных предметов – от пистолета до свежего галстука.

Оправданный Аллиаль продолжал жить в комнатах второго этажа, не спеша возвращаться в театр. Кажется, менталист решил начать жизнь с чистого листа, как и Махоун.

Собрав всех членов «Клуба джентльменов» за старым карточным столом, лорд коротко изложил друзьям собственную идею:

– Нужно доказать его величеству и верховному судье, что Аманду ограбили. Причем сделать это необходимо до бала, чтобы потом никто не догадался спрятать бумаги под сукно.

– Мы рады помочь, – ответил за всех Килкени. – Но как ты это провернешь?

– Нам нужно попасть в академию. Я уверен, что профессор сохранил все записи Аманды. Мы предъявим их как причину разбирательства, а дальше будет видно.

Остаток ночи ушел на разработку плана, а на рассвете в ворота академии вошел крупный неопрятный мужчина с растрепанной рыжей бородой. Он неловко потоптался, глядя по сторонам, коротко переговорил со стражниками и двинулся к маленькому домику, в котором проживал управляющий хозяйством академии.

Так как территория учебного заведения была огромной, управляющему постоянно требовались уборщики, дворники, разнорабочие, прачки и прочий черный люд. Но платил старик скупое, требовал много, и поэтому под его началом мало кто надолго задерживался. Так что явившегося с утра пораньше отставного сержанта, имеющего желание поработать за стол, постель и три

шиллинга в месяц, управляющий охотно взял в дворники и, выдав потрепанный фартук и метлу, отправил расчищать дорожки.

Через два часа бродяга уже колот дрова возле кухни, потом чинил крыльцо в преподавательском корпусе, внимательно наблюдая за всем, что происходит вокруг. Порой он насвистывал или напевал, а случалось, что-то бормотал себе под нос, прямо в дешевую булавку, которая стягивала воротник его рубашки вместо вырванной с мясом пуговицы.

Около пяти часов пополудни профессор Кейдж собрался выпить чаю. У всех преподавателей академии были разные привычки для редких минут отдыха: кто-то пил чай у себя в кабинете, были те, кто шел домой. Аспиранты собирались на чаепитие в лаборантской и нередко добавляли в темный напиток чуточку бренди. А профессор Кейдж любил выпить чашечку-другую на веранде уютной кофейни, расположенной рядом с главным корпусом. Там были отличные десерты, а еще с веранды открывался чудесный вид на теннисную площадку. Юные студентки в коротких юбках и тоненьких шароварах весьма возбуждали профессорский аппетит.

Едва именитый алхимик расположился в тени навеса и заказал привычный «чайный поднос», как вдоль веранды прошла очаровательная рыжеволосая девушка в немного старомодном коричневом бархатном платье. Она вошла в кофейню и сразу направилась к столику, за которым расположился профессор.

– Милорд! – патетически воскликнула она. – Вы должны мне помочь!

Мужчина поморщился, глядя на только что налитый чай, а девица не унималась:

– Мой Джорджи! Это ужасно! – Тут она принялась рыдать, привлекая внимание остальных посетителей, картинно заламывая руки и всхлипывая в белоснежный платок.

Озабоченному своей репутацией профессору пришлось усадить незнакомку за стол и распорядиться подать ромашковый чай для успокоения нервов неизвестной ему дамы. Она продолжала рыдать, хотя и чуть приглушила свои речи. Из несвязных, сбивчивых слов стало понятно, что девушка – невеста некоего Джорджа. И ей нашептали, что он коварный изменщик.

– Вы его преподаватель, милорд! Вы видите его каждый день! Скажите, это правда? Неужели Джордж разлюбил меня!

Новая порция рыданий, еще одна чашка чая, кусок торта, печенье, сэндвич с ветчиной и тминный кекс – девица оказалась прожорливой и говорливой. Профессор отчаялся выделить из потока ее слов хоть что-то толковое. Джордж – имя популярное. Даже у аристократов. Причем это может быть первое имя, может быть второе, а то и третье. И студент, известный преподавателям как Карл, на деле может носить имя Джордж Александр Карлос. А дома его вполне могут звать Джорджи.

Постепенно стало понятно, что девица ошиблась. Описание ее Джорджи не соответствовало ни одному из студентов профессора Кейджа.

– А еще у него шрам! На животе, – покраснев как маков цвет, делилась барышня, доедая вторую порцию взбитых сливок с клубникой. – И глаза такие голубые-голубые... – Тут девица склонилась к профессору и восторженно выдохнула: – Как у вас!

Кейдж поперхнулся и попросил счет. Рыжуля склонила голову к плечу, украшенному простенькой стеклянной брошкой, но возражать не стала. Преподаватель с трудом удержал гримасу, когда выяснилось, что успокоение нервов взволнованной невесты обошлось ему в десять шиллингов. Он вежливо простился с дамой, с которой даже не познакомился, и торопливо вернулся в корпус – перерыв давно закончился, и его уже ожидали студенты.

Если бы профессор мог видеть, что делает его случайная визави после его ухода, он бы очень удивился. Рыженькая особа пулей пролетела в мужской туалет, пугая гостей и официантов развешивающимися юбками, а через некоторое время оттуда вышел молодой худощавый мужчина с тяжелым саквояжем в руках. Он не задерживаясь прошел к воротам академии, где перемигнулся с рыжим здоровяком, везущим тачку, полную золы. Мужчины дружно покинули академию, свернули в переулок, выдернули из пепла подозрительно шуршащий плотный кожаный мешок и прыгнули в поджидающую их карету без гербов и опознавательных знаков.

– Все получилось? – улыбнулся Аллиаль, проверяя в крохотное зеркальце, весь ли грим он успел стереть.

– Получилось, – прогудел Кентавр, обнимая мешок, как свою любимую Кэндис. – Этот профессор даже метки с журналов не снял.

Друзья переглянулись и засмеялись, сбрасывая напряжение. Отыскать и похитить записи Аманды из квартиры профессора было непростым делом. Академия большая, и никто не знал, где он их прячет. По счастью, Грегори вспомнил, что Мэнди еще в школе метила свои тетради алхимическим маячком на тот случай, если троечники украдут их. Оказалось, школьная подруга привычек не растеряла, и все ее записи обнаружилось в отдельной коробке в шкафу профессора Кейджа. В мешок их упаковал уже сам Кентавр, сунув вместо тетрадей в коробку стопку старых газет.

Тайлер, сидящий на месте кучера, быстро доставил друзей в клуб. Там их уже ждал Грегори. Быстро просмотрев бумаги, сгреб все обратно в мешок и умчался со словами:

– Я к его величеству, потом к верховному судье! Отдыхайте!

Аллиаль и Махоун переглянулись.

– Если бы ты знал, как болят ребра от корсета, – простонал Ал, сбрасывая сюртук и развязывая галстук.

– Если бы ты знал, – в тон ему отозвался Килкени, – как болят мозоли от лопаты...

– Стресс надо снимать сразу! – хором выпалили они фразу, которую в Ритоне часто произносил учитель философии, любитель пропустить пару рюмочек уже к обеду.

Придя к общему решению, друзья тут же вызвали скучающего на кухне швейцара и велели подать бутылку бренди и закуску.

– Терпеть не могу болтовню и крем, – признался актер, с удовольствием разрезая отбивную.

– В армии я ел все, даже крыс, – признался огневик, отдавая должное нежнейшей баранине с мятным соусом. – Но моя Кэнди готовит такие восхитительные пироги... Эх, что она теперь скажет! – расстроено вспомнил Махоун, дергая себя за рыжую бороду. Для маскировки ее пришлось покрасить хной, и теперь ходить ему рыжим, пока волосы не отрастут.

– Сбрей, – пожал плечами Ал.

– Напугается, – вздохнул Кентавр. – У меня... ожоги на лице остались после стычки на болоте.

– Я тебе из козьей шерсти такую бороду изображу – сам разницы не заметишь, – хмыкнул в ответ гример. – На рыбий клей посажу, и будет выглядеть как родная!

Килкени задумчиво почесал бороду и отказался:

– Пусть уж так, посмеется хоть, а то грустная она какая-то ходит в последнее время.

– Кстати, – захмелев после второго бокала, вдруг заинтересовался Ал, – когда у вас свадьба? Ты много рассказывал об этой девушке, и я так понимаю, вы живете вместе?

– Что? Нет, – мотнул головой Кентавр. – Она с матерью и сестрой живет в том доме, что выкупил для меня Грег.

– А ты? – поднял брови Аллиаль.

– А я живу у своего железного коня, в гараже! – строго взглянув на друга, сказал Кентавр. – Не могу же я жить в одном доме с двумя незамужними девушками!

– Вот как? – Актер склонил голову, как любопытная птица. – Не думал, что ты такой трепетный.

– Что? Я? Да я огненный маг!

– Нежный, – с удовольствием выдал Аллиаль, делая еще глоток бренди, – чувствительный. Боишься сказать ей о своей любви. Пугаешь девочку внезапными появлениями, а потом снова исчезаешь на неделю.

Килкени покраснел, не зная, то ли ему стукнуть наглого «мальца», то ли признать его правоту и спросить совета. Опыт подсказал, что лучше все же спросить.

– И что мне делать? – растерянно хмыкнул он. – Она такая утонченная, хрупкая, а тут я, неуклюжий сын фермера... Зачем я ей?

– Ты купил ей дом, – поднял брови Аллиаль. – Ты будешь о ней заботиться. Любить. Исполнять капризы и плакать, когда она подарит тебе ребенка. Женись, Махоун, не тяни. Жизнь коротка.

Эти слова прозвучали так, что Кентавр моментально встряхнулся и уставился на актера, как кот на мышь.

– А вот теперь поподробнее, – протянул он. – Кто посмел обидеть нашего малыша?

– Но-но! – отмахнулся от его лапищи Ал, обозначая удар вилкой в точку, которую огневик сам когда-то ему показал.

– Так кто? Неужели нашлась роковая красотка, похитившая сердечко лучшего менталиста Ритона? – не унимался маг.

Аллиаль посверлил взглядом тарелку, выпил еще глоток и признался:

– Я искал своих родителей, Килкени.

– Нашел? – Махоун сразу стал серьезным. Он знал, что подкидыши часто страдают от того, что не могут отнести себя к семье или к роду.

– Нет. В приюте меня и слушать не пожелали. В архиве можно получить выписку только с разрешения короля, поскольку учреждение находится под королевским патронатом.

– Не переживай, найдем, – утешил друга Кентавр. – Грегори к его величеству вхож. Вот сейчас Шиповничку колючки пригладим и тобой займемся!

Глава 17

Грегори успел. Воспользовался фишкой-пропуском, ввалился в кабинет его величества и сделал доклад. Король выслушал молча. Лорд Лайвернес взял себя в руки, вспомнил наставника и продолжил:

– Ваше величество, вы помните дело о гибели маркизы Иллусейской?

Монарх очень коротко кивнул, сжав челюсть.

Маркиза была его единокровной сестрой, дочерью покойного отца от отношений с другой женщиной. В свое время его величество устроил брак тайной родственницы со старым другом, и союз этот вышел удачным и прочным, а главное – полезным для короны. Не желая в одиночестве торчать в столице, молодая жена уехала вслед за мужем на окраину королевства и там столь успешно занялась сельским хозяйством, что через десяток лет к ней стали приезжать из столицы, чтобы перенять опыт. Появившиеся средства маркиза вкладывала в стипендиальную программу единокровного брата, и это с ее легкой руки в школу Ритон начали принимать одаренных девочек.

– Открытие мисс Стоукс помогло бы избежать смерти маркизы. А сейчас мисс работает над универсальным противоядием от всех магосодержащих ядов. То, что лучший алхимик страны – девушка, не повод отдавать ее на растерзание псевдоученым глупцам.

– Я вас услышал, лорд Лайвернес, – скрипучим голосом ответил король и встал, давая понять, что аудиенция закончена.

Грегори двинулся к двери, но его догнал голос монарха:

– Возьмите! – На краю стола лежала знакомая фишка. – Я продлеваю вашу возможность лично обратиться ко мне.

Ну а потом был бал и полный разгром профессора, ректора и той ученой братии, которая не желала допускать в науку женщин.

Когда страсти улеглись, а обсуждение скандала затерлось танцами и вином, Грегори вывел Аманду из зала:

– Позвольте вас проводить, мисс?

– Позволю, милорд, – устало отозвалась Аманда. Потом встрепенулась: – Мне это не приснилось? Завтра действительно будет

заседание Совета, на котором мне наконец смогут присвоить звание профессора?

– Будет, – улыбнулся Грегори. – И тебе даже не нужно ничего готовить. Я попросил Тайлера изменить титульные листы в работе профессора, а реактивы и материалы привезут из дворца.

– Спасибо, Грегори! Ты не представляешь, как много это значит для меня! – Девушка порывисто обняла лорда, потом смутилась и закуталась в легкую бальную накидку.

– Не представляю, – усмехнулся лорд Лайвернес, мягко целуя руку мисс Стоукс. – Но очень надеюсь, что завтра ты утрешь нос этим вековым пням. А потому тебе пора отдыхать.

Карета уже ожидала пассажиров. Грег проследил, как миссис Дженкинс и мисс Стоукс разместились в экипаже, а потом попросил Тайлера, стоящего за левым плечом:

– Проводи. Не хочу волноваться.

– Я вызвал Кентавра, – спокойно отозвался брат. – Он заверил меня, что мотобратья проводят мисс до самого дома.

– И все же...

Больше не возражая, Тай вскочил на запятки.

Грегори вернулся во дворец. Он хотел бы вернуться в особняк, но король неожиданно прислал к нему пажа с просьбой заглянуть в кабинет. Лорд Лайвернес торопливо двинулся к нужной части дворца, размышляя, зачем он мог понадобиться монарху. Бал завершился, у главного входа толпились гости, слуги и кареты, камеристки и камердинеры сновали в жилой части дворца, спеша приготовить ко сну тех, кто жил при дворе. День завершен. Но, может быть, у его величества есть поручение для новой секретной службы?

Задумчивость сыграла с лордом дурную шутку. Когда на границе зрения мелькнула тень, рефлексы сработали безупречно – он выдернул из ножен тонкий парадный клинок и развернулся.

– Лорд Лайвернес! – К нему с улыбкой приближалась... графиня Кастильони, она же герцогиня Иштванская.

– Герцогиня. – Зажав клинок под мышкой, Грегори склонился над рукой дамы, в доли секунды оценивая ее с головы до ног.

Черная Мамба была в траурном наряде. В очень дорогом придворном траурном наряде. Матовый шелк, густая вуаль, украшения

с черными бриллиантами. Иштванский титул принес дивиденды? Или это плата за очередное убийство? Маска ледяного спокойствия привычно легла на лицо.

– Вы все так же любезны, милорд. – Манящая улыбка очаровательной хищницы больше не обманывала Грега.

Он выпрямился и слегка кивнул:

– Прошу меня простить, герцогиня, я спешу к его величеству.

– Значит, нам по пути, – проворковала она в ответ. – Проводите меня!

Отказаться было бы верхом невоспитанности, но Грегори уже не был тем юнцом, который с рождения впитывал этикет с молоком матери.

– Полагаю, герцогиня, вы найдете себе сопровождающего без моей помощи. – С этими словами сын герцога резко свернул в боковой коридор и пропал с глаз разгневанной женщины.

Она, конечно, способна догнать его и поглумиться, но... тяжелые юбки, приличия... Широко усмехнувшись, Грег показал стражнику королевскую фишку и прошептал:

– Срочная аудиенция! Как сократить путь?

На его счастье, гвардеец оказался не тугодумом.

– Сюда, милорд! – сказал он негромко и указал на нишу, замаскированную драпировкой.

За пыльной тканью обнаружилась винтовая лестница, ведущая в такую же нишу рядом с кабинетом короля. Еще раз предъявив пропуск, Грег вошел в приемную и быстро сообщил секретарю:

– Его величество желал меня видеть...

– Прошу! – Немолодой сухопарый секретарь не стал медлить – сразу проверил лорда сканирующим амулетом и пропустил через тяжелую темную дверь.

Король сидел за столом в том же самом парадном камзоле, что и на балу.

– Лайвернес, – монарх не стал размениваться на любезности, – яркий публичный опыт вашей протезе произвел на кого-то сильнейшее впечатление. Пока шли танцы, стол с реактивами был уничтожен, а в ваш экипаж подбросили артефакт с разрывающими камнями.

Грег замер на секунду, потом сдержал желание ослабить шейный платок и сдавленным голосом спросил:

– Кто-нибудь пострадал?

– Пара слуг, решивших приятно провести время в вашей карете. Коней посекло осколками, но не сильно. Стол просто уронили и растоптали его содержимое.

Лорд Лайвернес прищурился, вспоминая. Ему показалось или каблочки графини Кастильони необычно похрустывали при ходьбе? А еще сквозь терпкий аромат ее духов пробивался запах реактивов? Значит, Черная Мамба была в зале, когда Аманда показывала свой опыт? И видела, что Грегори стоял рядом? Волосы на затылке Брегета встали дыбом.

– Полагаете, мисс Стоукс что-то угрожает?

– Служба безопасности уже отправила людей проследить за ее домом, – ответил король. – Вас я решил предупредить лично. Завтра мисс должна быть на заседании, а вот потом ее лучше спрятать. Слишком многим ее открытие испортит жизнь.

– Благодарю за предупреждение, ваше величество, разрешите идти?

– Ступайте, Лайвернес, передавайте мой привет вашим родителям.

Последнюю фразу Грегори пропустил мимо ушей, и совершенно зря. Когда он примчался в особняк, чтобы быстро переодеться, его встретили многочисленные слуги, бегающие через широкий холл со стопками белья, подносами и корзинами.

– Милорд, – дворецкий, как всегда, появился бесшумно, – ваши родители прибыли в столицу на сезон.

– Благодарю, – отозвался Грег, сдерживая гримасу. – Прикажите немедленно подать мне ужин в комнату. Через час мне понадобится карета без гербов. Та, на которой я уезжал, пострадала во время бала. Прикажите управляющему заменить ее за мой счет.

Не дожидаясь ответа, сын герцога поднялся к себе и, нервничая, взялся за амулет связи – все ли хорошо у Аманды? Тай проводил ее и проверил особняк?..

Брат явился через час – ободранный, в рваной одежде, прижимая к боку собственный шейный платок. Грегори сжал губы, но не позволил себе проявлять эмоции.

– Бриггс, – обратился он к дворецкому, – пошлите за лекарем, приготовьте для мистера Тайлера ванну и чистую одежду, а пока принесите бренди и сэндвичи.

Первый бокал Тай выпил в три глотка, потом посмотрел на свои трясущиеся руки и взглядом попросил налить еще. Грегори не отказал, хотя знал, что спиртное может усилить кровотечение. Просто ему нужны были ответы.

– Аманда цела. Я вызвал по амулету Кентавра с мотобратьями, они будут дежурить возле ее дома всю ночь и завтра проводят до академии.

– Что произошло? Подробно! – хмуро попросил Грегори.

Рассказ занял довольно много времени. Пока во дворце танцевали после скандала с украденной диссертацией, многочисленные шпионы не дремали. Для начала Аманде подбросили в карету записку с угрозами. Тай, кривясь, вынул из поясного кармана смятый лист очень качественной и дорогой бумаги. Грег аккуратно развернул его и поморщился:

– Не думал, что ректор пойдет на такие крайности.

– Ректор? – с сомнением уточнил Тай.

– Бумага – с гербом академии, – отозвался лорд Лайвернес, вчитываясь в сумбурный поток слов, которые приличному человеку и произнести стыдно. – Впрочем, возможно, это инициатива кого-то из прихлебателей, но угрозы я представлю его величеству. Что было дальше?

– Мотобратья ждали нас за поворотом дороги, чтобы не привлекать внимания, но не успели мы до них доехать, как под карету кинулся бродяга. Кучеру пришлось затормозить, и тут со всех сторон посыпались нищие в лохмотьях, но с тяжелыми посохами!

Грегори вскинулся, но Тайлер его успокоил:

– Махоун успел вовремя. Они разогнали всю банду и слегка помяли самых наглых, а потом проводили мисс Стоукс до самого дома. Там женщин встретили слуги и охрана, я лично обошел все комнаты с амулетом и посоветовал миссис Дженкинс заночевать в одной комнате с мисс Амандой. Мотобратья оставили несколько человек для охраны...

– Но если у Мэнди все в порядке, – перебил брата сын герцога, – почему ты в таком виде и ранен?

– Меня ждали возле особняка Ратлендов, – криво усмехнулся Тай, делая еще глоток бренди. – Это были профи, всего трое. Двоих я сумел опередить, а третий просил передать тебе привет от графини.

Грегори с трудом удержался от крепких слов. Значит, змеюка не успокоилась, покончив с Дансером. Да и Брегета ей удалось вывести из игры. Зачем же дамочка заявила в Бриванию и так нагло расхаживает по королевскому дворцу? Грег собирался обсудить все это с братом, но тут в дверях появился лакей, сообщивший о приезде доктора, и все разговоры пришлось отложить до утра – Тайлер нуждался в лечении.

Глава 18

На следующий день после бала

Поутру, после откровенных разговоров и ночной суеты, Ал заставил Махоуна спешно собраться и поехать на Ричардсон-стрит, самую известную улицу ювелиров, чтобы купить кольцо, достойное «самой прекрасной девушки Бривании».

Сопровождать Аманду отправились бывшие сослуживцы Кентавра и присланные из дворца гвардейцы. А вот засвеченным огневику и актеру велено было отдыхать.

Ювелирная улица, как всегда, сияла огнями витрин и улыбками продавцов. Старейшие фирмы предпочитали ставить за прилавков прилизанных юнцов в слишком тугих воротничках. А хозяева новомодных лавок предпочитали украшать витрины девицами в туго затянутых корсетах. Килкени хмуро обозрел выставку «противоречивых достоинств», но Ал дернул его за рукав:

– Не туда смотришь, Кентавр, идем! – и увлек приятеля вглубь кривых переулков, отходящих от широкой улицы. – Покупать нужно там, где есть мастер.

В конце концов Ал привел Махоуна к низкому дому со слегка обшарпанной вывеской. Внутри их встретил потертый деревянный прилавок, начищенный медный колокольчик и маголампа, выхватывающая кольцо бархатного подноса.

– Мастер Фицхью! – позвал актер, наклоняясь куда-то за стойку.

– Иду-иду, молодой человек! – Пожилой, но крепкий мужчина в очках появился из подсобки, одергивая теплый клетчатый жилет. – Ах, это вы! Что привело вас ко мне? – поинтересовался старик, разглядывая больше Кентавра.

– Мой друг встретил девушку, с которой готов провести всю свою жизнь, – со старинной высокопарностью ответил Аллиаль. – Ему нужно кольцо для прекраснейшей невесты этого города.

Седые брови приподнялись, открывая наивно-детские голубые глаза.

– Прямо-таки прекраснейшей? – довольно тонким голосом спросил мастер.

– Несомненно, – хмуро ответил Махоун.

Он чувствовал себя неловко среди притемненных витрин. Ему хотелось зажечь хотя бы маленький огненный шар и присмотреться к старику повнимательнее, но Ал жестко держал его локоть, пресекая своеволие.

– Что ж, прошу! – Старик усмехнулся и махнул рукой, показывая на прилавок.

Потом нырнул под прилавок и начал выкладывать под яркий свет маголампы кольца и перстни потрясающего вида.

Нет «булыжников», модных среди нуворишей, но и аристократических гербовых перстней тут не было – их заказывали индивидуально. Кольца тонкого плетения, ажурные перстни с россыпью некрупных сияющих камней, узкие браслеты... Браслеты? Ах да, их принято дарить по случаю рождения ребенка. Кентавр смутился, но Аллиаль не бросил товарища в беде:

– Так, глаза у твоей Кэндис какого цвета? Голубые? Значит, вот эти ей точно подойдут. – Друг отгреб в сторонку перстни с голубыми камнями. – Еще девочки в театре говорили, что всем идет жемчуг, но его на помолвку вроде бы не дарят? – обратился актер за подтверждением к мастеру, а тот лишь хмыкнул и пожал плечами, мол, всякое видеть приходилось. – Ау! Махоун! Очнись! Выбирай уже кольцо для своей красоты!

Огневик наконец шагнул ближе, провел рукой над драгоценностями и решительно выдернул из них два кольца. Одно было украшено руной огня, выложенной рубинами, а второе – узкой полосой мелких черных камней.

– У вас безупречный вкус, сударь. – Мастер дотронулся до кольца, и черные камни вспыхнули голубым. – Черные алконосты – камни, забирающие печаль. Если вашей леди есть что оставить в прошлом, ничего лучше вы не найдете!

– Беру! – выдохнул маг, не представляя, как сможет приобрести столь дорогие украшения для Кэндис и выкроить хоть немного на обязательное кольцо для себя.

Однако этот вопрос тоже утряс Ал – он просто вынул из бумажника чек, подписанный лордом Лайвернесом, и потребовал второе кольцо с алконостами.

– Моему другу тоже не помешает кое-что забыть, – негромко добавил он, пока Килкени примерял предложенные кольца.

А едва огневик определился с размером, Аллиаль вписал в чек нужную сумму, пояснил для друга:

– Грег сказал, что это его подарок вам на помолвку, – и подмигнул ошеломленному огневику.

Мастер споро упаковал кольца в изящные коробочки и вручил их Махоуну, пожелав счастья.

– Вручить кольцо невесте сможешь? – насмешливо уточнил Ал, выбираясь на крыльцо.

– Смогу, – буркнул Кентавр, в душе которого разливалось тепло. Друзья снова помогли и поддержали там, где он не ждал. Теперь он действительно сделает Кэндис предложение и, может быть, получит свой кусочек счастья?

Тайлера подлатали быстро. Доктор знал свое дело и сумел подтолкнуть регенерацию, предупредив, что несколько дней раненого нужно кормить красным мясом, сыром и яйцами.

– Как можно меньше сладкого, исключить хлеб и выпечку. Рекомендую густые мясные бульоны, вареные яйца и твердый сыр. Вашему другу нужен строительный материал для скорейшего исцеления.

Грегори уверил милейшего эскулапа, что лично проследит за питанием Тая, а потом вернулся в кабинет и мрачно уставился на небольшую картину – все, что осталось ему на память о наставнике. Этот маленький морской пейзаж невольно возвращал лорда Лайвернеса на итлийскую набережную, к палаццо графини Кастильони. Зачем она появилась в Бривании? Почему ему передали привет, если он почти год как в отставке? А самое главное – чем Мамба может навредить Аманде?

От размышлений лорда отвлек стук в дверь кабинета.

– Милый, можно с тобой поговорить?

Грегори быстро встал и сам открыл дверь.

– Добрый вечер, мама, – вежливо склонил он голову.

Леди Виола сохранила свою красоту и статью, несмотря на то что ее младшему сыну в этом году должно было исполниться тридцать лет. Светлые волосы из золотых давно стали серебряными, тонкая кожа

поблекла, морщинки поселились в уголках глаз и губ, но почти королевская осанка и величие скрадывали следы времени.

– Мы прибыли на сезон, – разглядывая убранство кабинета, сообщила герцогиня Ратлендская. – Отец будет занят в парламенте. Надеюсь, у тебя найдется время, чтобы сопровождать меня на приемы?

Губы Грега тронула слабая улыбка. Матушка в силу возраста прекрасно могла посещать балы и собрания одна или в компании супруги старшего сына. Да и Дерек, хоть и занят в сезон обязанностями наследника рода, никогда не отказывал жене и матери в сопровождении на ключевые мероприятия. Там всегда находились собеседники, нужные люди или возможность завязать новые знакомства. Скорее всего, леди Виола решила наконец женить младшенького и будет ездить на балы, посещать чаепития в лучших домах Лондиниума и гулять в Гайд-парке в самые популярные для выездов часы.

Еще пару часов назад Грегори воспринял бы такое предложение как каторгу, но теперь, бросив взгляд на картину, оставленную Дансером, вежливо склонился к руке леди Виолы:

– Буду счастлив, мама. Прошу только предупреждать Тая, чтобы он заранее готовил подходящий жилет.

Леди Виола улыбнулась и пообещала прислать секретаря с расписанием на следующую неделю. Потом герцогиня ушла, а Грегори подошел к секретеру, выдвинул несколько тайных панелей и устоялся на свой арсенал. Если он планирует несколько встреч с графиней, ему понадобится все это и еще немного сверху. Только бы у Аманды получилось ее универсальное противоядие!

Глава 19

Аманда нервничала. До полудня оставалось не более получаса, когда коляска, окруженная королевскими гвардейцами, въехала в ворота академии. Ее встречали. Двое хмурых аспирантов, с трудом сдерживая рвущиеся с языка слова, проводили девушку в огромную аудиторию. Это было совсем не то помещение, где обычно выслушивали претендентов на ученые звания, но Мэнди знала – ей создадут самые ужасные условия, стараясь опровергнуть успех. И даже приказ короля не помешает ученым мужам поглумиться над «выскачкой в юбке».

Однако мисс Стоукс собиралась стать профессором Стоукс и потому, стиснув зубы, занялась делом. Материалы, пробирки, демонстрационный стол – все нужно было проверить во избежание недоразумений. Высокая стопка бумаг, красиво переписанная и размноженная магическим способом, лежала в кожаной папке с ее личным вензелем. За последний месяц лорд Лайвернес умудрился снять с плеч старой подруги столько забот, что такие мелочи, как личный вензель, вызывали умиление.

Вошедшие следом гвардейцы тихо стояли у двери и вдоль стен, а вот мотобратья живо интересовались аудиторией, видом из окна и содержимым столов. Как оказалось – не зря. Несколько пакетов с гидрперитом и аспирином вылетели в окно, распространив вокруг почти невыносимую вонь. Еще несколько простых алхимических дымовушек маги изъяли у просачивающихся в аудиторию студентов и аспирантов. Склянки с кислотой, желчь виверны, бертолетова соль... Мэнди пришлось складировать добычу на подоконник, и она радостно потирала руки, представляя, как эта коллекция пополнит ее лабораторию.

Наконец в аудиторию стали заходить профессора и члены комиссии. Они сухо кивали, не проронив ни слова, и занимали первые ряды. Наверное, ученые мужи планировали запугать молчаливую аспирантку, указать ей ее место, но за годы работы в академии мисс Стоукс привыкла к кислым физиономиям, и ее нисколько не расстроил

чопорный вид тех, кто должен будет оценить ее труды. Она знала, что достойна.

Последним в зал вошел король. Он хмыкнул, оценив маститых ученых в шапочках и мантиях, крокодилами глядящих на хрупкую девушку, и властно махнул рукой:

– Господа, прошу вас освободить первый ряд, моя охрана очень на этом настаивает!

Сбить спесь с профессуры оказалось довольно просто. Мэнди низко склонилась над столом, чтобы скрыть усмешку. А едва преподаватели уселись на второй ряд, согнав аспирантов, как гвардейцы ввели под руки парочку хрупких старичков в старомодных костюмах и старушку в черном тюлевом чепце.

Ошеломленно выдохнули все присутствующие. Только король самодовольно улыбнулся. Еще бы! Он умудрился привезти на защиту старейших профессоров академии и первую женщину, получившую научную степень по прикладной магии! Леди Кроули была не только известным специалистом, но и весьма ехидной старой ведьмой, умело ставящей на место зарвавшихся юнцов, коими она считала всех, кому не исполнилось восьмидесяти лет.

– Прошу вас, мисс Стоукс, начинайте, – благосклонно кивнул монарх, занимая свое место.

Мэнди выдохнула и, не заглядывая в свою работу, начала:

– Проблема определения магических частиц в жидких средах особенно актуальна для Бривании, ведь только у нас аристократия может похвастаться самым высоким процентом рождаемости магов и ведьм...

Едва Аманда произнесла первые слова вступления, как волнение окончательно покинуло ее. Она легко и ясно изложила свои резоны, коротко пересказала путь поиска и ошибок, а затем продемонстрировала результат. Огромная стеклянная колба, полная сияющих лоскутов, произвела впечатление. Однако студенты и аспиранты замерли, ожидая сигнала от профессуры. Чопорные мужчины сидели, сжав тонкие губы или скривив рты в уничижительной гримасе. Зато леди Кроули не сомневалась ни секунды.

– Bravo, девочка! – воскликнула она и зааплодировала.

По этому сигналу на Мэнди обрушилась лавина восторженных криков. Его величество, скупно улыбаясь, дождался, когда аудитория стихнет, и обратился к пожилой даме:

– Миледи, я полагаю, вы не откажете вашему королю в маленькой просьбе?

Кавалерственная дама развернулась и смерила короля чуть насмешливым взглядом выцветших зеленых глаз:

– Слушаю вас, сир!

– Для мисс Стоукс будет большой честью получить свиток с новым званием из ваших рук...

– Эта детка заслуживает сразу мантии с алой подбивкой, ваше величество! – заверила монарха леди и встала, опираясь на клюку. – Эй, пеньки научные! – обратилась она к профессорам. – Живо подписывайте свиток!

Шипя и переговариваясь, верхушка академии выполнила приказ старушки. После этого леди Кроули лично подписала решение комиссии о присвоении звания профессора мисс Стоукс и, дождавшись, пока то же самое сделают ее спутники-старички, медленно двинулась к кафедре. Там она грохнула свиток перед Аmandой и заявила:

– Я верю, детка, что когда-нибудь ты возглавишь эту академию! У тебя светлая голова, горячее сердце и сильная магия. Ты достойна выгнать этих старых пней и вырастить новое поколение магов.

Аманда словно замороженная присела в книксене.

– Прекращай, малышка! – отмахнулась старая ведьма и повысила голос: – Я, может, и не увижу, как эта девочка выбьет из вас пыль, но запомните мои слова! В одном ее мизинце больше мозгов, чем в ваших чванливых головах! – С этими словами леди Кроули протянула руки гвардейцам и пробурчала: – Давайте, мальчики, помогите старой перечнице устроить кости в кресле!

После такого выступления профессора покидали аудиторию тихо-тихо, как нашкодившие котята. Студенты и аспиранты расходились веселее. Только один обалдуй, явно балансирующий на грани изгнания, вдруг спросил:

– Профессор Стоукс, а где и когда вы будете читать лекции? Я бы с удовольствием подробнее ознакомился с вашими методами.

– Да-да, – подхватил еще один старшекурсник, – можно ли устроиться помощником к вам в лабораторию? Меня заинтересовал способ подсветки частиц. Наверняка его можно применять и в других случаях!

Вот теперь Аманда растерялась. За время борьбы с системой она как-то успела позабыть, что профессор для сохранения звания должен прочесть не менее шести лекций в год, написать научную статью в любой научно-популярный журнал и предоставить в секретариат краткую выжимку тематик, над которыми работает. А еще хорошо бы иметь учеников и аспирантов, вести научную работу и появляться в обществе...

Ее спас лорд Лайвернес. Встал рядом с обаятельной улыбкой и безмятежно ответил:

– Господа, все будет в расписании возле секретариата.

Его величество первым поздравил профессора Стоукс с присвоением звания и пожелал видеть ее при дворе:

– Я распорядюсь, чтобы вам отправляли приглашения, мисс Стоукс, и надеюсь, вы будете их принимать. При моем дворе очень не хватает специалистов, способных объяснить мне достижения современной науки.

Аманда присела в реверансе и пообещала не оставлять монарха без консультаций. Вслед за королем потянулись другие сиятельные гости. Студенты выскочили через вторую дверь, чтобы не пересекаться с рассерженными преподавателями.

Последним зал покидал ректор. Он остановился возле Аманды с таким видом, словно хотел ей сказать несколько любезных слов, а на самом деле прошипел:

– Не надейтесь, профессор Стоукс, что вы прочтете хоть одну лекцию в моей академии!

– Не надейтесь, господин ректор, что профессор Стоукс прочтет хоть одну лекцию в вашей академии, – в тон ему отозвался Грег. – К счастью, в Бривании достаточно университетов, ценящих результат научной работы, а не половину принадлежность лектора.

Мэнди дрогнула, но Грегори не дал ей испугаться:

– А если вы, милорд, попытаетесь мешать научной карьере протеже его величества... Полагаю, эта академия быстро сменит руководителя.

Ректор яростно сверлил лорда Лайвернеса взглядом, но тому было наплевать на любые взгляды.

– Кстати, насколько мне известно, послы Итилии, Иштвании и Филезии уже подали прошения в королевскую канцелярию, желая прислать студентов изучать методы профессора Стоукс. Полагаю, после публичного выступления при дворе знаменитый Маридский университет легко подтвердит квалификацию лучшего алхимика Бривании.

Ректор вышел из аудитории, хлопнув дверью, а Грегори усмехнулся ему вслед и с лукавой улыбкой поклонился Аманде.

– Мисс Стоукс! – провозгласил он, целуя ей кончики пальцев. – Я приглашаю вас отметить ваше заслуженное звание в «Золотой клетке»!

Девушка смущенно улыбнулась в ответ и присела в книксене, принимая приглашение. Лорд Лайвернес помог ей собрать бумаги и материалы, а потом попросил мотобратьев доставить все это в дом мисс Стоукс. Бывшие сослуживцы Кентавра не отказали в такой малости, шумно поздравив девушку на свой лад.

– Можем идти? – Грег осмотрел кафедру, проверяя, не забыла ли Аманда перчатки. – Миссис Дженкинс! – окликнул он компаньонку. – Вы же не бросите мисс Стоукс наедине со мной и шампанским?

Дама улыбнулась в ответ:

– Ни в коем случае, милорд. Противник должен быть разделен и уничтожен без остатка!

– Тогда вперед? – склонился к ней лорд.

– Вперед!

К «Золотой клетке» они подъехали в сумерках. Это была действительно золоченая клетка, увитая фонариками и плющом, расположенная на крыше здания огромного дамского магазина. Внутри их ждали один из десяти столиков, бодрый официант в белоснежных перчатках, шампанское и чудесный вид на город и реку.

Лорд Лайвернес и дамы очень весело посидели, любуясь окрестностями, вновь перечитывая свиток, делясь впечатлениями от визита его величества и обсуждая злобное шипение ректора. Миссис Дженкинс с удовольствием участвовала в беседе и отдавала должное шампанскому, перепелиным яйцам с трюфельным соусом и таралеткам с икрой.

Потом разговоры как-то сами собой улеглись. Осталась уютная тишина, вид на город и... внимательный взгляд напротив. Грегори и Аманда не сразу осознали, что смотрят в глаза друг другу, а окружающий мир отступил и стерся.

– Ох, детка, – словно издали раздался хриловатый голос миссис Дженкинс, – я отойду попудрить носик. Не теряй меня! – С этими словами пожилая дама шустро покинула парочку, да еще и официанта за собой увела, настойчиво требуя ее проводить, чтобы уберечь от «падения с ваших ужасных лестниц».

Не теряя времени, Грегори склонился над рукой Аманды. Нарушил этикет – спрятал ее ладонь в своей, позволил себе прижаться губами к ее тонким пальцам. Девушка вздрогнула и попыталась отстраниться.

– Мисс Стоукс, Аманда, вы меня боитесь? – изумился лорд Лайвернес, переходя на «вы».

– Не так давно мне нанесла визит ваша матушка, милорд. – Аманда держала лицо, только сбившееся дыхание показывало Грегу, как она взволнована. – Леди Виола была очень добра. Она напомнила мне, что ваше внимание – это всего лишь вежливость. Возможно, память о детских годах. Кроме того, долг каждого благородного мужчины состоит в том, чтобы найти себе подходящую супругу и оставить наследников. Я не должна мешать вашему счастью.

Грегори сжал тонкую ладонь девушки, борясь с желанием зарычать, точно дикарь.

– Кое в чем моя мать ошибается, – заявил он, глядя в теплые карие глаза.

– Я... не хочу быть причиной вашей ссоры с семьей, милорд! – сказала Аманда и отвернулась.

– Вы делаете меня счастливым одним своим присутствием, – негромко отозвался Грегори, не выпуская ее ладонь. – Наши отношения никак не ущемляют мою семью.

– Вы – лорд, – напомнила Мэнди. – Ваша семья не допустит неравного брака!

– А вы – профессор, – с юмором ответил Грег. – Неужели научные круги позволят вам стать женой такого неуча, как я? Мое образование завершилось в Ритоне!

Девушка невольно улыбнулась на это заявление, а лорд Лайвернес упорно продолжал:

– Я не могу обещать, что со мной будет легко, Аманда, но я всегда буду рядом.

– Как на защите? – сморгнув вдруг набежавшие слезы, уточнила она.

– Как на защите! – ответил он, вновь целуя тонкие пальцы.

Оба замерли, боясь разрушить момент, но их объяснение было прервано появлением в «Клетке» крайне эффектной дамы в черном вечернем платье, украшенном слезинками бриллиантов. Обычно гостей встречал метрдотель и незаметно провожал к столику, не привлекая общего внимания. Все же «Золотая клетка» считалась частным заведением для избранных. Но в этот раз румяный живчик замешкался, и дама выплыла в центр площадки, рассматривая сидящих за столами.

Грегори стоило огромных усилий не вздрогнуть и не отпустить руку Аманды, когда взор графини Кастильони остановился на них. Прятаться было поздно и низко. Все, что хотела увидеть, шпионка уже увидела. Проверять и добывать информацию она умеет. Значит, уже к утру будет знать, с кем Брегет пил шампанское и чем может быть полезна его спутница. Только бы эта змея не решила вывести старого врага из равновесия прямо сейчас! Если Мэнди испугается и откажет, он сотрет Мамбу в порошок!

Графиня Кастильони прищурилась, как охотящаяся кошка, поймав его недобрый взгляд. Качнула головой, храня усмешку на красивых полных губах, затем повернулась, собралась шагнуть к столику, за которым сидела пара, и тут в зал вошла миссис Дженкинс. Немолодая вдова, чуть суетясь и бормоча себе под нос, прошла мимо графини Кастильони, едва не задев ее своим вдовьим платьем. Что уж там сказала опытная в дамских схватках полковница, Грегори не услышал, но Черная Мамба сразу передумала подходить к столику, бросила лишь прощальный взгляд, обещающий Грегори много сложных минут.

– Дамы, – сказал он, едва шпионку увел метрдотель, – предлагаю вам вернуться домой, но по дороге заехать в кондитерскую Левже и побаловать себя засахаренными вишнями.

Если Грегу не изменяет память, именно вишни когда-то вызывали у Аманды особенный восторг. Девушка улыбнулась в ответ и без

возражений встала. Только возле экипажа, когда миссис Дженкинс уже уселась на пунцовые подушки, мисс Стоукс негромко спросила:

– Эта дама – твоя знакомая, Грегори?

– К сожалению, – отозвался он, потом нашел нужным пояснить: – Мы с этой дамой не друзья, Аманда, поэтому прошу тебя, никогда с ней не разговаривай и не принимай ничего из ее рук.

– Все так серьезно? – Девушка подняла голову, чтобы в последний раз взглянуть на золотистые прутья «Клетки».

– Более чем. Из-за графини Кастильони погиб мой близкий друг, да и мои раны получены при ее участии. Избегай ее, насколько это возможно.

– Благодарю тебя за заботу о моем благополучии, – серьезно ответила мисс Стоукс, забираясь в коляску.

Они немного покатались по городу, любясь вечерними огнями, потом действительно остановились у модной кондитерской и купили большую коробку засахаренных вишен. Напомаженный приказчик, заметив взгляды, которые лорд Лайвернес украдкой бросал на свою спутницу, активно рекомендовал еще и вишню в шоколаде, миндаль в сахарной глазури и желе с фиалками. Его проникновенную речь о сладостях, размягчающих женские сердечки, с удовольствием слушала только миссис Дженкинс. Она же преизящно прикрыла парочку своими широкими юбками и чепцом, когда в модное заведение заглянул кто-то из знакомых лорда Грегори. Решив больше не испытывать судьбу, сын герцога проводил дам до их особняка, а сам, не теряя времени, помчался в клуб – настало время вызвать тяжелую артиллерию!

Глава 20

Увидев кольцо в руках стоящего на одном колене Махоуна, Кэндис залилась слезами. Огневик смутился, перепугался и, наверное, сбежал бы из собственного особняка, если бы не Ал, скромно стоящий у двери.

– Утешай, – подтолкнул он друга в спину.

Кентавр неловко сгреб свою «конфетку», усадил на колени, выудил из кармана огромный свежий платок и примерно через полчаса бурных рыданий выяснил, что это были слезы счастья! Девушка из предместий не ожидала, что столь благополучный и уверенный в себе мужчина предложит брак, а не простое сожительство.

На лице Килкени появилась дурацкая улыбка. Он убедился, что его женщина готова навсегда стать его, и все проблемы отступили. Кэндис успокоилась, вытерла слезы и снова щебетала, как птичка, не выпуская ладонь Махоуна.

– Ну все, приятель, ты попал, – по-доброму подколот его Аллиаль.

В ответ Кентавр прищурился, но ответить на шутку не успел – новость о помолвке узнала матушка Кэндис, и друзей снесло водоворотом ее заботы.

Поздним вечером, когда на небе уже появились звезды, а фонарщики с унылой песней топали по улицам, проверяя и зажигая фонари, друзья наконец вырвались из цепких объятий миссис Доусон и вышли на улицу, собираясь нанять кеб. Экипаж, словно поджидая их, вынырнул из переулка, и Ал с удивлением узнал Тайлера, сидящего на месте кучера. Увидев условный знак, друзья без разговоров забрались в неприметную карету без гербов.

Остановился экипаж на знакомой улице. Салонная в этот час бурлила – ездили экипажи, сновали прохожие, мелькали высокие цилиндры, дамские шляпки, в воздухе пахло дорогим табаком, бренди и духами. Однако Тай высадил друзей не у дверей официального клуба, а на углу, чтобы удобнее было зайти с черного хода. Что Махоун и дер Журбье и сделали. Внутри их встретил лакей с невозмутимым лицом.

– Господа, прошу вас, милорд ждет! – коротко сказал слуга, принимая шляпы и трости.

Друзья удивились такому официозу – Аллиаль ведь продолжал жить на втором этаже и являлся в свои комнаты без церемоний. Однако через минуту стало ясно, отчего Грегори счел нужным создать атмосферу. В клубной гостиной за столом расположились старики! Кентавру хватило одного взгляда, чтобы оценить магический потенциал сидящих в уютных креслах мужчин. Алу на оценку внезапных гостей понадобилось больше времени, но актер умел притвориться воздухом, растворившись среди драпировок и книжных полок. Тем не менее его заметили и громко спросили:

– Грегори, мальчик мой, представишь нам своих друзей?

– Конечно, дядюшка! – Лорд Лайвернес был строг и серьезен, как банковский клерк. – Огненный маг Махоун Килкени. Герой Пограничья.

– Наслышаны. – Седой лорд с выразительным носом с интересом взглянул на Кентавра, и от этого взгляда волосы на голове огневика затрещали от мелких искр. – Не стоит нервничать, молодой человек! – тут же заверил его старый маг. – Я слышал о вас только хорошее.

– Аллиаль дер Журбье, – продолжил церемонию Грегори. – Актер, гример и костюмер. С его помощью нам удалось так быстро добыть бумаги мисс Стоукс.

Сразу дюжина глаз выловила Ала из воздуха, заставив поежиться.

– Что-то припоминаю, – вдруг сказал полный старик в роскошном седом парике с завитыми буклями. Такие никто не носил уже полвека, кроме... Ал вздрогнул. Кроме верховного судьи!

– Скандал в театре? – Строгий взор пригвоздил менталиста к месту.

– Насколько я знаю, он не вышел за пределы театра, – удивился дер Журбье.

– Не вышел, – кивнул судья. – Потому что директор нужен был на своем месте. Но крылышки ему пооборвали.

Аллиаль дернул углом рта, старательно показывая, что пять лет собственной жизни для него мало что значат.

– Что ж, – тот лорд, которого Грегори назвал дядюшкой, развернулся к столу и взял в руку бокал, – предлагаю продолжить

обсуждение. Грег, объясни мальчикам, зачем ты собрал нас тут, только коротко.

– В Лондиниуме появилась графиня Кастильони. То есть теперь она герцогиня Иштванская, но я с ней познакомился, когда эта дама была еще графиней. Неофициально она носит прозвище Черная Мамба и берется за дела государственного масштаба. Вчера я встретил ее во дворце и с трудом избежал ее сетей. А сегодня она поймала меня в «Клетке». Она видела мисс Стоукс еще на балу дебютанток, и у меня есть основания полагать, что эта дама попытается выкрасть профессора или ее разработки в самое ближайшее время. Охрану особняка я усилил, но нам необходимо принять все возможные меры, чтобы выдворить Мамбу из страны.

– Слишком громкие заявления, – проворчал другой старик, худой и желчный. Его потертый серый сюртук намекал на бедность, но на правой стороне груди ярко сверкал бриллиантами один из высших орденов королевства.

– Я уверен, что графиня прибыла в Бриванию по другим делам, никак не связанным с мисс Стоукс, – продолжил настаивать на своем Грег. – Однако эта дама давно мечтает поквитаться со мной.

– С тобой? – удивленно вскинул брови еще один лорд. Его лицо могло служить картинкой к пьесе «Старый холостяк, не лишенный чувства юмора».

– По ее вине погиб Дансер, а я вышел в отставку по ранению. Выжил с трудом, – неохотно признался лорд Лайвернес.

– Дансер – это серьезно, – не удержался еще один представитель старой гвардии. – Мальчик был талантливым и умелым. Несколько раз выручал дипкорпус информацией буквально в последний момент.

– А почему молодые люди молчат? – снова вставил реплику желчный тип.

– Я не знаком с графиней лично, – отозвался Кентавр, невольно вытягиваясь в струнку, как перед вышестоящим офицером. – Но даже я понимаю важность открытия мисс Стоукс. Я знаком с этой девушкой с детских лет и могу сказать, что ее талант к алхимии гораздо шире, чем считают ее наставники в академии.

Тут Махоун кое-что припомнил, прищурился и уточнил:

– Милорды, вы все имеете допуск к военным секретам Бривании?

Чопорные старики переглянулись, усмехнулись, и желчный поторопил:

– Все-все! Не томите, юноша, излагайте.

– Тогда вы наверняка слышали про «ледяной огонь», который огневики и даже простые солдаты применяли в борьбе с нечистью. Особый состав для болот, пойменных лугов и прочих влажных мест, где трудно развести обычный огонь.

Старые ястребы чинно кивнули, мол, слышали.

– Так вот, это разработка мисс Стоукс! – выпалил Килкени.

– Но позвольте! – возмутился тип в черной мантии. – Насколько мне известно, изобретателем горючей смеси является некто мистер Маккензи! Кадровый офицер, капитан... Я лично подписывал бумаги на выплату по патенту!

– Ничего подобного, – заверил всех присутствующих Кентавр. – Эту смесь Мэнди приготовила еще в Ритоне для одной... шутки. Старые наставники школы наверняка помнят это происшествие и подтвердят, что запах и вид состава им знаком.

Брови Грегори поползли вверх. Он тоже вспомнил эту шутку. Аманда тогда искала возможность устроить пожар без огня и долго экспериментировала в лаборатории, благо ее туда пускали без ограничений.

– Когда нас зажали в болоте, в здании старой фабрики удобрений, я вспомнил ее рецепт, потому что там были эти кристаллы, пахнущие как общественный туалет. Вспомнил, смешал и применил. Тогда спаслись все. А Маккензи – фамилия старшего офицера, который получил мой доклад после стычки. Он быстро смекнул свою выгоду и подал бумаги на регистрацию изобретения. Как видите, мисс Стоукс грабят не в первый раз.

– Все это хорошо, молодой человек, – строгим голосом заговорил старик в парике, – но где доказательства?

Махоун прищурился:

– Кто-нибудь из вас знает химический состав «ледяного огня»?
Подробный, по частям?

Старик в черной мантии поднял бокал:

– Я изучил его и готов подтвердить – решение преизящное!

– Тогда вы знаете, что в составе есть ингредиент, который абсолютно не влияет на результат, но его все равно добавляют, потому

что он был указан в моем отчете. Я вписал его намеренно, – усмехнулся Килкени. – Надеюсь, что к Маккензи будут вопросы и он не сможет на них ответить. Но этот лжец выкрутился.

Старик задумчиво пожевал губами:

– Такой ингредиент действительно есть. Правда, я считал, что он добавлен в качестве магонейтрального наполнителя. Но если все так, как вы говорите, эта девочка – просто гений!

Кентавр коротко поклонился и отступил в сторону. Взоры сидящих за столом сконцентрировались на Аллиале.

– А я просто скажу, что свое нужно защищать. Профессор Стоукс – наша. И ее уже пытались запугать, обокрасть и купить, – высказался дер Журбье. – А Бривания своих не отдает!

Мужчины подняли бокалы в одобрительном жесте, соглашаясь, потом один из них обратился к лорду Лайвернесу:

– Грегори, погуляйте с мальчиками, пока мы кое-что обсудим.

Прозвучало это мягко, но ни у кого не возникло сомнений в том, что это приказ.

Трое друзей вышли из уютного зала и очутились в пустом баре. Ал без разговоров встал за стойку, нацепил фартук и ловко поиграл бутылками:

– Чего изволите, господа?

Грегори упал на высокий барный стул и наконец сумел растянуть губы в улыбке. Друзья рядом, и он сумеет сделать все, что задумал. Сухой и чопорный Брегет слишком боялся за Аманду. Так боялся, что, наплевав на все, тряхнул старых друзей Дансера и собственных родственников. Эти постаревшие гордые грифы были способны на многое, если видели ясную цель. Кентавр и Ал своими словами умудрились дать им эту цель. Военные разработки. Гордость Бривании! Надо же! Не думал, что кто-то из этих циничных, многое повидавших стариков еще помнит, ради чего они ввязались в политику.

– Бренди! Двойной! – решил Грег. Выпить и забыть свой страх не получится, зато он сможет включить голову и придумать, как избавиться от Черной Мамбы. Обязательно придумает.

– А мне, пожалуй... «Огненный поцелуй», – хмыкнул Махоун.

Ал картинно бросил в бокал лед, налил на палец бренди, потом крутанулся вокруг себя и налил еще на палец.

– Прошу! – Бокал скользнул по стойке прямо в ладонь, и от этого Грегори почему-то стало легче.

Напиток Килкени требовал большей сноровки. Сначала Ал плеснул в бокал ром. Потом пристроил на стеклянных краях специальную ложечку с прорезью. На нее уложил кусок сахара. Затем на аккуратный кубик капнул лимонный сок и ром, поджег спиртное и крутанул бокал, позволяя огневику полюбоваться тем, как расплавленные капли карамели с шипением падают в ром. Когда синий огонь в ложке погас, «бармен» подтолкнул второй бокал «клиенту», а себе налил крепкого мятного ликера.

– Какие у нас планы? – непринужденно спросил он, выставляя блюдце с тонко нарезанным лимоном.

– Защитить Мэнди, – пожал плечами Грегори.

– И Кэндис, – добавил Кентавр.

– Ты сделал предложение? – обрадовался за друга лорд Лайвернес. – Поздравляю!

– Сделал, – солидно кивнул Махоун, делая глоток спиртного. – А теперь боюсь, что графиня пойдет по твоим связям, чтобы насолить.

– Эта змея может, – грустно признал Грегори. – У них в Итилии вообще принято так мстить, чтобы все родственники еще сто лет икали. Но у нас есть выход. Девушек нужно отправить в провинцию. Кастильони не выносит сельских пейзажей. Ее удел – балы и дворцы.

– Аманда не согласится оставить лабораторию, – напомнил Аллиаль. – К тому же после удачного дебюта и получения звания ее начнут осаждать зеваки, поклонники и те, кто пожелает нагреть руки на ее знаниях. Если новоиспеченный профессор вдруг удалится в провинцию, пойдут нехорошие слухи.

Тут актер криво улыбнулся и отпил глоточек ликера.

– Например, о том, что ты ее убил и спрятал тело в особняке Ратлендов. Или решат, что ее выступление во дворце – фикция, ведь новоявленный профессор не может лично повторить этот опыт прямо здесь и сейчас... Думайте. Вы сами знаете, как много в этом городе значат сплетни.

Грегори и Махоун печально переглянулись. Ал привел весомые аргументы.

– Тогда, может быть, временно перевести Кэндис в дом Аманды и организовать охрану? – задумчиво предложил Грегори. – Невесте

нужно время на подготовку к свадьбе, Мэнди не откажется от компании девушки...

– Нужно предупредить Аманду и Кэндис об опасности, – не отступал Аллиаль. – Не стоит скрывать и устраивать секреты.

– Да почему ты предлагаешь их напугать? – возмутился Килкени. – Моя Кэнди такая нежная, хрупкая! Я не хочу, чтобы она боялась и хмурилась!

– Махоун, да ты совсем не знаешь женщин, – хмыкнул актер. – Спешу тебе напомнить, что мы прячем ваших невест от женщины. Хищной, опасной женщины, способной на убийство.

При словах «ваших невест» лицо Грегори сделалось совсем каменным, но Ал ему подмигнул и продолжил:

– Работая в театре, я каждый день видел женщин, вынужденных выживать. Танцевать со стеклом в туфельках, петь, когда ледяной ветер шевелит занавес, или изображать зябнущую лилию, когда от духоты свечи стекали на пол. Я знаю, что женщины способны на многое, и, если вы ничего не скажете, я сам предупрежу Мэнди и Кэндис! – пригрозил Аллиаль.

Маг и лорд еще раз переглянулись и сдались.

– Ты прав, Ал, но, думаю, обо всем стоит сказать лично? – полувопросительно сказал Грег.

– Записки – сейчас и уточнения – лично, – уперся актер. – Ночь длинная, лучше не рисковать.

Повздыхав, Кентавр написал письмо невесте, а Грегори быстро черкнул записку Аманде. Отнести послания доверили лакею из клуба. Их всех тщательно проверяли при приеме на работу. Едва слуга ушел, друзей позвали в столовую.

– Итак, молодые люди, – слово взял родственник Лайвернеса, – мы обсудили ситуацию, прикинули политическую обстановку и сделали вывод. Попросить герцогиню уехать мы не можем. Она прибыла в Бриванию с неким договором для его величества. Сам договор пустяковый, но дает ей официальный статус и защиту посольского уровня. Зато мы можем помотать ей нервы, приставив мальчика «для оберегания», – тут старик подмигнул погрузневшим членам «Клуба джентльменов», – и усилить охрану мисс Стоукс. Далее военное ведомство выделит профессору Стоукс средства на новые разработки, а научное сообщество предложит публикации в журнале

«Наука и корона», а также ряд статей в менее пафосных изданиях, более почитаемых профессионалами.

Друзья оценили. С такой поддержкой Аманда очень быстро воплотит в жизнь свои идеи, даже те, на которые прежде не хватало денег, времени или сил. А еще публичность не позволит ей тихо исчезнуть под плащом какого-нибудь наемника или потеряться в темной подворотне. Официально уважаемых деятелей науки не похищают, их покупают – за хорошие деньги, связи или условия работы. Но если Мэнди предоставит шанс, она останется в Бривании.

– Дядюшка, – Грегори решительно вклинился в речь родственника, – у меня еще одна просьба.

– Говори, – снисходительно кивнул тот.

– Я сделал мисс Стоукс предложение, однако, боюсь, отец и мама будут возражать...

– Ты просишь поговорить с Виолой? Хорошо. Загляну к твоей маменьке на чашечку чая и партию в бридж...

– Старый ты болтун! – не выдержал другой старик, поправляя пенсне на мясистом носу. – Девочка получила звание профессора, да еще «ледяной огонь» сотворила! Пусть Брукс даст ей полковника и после оформит дворянство по протоколу!

– Полковника у меня еще заслужить надо, – заворчал широкоплечий старикан в мундире. – Наследное дворянство с подполковника идет, вот подполковника ей и хватит!

– Старый ты сапог, – проворчал сухощавый представитель научного сообщества. – Профессорское звание – само по себе титул, но я понимаю тебя, мальчик. Бумаги оформим в ближайшие дни. А пока распорядись подать нам ужин и хорошую малагу!

Грегори поклонился и заверил высокое собрание, что все немедля будет. Махоун и Аллиаль благоразумно не открывали рта, сообразив, что угодили в водоворот таких событий, о которых можно с честью рассказывать потомкам. В зале игорного клуба лорд Лайвернес умудрился собрать цвет бриванского дворянства, тех, кто мог изменить судьбу человека одним росчерком пера.

Глава 21

Утром после ночного кутежа в компании старых ястребов Грегори и Кентавр очнулись на диванах в гостиной. Ал безмятежно похрапывал на коврике у камина. Последнее, что запомнили друзья, – это укоризненное качание головой одного из стариков:

– Эх, не та молодежь пошла! Совсем пить не умеют!

В клубе было тихо. Короткий доклад дежурного лакея прояснил ситуацию – старые грифы, спойв в хлам владельца клуба и его соратников, взяли экипаж герцога Ратлендского и поехали кутить в номера.

– Карету доставили час назад, милорд. – Слуга старался держать лицо невозмутимым, но у него плохо получалось. – Боюсь, она нуждается в ремонте. Кучер уснул в прихожей, успев сказать, что благородные лорды его измотали, да еще посоветовал читать утренние газеты.

Грегори мрачно моргнул – кивнуть не было никакой возможности, голова просто раскалывалась. Лакей все понял верно и подал свежую газету, резко пахнущую типографской краской. На первой странице красовалась компания стариков-разбойников, хором поющих «Славься, Бривания!» в «Золотой клетке». Далее шли снимки кормления лошади моченым арбузом, стрельбы игристым вином по юбкам кокоток и дуэли на сосисках.

– Вот это маскировка! – простонал лорд Лайвернес, борясь со смехом.

В таком потоке скандальных новостей начало попойки в одном из клубов Салонной улицы никто и не заметит.

– Подайте коктейль от похмелья, – вздохнул Грегори, взглянув на страдающих друзей, – холодную ванну и бритвенный прибор!

Махоун только одобрительно помахал рукой в воздухе. Огненный маг похмельем не страдал – он им наслаждался. А вот окружающие от похмельного Кентавра почему-то шарахались. Может, потому, что огневик в таком состоянии действительно выдыхал пламя?

Приведя себя в порядок, лорд и боевик обнаружили, что за окном уже полдень. Выпив бульон с пряностями и закусив его яйцом-пашот,

мужчины решили съездить в дом Кентавра, чтобы забрать Кэндис и перевезти ее к Аманде. Экипаж и верный Тай уже ждали. Однако, подъезжая к дому, Махоун обратил внимание на странную суету на улице.

– Что-то случилось! – выпалил он, поднимаясь в экипаже в полный рост.

– Сейчас приедем, – попытался урезонить друга Лайвернес.

– Ты не понимаешь! Оттуда тянет магией! – Килкени готов был выскочить из экипажа на ходу и пешком пробиваться через толпу зевак к дому.

– А ведь верно... – Грегори придержал друга за полу сюртука, прислушался к себе и закашлялся: – Не только магией, но и гарью!

Тайлер сумел подвести лошадей прямо к дому, и друзья с ужасом увидели обгорелое крыло, затоптанную лужайку и десяток полицейских.

Кентавр не рассуждая кинулся к дому, крича:

– Кэндис! Кэндис!

Ал огляделся и нырнул в толпу – собирать информацию. Грегори велел Тайлеру быть наготове, потом выловил уличного мальчишку и спросил:

– Мистера Сеттинга, управляющего герцога Ратлендского, знаешь? Дом два дробь пять...

– Знаю! – Оборванец утер нос рукавом и с нетерпением уставился на лорда.

– Отнеси ему записку, скажи, что лорд Лайвернес зовет сюда, срочно! – Нацарапав карандашом несколько слов на листочке из блокнота, Грегори сунул его мальчишке вместе с монетой и чинно двинулся туда, где толпились полицейские.

Переговоры заняли много времени. Сначала стражи порядка отнеслись к появлению лорда с именным указом короля скептически – на улице жили в основном чиновники и военные, но вскоре примчался запыхавшийся поверенный, он подтвердил личность Грега, и дело пошло.

Выяснилось, что дом Килкени подожгли снаружи. По счастью или по расчету, жилые спальни располагались в другой части дома, так что пострадали комнаты будущих молодоженов. Полицейских же привел сюда вовсе не пожар, а убийство!

Пока слуги гасили стену, в окно спальни пытался влезть очень смуглый мужчина в черной одежде. Испуганная Кэндис метнула в грабителя умывальный кувшин, а когда тот ловко увернулся и в свете свечей блеснул нож, зажатый в зубах, девушка вцепилась ему в два метательных клинка в лицо. То ли грабитель, то ли убийца сорвался и разбился, сломав спину о каменную вазу.

– Можно взглянуть на погибшего? – нейтрально осведомился лорд, чувствуя, как на голове шевелятся волосы. А ведь Аллиаль предупреждал!

Полицейский доктор нехотя приподнял мешковину, демонстрируя полностью черную одежду и две узкие раны на висках.

– Снимите с него маску, – попросил Грег, склоняясь над телом. – Все понятно. Господа, обратите внимание на смуглую кожу и черные волосы. Это уроженец Итилии. Специально выращенный наемный убийца. Думаю, он сорвался от неожиданности, раны не выглядят смертельными. Вы нашли его нож?

Доктор нехотя развернул платок, демонстрируя находку.

– Видите герб на конце рукоятки? Это семейный знак клана «Браво» из Винеи. Этот клан стоит дорого, очень дорого. Потому что они не только убивают, но и похищают людей. Мисс Доусон защищалась. Ее собирались похитить или убить.

– Да это понятно, – ворчливо ответил сержант. – Только как такая крохотулька его остановить сумела? В ней ведь едва сотня фунтов наберется, а мужика завалила на раз!

– Мисс не отвечает? – уточнил Грегори.

– Ревет и трясется! – махнул рукой полицейский.

– Если позволите, я спрошу ее.

– Да ступайте, у вас такие бумаги, что я вам ничего запретить не могу.

Грегори не спеша вошел в дом и сразу в холле увидел заплаканную Кэндис на коленях у Кентавра. Тот сжимал свои ручищи, буквально оплетая хрупкую певицу, и со стороны казалось, что на плече мрачного типа в кожаной куртке вдруг выросли светлые кудряшки.

– Махоун, друг мой, – Грегори сел напротив и сделал знак растерянной матушке Кэндис, – твоя невеста очень хочет пить.

– Что? – Только упоминание Кэнди вывело огневика из ступора.

– Кэндис много плакала, ей нужно выпить чая. Сейчас миссис Доусон принесет сюда поднос. Отпусти свою невесту, ей нужно умыться и поесть.

Не сразу, но руки мага разжались. Девушка осторожно встала и поспешила умыться. Ее мать ушла за чаем, и Грегори получил минуту, чтобы задать свои вопросы:

– Махоун, как Кэндис умудрилась ранить парня из «Браво»?

Огневик размял шею, хмыкнул и сказал:

– Она почти год работала помощницей метателя ножей в цирке. Научилась всему. А потом балаган уехал, а Кэндис не могла оставить мать и младшую сестру. Но этот тип подарил ей ножны с клинками, чтобы Кэнди не боялась ходить домой вечером. И... – Тут Кентавр заколебался, но Грегори уже все понял:

– Кэндис все еще не верит, что теперь она в безопасности, и носит клинки на себе?

– Верно, – чуть расслабился маг.

– Может, она и права, – рассеянно заметил Грегори. – Ты спросил про записку?

– Про записку? – Махоун размял шею, пытаясь вспомнить, что упустил.

– Мы заехали сюда сегодня, потому что вчера отправили записку. Тут должны были стоять чемоданы! – Лорд махнул рукой в сторону входной двери. – Кэндис, ее сестра и матушка переезжают в дом Аманды...

– Не спросил, – нахмурился Килкени. – Приготовлений нет. Сейчас спросим!

Тут в гостиную вернулись женщины, и Грегори сразу спросил:

– Мисс Доусон, вы получали вчера записку с наказом собрать вещи для переезда?

– Что? – Блондинка растерянно хлопнула глазами, но тут же собралась и четко ответила: – Нет, милорд!

– Миссис Доусон, к вам не заглядывали посыльные? Может быть, ошибались адресом, приносили заказы из магазинов?

Пожилая женщина выпрямилась и отрицательно качнула головой:

– Нет, милорд. Вчера были только молочник и зеленщик, они живут на соседней улице, приходят всегда в один и тот же день недели примерно в одно время. Мясник будет завтра.

Мужчины переглянулись, и Лайвернес мягким тоном продолжил:

– Ваш дом пострадал, поэтому предлагаю вам быстро собрать вещи и на пару недель перебраться в дом моей невесты. Это ненадолго – ради вашей безопасности. Тот, кто поджег дом и пытался влезть в окно, на этом не остановится.

К чести мисс Доусон, она лишь заглянула в глаза Махоуна и пошла собирать чемоданы.

– Мы быстро, милорд, – заверила она Грегори, уводя матушку.

Килкени долго смотрел ей вслед, потом повернулся к другу.

– Думаешь, убийцу наняла графиня? – хриплым голосом спросил он.

– У твоей невесты есть враги, способные выложить пятьсот золотых за одну попытку? – ответил вопросом Грег.

– Ясно. Значит, Кэндис спрячем у Аманды, и я соберу ребят. Эту змеюку надо изловить и оторвать ей жало, пока она не сотворила еще что-нибудь.

– У нее дипломатическая неприкосновенность, – напомнил Лайвернес и тут же утешил друга: – Но мы найдем возможность к ней подобраться. Идем отыщем Аллиаля, он наверняка уже собрал все сплетни в округе.

Актер нашелся у двери – стоял с независимым видом, крутил в руках тросточку и выглядел как самый обычный прохожий.

– Что-то новенькое? – Грегори небрежно встал рядом, делая вид, что наблюдает за зеваками.

– Соседка вчера заметила новые лица на улице, удивилась. Тут же все друг друга знают.

– Описала?

– Нет, сказала лишь, что неместные. Мальчишки заметили больше, но ничего конкретного. Смуглый джентльмен и очень белокожая дама прогуливались по улице. Здесь нет модных лавок, сквер – чуть дальше, в общем, необходимости бродить туда-сюда у них не было. Тем не менее прошлись, а потом уехали на обычном наемном экипаже.

– Итлийцы, – со знанием дела сказал Грегори.

– Почему? – поинтересовался Кентавр. Он нервничал, не мог спокойно стоять и то и дело поглядывал на приоткрытую дверь.

– У них дамы тщательно следят за белизной кожи. Это признак состоятельности, породы, мужчинам же дозволяется быть смуглыми, особенно если они военные или... охранники.

– Неужели графиня?! – пораженно воскликнул Махоун.

– Сомневаюсь. Мамба осторожна. Она, скорее всего, не покидала дворца, да еще и сидела в гостиной королевы или статс-дамы. Но у нее наверняка есть свита, вот там стоит поискать и даму, и кавалера.

– Во дворец нам не попасть, – озвучил очевидное Ал.

– Вам – нет. А меня маменька попросила сопровождать ее в этом сезоне, – тонко улыбнулся лорд Лайвернес. – Попрошу леди Виолу заглянуть к моей тетушке, она все еще служит фрейлиной принцессы Кентской.

– Родственницы короля? – понимающе кивнул Аллиаль. – Наверняка она всех знает!

– Сейчас отвезем мисс и миссис Доусон к мисс Стоукс, и я постараюсь организовать визит, – коротко изложил свои планы Грег.

– Я останусь с Кэндис, – буркнул Кентавр.

– А я поеду в клуб, – нейтрально сказал Аллиаль.

Его тон никого не обманул. Друзья сразу уставились на актера, как коты на мышку.

– Хорошо-хорошо! Вчера лорд Бриль сказал, что дар менталиста не появляется просто так и я ему кого-то напоминаю. А когда перебрал малаги, посоветовал заглянуть в книгу старейших родов Ирлингии. Хочу поискать ее в библиотеке клуба.

– Она там точно есть, – подбодрил друга Грег. – Джентльмены любят иногда помериться древностью рода, так что такие книги входят в библиотеки всех клубов наравне с книгой пари.

Ал смутился. Его желание отыскать родителей ему самому порой казалось наивным и детским, но ведь не будет ничего страшного, если он заглянет в книгу?

Дверь дома аккуратно открылась, выпуская миссис Доусон и ее дочерей. Каждая держала в руках небольшой саквояж, и только.

– Неужели это все ваши вещи? – изумился Махоун. Он ожидал как минимум пары сундуков!

– Все, что нам нужно для жизни, найдется в любом приличном доме, – строго ответила матушка Доусон. – Поэтому с собой мы взяли только одежду и личные вещи.

– Что ж, мы рады, что вы собрались так быстро. – Грегори смягчил слова друга любезной полуулыбкой. – Позвольте проводить вас в экипаж?

Женщина благосклонно кивнула и оперлась на его руку. Килкени и дер Журбье предложили руки двум мисс Доусон. Тайлер, издали заметивший друзей, подогнал коляску к тротуару. Все уселись и задумчиво замолчали. Кэндис переживала за Кентавра, ее матушку беспокоил отъезд. Младшая сестра радовалась приключению, а сам огневик переживал, что не сможет так легко встречаться со своей невестой, как прежде. Ал погрузился в думы о родителях, Грегори выстраивал план убеждения матушки... И все дружно вскинулись, услышав звон пожарного колокольчика!

Возле дома Аманды повторилась та же картина, что и возле особняка Кентавра. Полиция, пожарные, запах гари и суматошная толпа зевак!

На этот раз первым из коляски вылетел Грег. Растолкав всех, ворвался в дом и обнаружил бледную Мэнди в кресле с рюмкой шерри в руках. Миссис Дженкинс не подпускала к подопечной двух слегка смущенных полицейских и требовала немедленно отправить посыльного к лорду Лайвернесу.

– Я уже тут! – Грегори выдохнул, и ни одна эмоция не прорвалась сквозь привычную ледяную маску.

История оказалась незамысловатой и почти в точности повторяла происшествие в доме Кэндис. Некто поджег угол дома со стороны кухни, и, пока кухарка и лакей заполошно бегали с ведрами, мужчина в черной одежде залез в окно Аманды. Ножей у мисс алхимика не было, зато нашлась концентрированная соляная кислота. Большая колба с жидкостью полетела в незнакомца, едва он достал оружие, и грабитель остался лежать на полу лаборатории, предварительно разнеся половину комнаты в попытках избавиться от боли.

Грегори мрачно рассказал полицейским о нападении на дом мисс Доусон и самым суровым тоном распорядился:

– Миссис Дженкинс, собирайте вещи! Мы едем в дом герцога Ратлендского. – И добавил более мягко: – У нас нет сейчас иного выхода, Аманда. В твоей лаборатории все уберут, и вы непременно вернетесь, как только преступники будут пойманы.

Профессор Стоукс не возражала. Лишь попросила зайти с ней в лабораторию, чтобы забрать записи, переложив остальные сборы на плечи миссис Дженкинс. Грегори не отказал в просьбе. Зашел, оценил ущерб, поморщился, слушая хруст пробирок под сапогами полицейских. Лабораторный стол находился в центре комнаты, и напротив окна стояли в основном испачканные пробирки и недорогие ингредиенты в больших банках, так что ценное и хрупкое оборудование в шкафах не пострадало. Однако разбитое окно, потеки кислоты на столе, стенах и мебели выглядели зловеще.

Пока Аманда сгребала с полок лабораторные журналы, заметки и папки, лорд Лайвернес успел задрать рукав на одежде трупа и убедиться, что это итлиец. Негромко сообщив полиции эту информацию, он забрал у мисс Стоукс бумаги, проводил ее до экипажа и уже там объявил всем, куда они едут и почему. Ал сразу уступил место миссис Дженкинс, заявив, что доберется в клуб на извозчике, а Махоун просто пересел к Тайлеру. Было понятно, что свою «конфетку» Кентавр не оставит ни при каких обстоятельствах.

– Домой, Тай! – сказал Грегори, запрыгивая на подножку.

Глава 22

В особняке герцога Ратлендского внезапных гостей встретили с легким изумлением. Однако вышколенный дворецкий и вида не подал, что его шокировала компания из пяти дам, сына герцога и громалы в кожаной одежде.

– Бриггс, проводите дам в гостевые комнаты, а мистера Килкени в гостиную рядом с библиотекой, – распорядился Грегори.

Слуга чопорно поклонился:

– Прошу за мной, дамы! Мистер Килкени. – Дворецкий с поклоном указал направление, а потом решительно зашагал вперед.

Передав гостей дворецкому, Грег велел Тайлеру приготовить визитный костюм и поторопился отыскать леди Виолу. По утрам герцогиня Ратлендская обычно писала письма в своем будуаре. В этот день она не изменила привычкам, так что сын нашел ее, поздоровался, поцеловал руку, а потом изложил свои затруднения:

– Мама, я пригласил пожить у нас нескольких почтенных дам и юных мисс. Прости меня за самоуправство, это вынужденная мера. На их дома напали...

Леди Виола отложила перо и уставилась на младшего сына. Теперь она видела в нем силу, уверенность, азарт. Он больше не напоминал ту бледную тень, которую сняли с корабля и привезли в этот дом почти год назад.

– Эти дамы... кто они? – уточнила герцогиня, чуть склонив голову, что у нее означало выражение интереса.

– Миссис и мисс Доусон. Мать и две дочери. Одна из мисс Доусон – невеста моего друга капитана Килкени. Их дом подожгли... враги Бривании, – нашел нужные слова Грегори.

– Ты сказал, почтенных дам несколько?

За что Грег всегда уважал свою мать – за умение отбросить лишнее, выделяя главное.

– Вдова полковника миссис Дженкинс. Она сопровождает профессора Стоукс.

– Профессора? Ах да! Наслышана! – Леди Виола смерила младшего сына пронзительным взглядом.

Грегори с трудом сохранил невозмутимость.

– Профессор получила королевский грант на исследование важных для короны вещей и личное дворянское звание, – ровно сообщил он. – Бумаги уже подписаны. Однако его величество поручил мне лично позаботиться о безопасности леди. Ее исследования крайне необходимы для короны.

Герцогиня осталась такой же прохладно-равнодушной.

– Я готов сопровождать вас во дворец, мама, а гости покинут наш дом, как только опасность будет устранена, – примирительным тоном сказал лорд, не зная, как еще убедить матушку не начинать боевых действий в собственном доме.

Мать изящно взмахнула рукой:

– Пустяки, милый, в этом особняке можно заблудиться. Попроси своих гостей не покидать гостевое крыло без необходимости, и мы даже не заметим их присутствия. Будь готов к восьми часам, мы едем на чай к тете Альферии.

– Непременно буду! – Грег выдохнул, поцеловал воздух над материнской рукой и вышел.

Первый раунд переговоров прошел успешно. Леди Виола не будет гнать Аманду из своего дома, а дальше будет проще. Во всяком случае, Брегет на это надеялся.

Чаепитие у тетушки-фрейлины напоминало отлично срежиссированный спектакль. Сама герцогиня восседала в кресле с высокой спинкой, но без подлокотников. Только такой вариант дамского кресла позволял красиво разложить ее широкие юбки. Сиятельные гости разместились вокруг хозяйки комнат на мягких табуретах, не дающих шансов измять подола визитных платьев. Чайный столик – хрупкий, изящный – стоял по левую руку от леди Альферии и сиял серебряным подносом, заставленным чашками.

– Виола, дорогая, рада тебя видеть! – Леди Альферия обращалась к герцогине Ратлендской по имени, поскольку приходилась ей старшей сестрой.

Дамы деликатно обнялись и завели легкую беседу, призванную показать окружающим, что у них все прекрасно.

Лорд Лайвернес остался стоять за спиной матушки. Чашку слабого чая ему вручили, и он крутил ее пальцами, время от времени

поднося к губам, чтобы под прикрытием тонкого фарфора оценить ситуацию. Ему нужно было покинуть собрание дам, но сделать это следовало вежливо и незаметно. Неожиданно леди Альферия властно махнула рукой:

– Грегори, мальчик мой, подойди!

Лорд не мог отказать в такой просьбе и, аккуратно обходя шелковые юбки, приблизился к родственнице. Та знаком попросила его наклониться ниже и едва слышно спросила:

– Убежать к девице желаешь или по делу?

Грегори смущенно кашлянул, но ответил:

– К девице, но по делу. Ищу герцогиню Иштванскую.

Тетушка чуть отстранилась, бросила на племянника задумчивый взгляд и так же тихо ответила:

– Час дам. Эту даму поселили в жемчужных покоях.

Грегори сжал губы. Он не настолько хорошо знал внутреннее устройство дворца.

– Выйдешь через мой будуар, повернешь направо. По лестнице на этаж ниже, там спросишь. Вернись с конфетами или фруктами к чаю. Скажу всем, что отправила тебя за сладостями.

Тут леди Альферия отстранилась и несколько игриво помахала племяннику рукой:

– Иди, дорогой, иди! Мы пока с твоей матушкой немного посплетничаем!

Отпущенный на свободу, лорд Лайвернес сделал так, как сказала ему тетка: вышел из гостиной через ее крохотный, пропахший пудрой будуар, оттуда в коридор и дальше, спрашивая у стражников жемчужные покои. Вламываться в комнаты, выделенные герцогине, он не собирался – это было опасно и грозило политическим конфликтом с Итилией. Ему нужно было совсем другое.

Отыскав с помощью стражей и слуг жемчужные покои, Грегори вежливо постучался и попросил выглянувшую горничную доложить госпоже о госте.

– Доньи нет, – отозвалась смуглая чернокосяя девушка с яркими, как маслины, глазами.

– А где же она? Может быть, я смогу увидеть герцогиню в парке или в общем зале? – нежно улыбнулся юной итилийке лорд Лайвернес.

– Госпожа сказала, что идет на чай к ее величеству! – пискнула камеристка.

– Прошу вас передать вашей донье записку. – Продолжая улыбаться, Грегори вынул из жилетного кармашка крошечный блокнот в золотом футляре и небольшой позолоченный карандаш.

Как он и ожидал, девушка отвлеклась на блестящие вещички, и, пока мужчина, прислонив футлярчик к косяку, царапал ничего не значащую записку: «Заглянул с визитом, не застал», – второй рукой он уронил на пол крохотную обсидиановую пуговицу и небрежным движением визитной туфли задвинул ее в уголок под дверью.

Закончив писать, лорд вручил служанке записку, поклонился, улыбнулся и вальяжно пошел по коридору, изображая разочарованного любовника. На самом деле Грег шел с ощущением канатоходца над пропастью. Ему сейчас ни в коем случае нельзя было столкнуться с Черной Мамбой, чтобы не провалить свой маленький трюк. А еще требовалось выполнить наказ тетки и успеть предупредить дядюшку о том, что подсунул герцогине игрушку из арсенала Дансера. Старенькую игрушку. Такие уже не используют, потому они и сохранились в багаже провалившегося агента.

Увы, фортуна не всегда благосклонна к тем, кто спешит. Впереди послышался шум, мужские разговоры, женский смех. На площадке лестницы стояла герцогиня Иштванская, рядом с ней кокетливо улыбались юная графиня Марч и такая же юная огненно-рыжая графиня Руф, окруженные молодыми людьми.

Девушки были недавно представлены ко двору и приняты на должность младших фрейлин. Ее величество считала, что девушкам до замужества полезно побывать в атмосфере дворца, и ежегодно выбирала шесть младших фрейлин сроком на год. Милые свежие лица при дворе привлекали мужчин. Грегу хватило одного взгляда, чтобы оценить расклад сил. Герцогиня явно приманила юных леди как наживку, чтобы очаровать лордов. Под смех и легкую болтовню бравые гвардейцы и ловеласы невольно выдавали мелкие секреты, из которых опытный агент может составить полную картину предстоящих событий или планов.

У Брегета были доли секунды, чтобы решить, что делать. Обойти? Могут обсмеять и довести дело до дуэли. Влиться в толпу воздыхателей? Герцогиня уже настороже и может повернуть ситуацию

в свою пользу. Расцветая самой любезной улыбкой, Грегори бросился в гущу событий:

– Ваша светлость! Я вас искал! Мой день был мрачным без вашей красоты! – Неся несвязный любовный бред, лорд Лайвернес подобрался к Черной Мамбе, припал к ее руке в долгом поцелуе и под завистливые взгляды юных дам, рассыпаясь в комплиментах, предложил всей компании... навестить его тетушку!

Судя по тому, как дернулся уголок губ герцогини, юные гордецы и кокетки должны были сопроводить ее совсем в другое место. Но Грегори не отставал. Улыбаясь, любезничая и сверкая остроумием, он втолкнул герцогиню по лестнице и практически втолкнул в гостиную старшей фрейлины. Сидящие за чаем дамы удивленно обернулись, а вот хозяйка сразу подыграла:

– Грегори, мальчик мой, ты так и не добыл сладостей и решил оправдаться, расширив нашу компанию?

– Тетушка, позвольте вам представить...

Юные фрейлины моментально покраснели и притихли. Гвардейцы держались браво, но боялись сказать лишнее слово в присутствии сановных дам. А вот герцогиня Иштванская в доли секунды оправилась от изумления и сама пошла в атаку – присела поближе к герцогине Ратлендской, завела вежливую беседу. Грегори мысленно усмехнулся. Многие ошибочно принимали его матушку за нежную фиалку, забывая, что бриванские розы имеют острые шипы.

Пока дамы обменивались двусмысленными любезностями, он напряженно ждал. Когда где-то вдалеке раздались шум и крики, он постарался заглушить их, рассказав неприличный анекдот. Леди Альферия решительно шлепнула его веером, назвала невоспитанным мальчишкой и громко посетовала графине Краковельской на современную молодежь. Между тем шум становился громче, и игнорировать его уже не получалось. Вскоре из будуара выглянула служанка, на цыпочках подобралась к хозяйке гостиной и шепнула несколько слов.

– Ваша светлость! – обратилась статс-дама к герцогине Иштванской. – Вас ищут! Кажется, в ваших покоях что-то случилось!

Черная Мамба вскинула безупречные черные брови и в упор уставилась на лорда Лайвернеса. Он спрятал ухмылку в чашке с чаем, а потом самым сочувственным тоном предположил:

– Наверняка это сущие пустяки! Может быть, служанка опрокинула таз с водой на ваш туалетный столик? Или призрак дорогого супруга расшалился в спальне?

Черные глаза итлийки полыхнули гневом, но она сдержалась. Уже усвоила, что в Бривании ее темперамент вызывает лишь осуждение, а не восторг. Гости быстро простились и довольно суетливо покинули гостиную, оставив леди Альферию и герцогиню Ратлендскую, пожелавших продолжить чаепитие. Лорд Лайвернес поцеловал на прощанье ручку герцогине Иштванской и выразил сожаление, что не сможет сопроводить ее до покоев, поскольку приехал во дворец с маменькой и должен уехать с ней же.

Окинув лорда высокомерно-презрительным взглядом, Черная Мамба ушла. Едва за ней затворилась дверь, леди Альферия вынула из напольной вазы фляжку, плеснула себе в чай бренди и потребовала:

– Рассказывай, племянник, что натворил и какого перца в штаны тебе насыпала эта змейка?

– От вашего взора, тетушка, ничто не укроется! – с должной долей восхищения произнес Грег.

– Поживи с мое в этом змеином гнезде, быстро научишься ловить ужей за хвост. Впрочем, думаю, тебе своих драконов хватило, – чуть тише произнесла фрейлина.

– Недавно в городе, – пространно начал Грег, помня, что у стен могут быть уши, – случилось два пожара. В одном едва не пострадала невеста моего друга, а в другом... моя.

– А теперь подробнее! – Глаза тетки хищно сверкнули.

Кто бы что ни говорил, а своих племянников она любила и жестоко мстила тем, кто пытался их задеть.

Так сложилось, что леди Альферия не была замужем. Сначала ей слишком нравилось порхать на балах, а потом она влюбилась в молодого лорда, вполне подходящего ей по знатности и состоятельности. Семьи сговорились, был назначен день свадьбы. Ее величество, будучи тогда еще кронпринцессой, по обычаю собирала невесту в своих покоях, одалживая бриллианты неслыханной ценности и кружевной покров, по легенде, приносящие невестам счастье.

Когда невеста, сияя драгоценным убором, вышла в зал, под ноги ей упал жених с окровавленным клинком в боку. Дуэль. Лекари ничего не смогли сделать. После этого инцидента король официально

запретил дуэли. Дворцовый шаркун, затеявший поединок от скуки, был выслан и лишен званий, а леди Альферия осталась фрейлиной и так и не вышла замуж, храня верность своему возлюбленному.

Узнав подробности пожаров и нападений, тетушка прищурилась:

– Так что там случилось в комнатах этой итлийской змеюки?

– Уголек выскочил из камина? – самым невинным тоном предположил Грегори. – Так неосторожно топить летом камин! Трубы плохо вычищены!

– Полагаю, люди Вандейка будут активно помогать спасти сундуки герцогини из пожара? – усмехнулась леди Альферия, салютуя чайной чашкой, словно бокалом.

– Представляете, тетя... – Грегори задумался, стоит ли доверять родственнице эту тайну, но решил, что ничего плохого не будет. Статс-даме приходится хранить много тайн. – Из королевского музея пропал редчайший артефакт. Невзрачная такая штучка, похожая на шестеренку. Его ценность в том, что он является частью секретного механизма, который почти два века назад построил один итлийский гений. Этот механизм запускает одновременный слив воды со всех водохранилищ Бривании. Удалить механизм нельзя – он встроен в сами плотины. Менять их слишком дорого, долго и опасно. Но к чему может привести массовый сброс воды?

Говоря это, Грегори быстро выстроил пирамиду из чайных чашек и блюдец, раскрошил тост, а потом начал лить остывшую воду тонкой струйкой, демонстрируя работу системы.

– Вот плывут корабли, буксиры тянут баржи, люди стирают белье или купаются... И вдруг идет огромная волна от самого верхнего водохранилища к морю! – Тут лорд перевернул чайник, устраивая локальный шторм. – Погибнут люди, грузы, смоят склады и дома. И все это может случиться из-за одной маленькой серебристой штучки, как раз тогда, когда Итилия и Франкония заключают военный союз!

– Я поняла, мой мальчик. – Тетка легко похлопала Грегори по руке. – Надеюсь, мундиры Вандейка сработают как надо. А теперь расскажи мне о своей невесте, какая она?

Лорда отчего-то сразу отпустило копившееся с утра напряжение. Он улыбнулся:

– Она очень умная. И красивая! Когда думает, грызет карандаш. А если сердится, бросается алхимическими терминами...

Глава 23

История с похищением артефакта из королевского музея не стала достоянием широкой общественности. Однако король лично поблагодарил Грегори за организацию обыска в покоях герцогини Иштванской и вручил профессору Стоукс патент на звание полковника, дающий право на наследное дворянство. А в придачу – «скромный подарок на помолвку» – очаровательную жемчужную диадему.

Выходя из малого королевского кабинета, Аманда все же спросила Грегори:

– Почему же эта дама покушалась на Кэндис и на меня, если уже украла артефакт?

– Черная Мамба преследовала сразу несколько целей. Ей нужен был исполнитель и суета. Пожар и похищение годились как отвлекающий маневр, а применить артефакт она планировала заставить кого-то из нас. Кентавра или меня, угрожая вашим жизням. В Итилии пусковой механизм бесполезен и даже опасен, мастер Давинс строил плотины и там. Если бы герцогине все удалось, она бы уехала и даже позволила под каким-нибудь предлогом обыскать свой багаж, чтобы доказать свою невиновность. А тот, кого она поймала на крючок, исполнил бы задумку ее правительства, устроив потоп.

– Но мы с Кэндис отбились и тогда она задумала что-то другое? – уточнила Аманда, разглядывая ровную шеренгу гвардейцев за окном. Было время смены караула, и на это удивительное зрелище собрались поглазеть все, кто имел пропуск в королевский парк.

– Да, охмурение гвардейцев было частью ее плана. Юным леди она пообещала помощь в сердечных делах и сборники итлийских баллад, которые сейчас входят в моду. Какой-нибудь одуревший от любви шалопай вполне мог отвезти «памятную вещицу» к водохранилищу в Меловые горы.

– И что с этой дамой стало теперь? – Профессор Стоукс отвернулась от окна и заглянула в глаза лорду Лайвернесу.

– Ничего особенного. После того как я подбросил ей пуговицу с «огненным смерчем», люди службы безопасности изъяли артефакт.

Сами устроить поджог они не могли – политическая неприкосновенность герцогини связывала их клятвой. А я – всего лишь гость дворца. Уронил пуговку. Мелочь. Пока устраняли последствия, герцогине негде было жить, так что пришлось ей срочно покинуть Бриванию. Первым же кораблем.

– Так она может... вернуться? – с легким опасением в голосе спросила Аманда.

– Если только тайно и под личиной, но мы будем готовы, – успокоил Грегори девушку, нежно целуя ее пальцы.

Он все еще не верил, что благодаря этой истории все же смог официально назвать Мэнди своей невестой и получить одобрение родственников. Особенно повлияла на ситуацию тетушка Альферия. Почтенная статс-дама заявила, что красивые и богатые в их семье уже есть, а вот умных не хватает. И пригласила Аманду заезжать по четвергам на чай.

Дома Килкени и леди Стоукс быстро починили, так что к моменту награждения обе невесты вернулись к себе, соблюдая приличия.

А на следующий день после вручения наград Кентавр буднично объявил, что в ближайшее воскресенье у них с Кэндис свадьба. Мужчины просто пожали товарищу руку, поздравляя, а вот Аманда и миссис Дженкинс, невольно присоединившаяся к их обществу, возмутились:

– Мы же не успеем приготовить подарок!

– Главное, не опаздывайте! – подмигнул Махоун, намекая на увлеченность профессора Стоукс своей обновленной лабораторией.

Право, Мэнди готова была там дnevать и ночевать, но миссис Дженкинс следовала приказам лорда Лайвернеса и выманивала подопечную на приемы пищи. Сам Грегори заезжал каждый день, чтобы покатать Аманду в парке или прогулять по широким аллеям ближайшего сквера. Казалось, мир и благоденствие охватили всех членов «Клуба джентльменов», но, как это обычно бывает, затишье было временным.

Скромную свадьбу решили отмечать в доме Кентавра, а заключать брак собирались в приходской церкви неподалеку. Махоун лично договорился со священником, заплатил положенный взнос и купил себе смокинг и белый галстук. Платье невесты было сшито у миссис Уиллоуби, той самой портнихи, которая одела мисс Стоукс на бал

дебютанток. Шедевр портновского мастерства нежно-розового цвета с отделкой из веточек флердоранжа превратил Кэндис в самую счастливую невесту на свете.

С утра матушка Доусон и ее младшая дочь украсили скамьи и подсвечники охапками цветущих веток и лентами. Аманда же сварила зелье, которое продлило жизнь цветам, и добавила им волшебного блеска, словно они были присыпаны пылью фей. Грегори, который как шафер всюду сопровождал Мэнди, подружку невесты, восхитился и задумчиво проговорил:

– Если ты применишь это зелье на нашей свадьбе, сорвешь большой куш.

Профессор Стоукс слегка покраснела. Ее до сих пор удивляли и немного пугали слова «наша свадьба», «помолвка» и все, что связано с предстоящим бракосочетанием. Почему-то те же самые слова о браке Кентавра и Кэндис не задевали, а только радовали.

Идти до церкви жених и невеста должны были пешком и отдельно, поэтому первыми из дома вышли Махоун, Аллиаль и Грегори. Мужчины должны были предупредить священника и ждать невесту у алтаря. Мисс Доусон, ее сестра, маменька, мисс Стоукс и Тайлер вышли из дома ровно через десять минут после жениха и его шаферов. Брат лорда Лайвернеса стал посаженным отцом невесты и заодно обеспечивал безопасность женщин в пути.

В церкви горели свечи, у порога топтался служка. Увидев невесту, он переменялся в лице, заметался, потом подскочил к ней, проводил в отдельную комнатку, чтобы поправить прическу и подождать несколько минут в тишине, а сам тут же убежал, удивив матушку Доусон и Мэнди.

– Милорд, милорд! – Мальчишка, семена, подобрался к алтарю и дернул Грегори за рукав.

– Что тебе? – Грег удивился перекошенному лицу служки.

– Невеста прибыла! – прошептал тот.

– Отлично! – Шафер поправил галстук.

– А жениха-то нет! – растерянным тоном напомнил мальчишка.

– Как – нет? – Лорд огляделся.

Ну конечно, Махоун заволновался и вышел через боковую дверь подышать свежим воздухом. Точнее, пожонглировать огненными шариками или просто помедитировать на лепесток огня на ладони.

Неужели маг так занервничал, что забыл о времени? Лорд Лайвернес шепнул Аллиалю:

– Я на минутку, за Кентавром, – и вышел в ту же боковую дверь.

Там он обнаружил... пустой дворик!

Крутанувшись по небольшому ухоженному пространству, Брегет скрипнул зубами и применил поисковичок, благо перчатки жениха остались у него. Магический светлячок сначала завис у входа в храм, потом поплыл в сторону ажурной металлической ограды, остановился на пятачке земли, выложенном черепками. Наверняка тут Кентавр и упражнялся, вон подпалины на керамике видны. Только куда же он делся потом? Поисковичок дернулся, поплыл к решетке, а потом очень быстро полетел к узкой калитке, явно собираясь покинуть территорию храма. Неужели бесстрашный огневик сбежал? Или...

Грегори не стал строить предположения. Он вернулся в храм, вызвал по личной связи Тайлера, предупредил Ала, подбросил службе монету и ринулся на помощь другу. Не важно, в чем сейчас нуждается Махоун, – в дружеском участии или в хорошей затрещине! Лорд Лайвернес не бросает друзей в беде!

День свадьбы запоминается не только невесте, но и жениху.

С утра вокруг Махоуна крутился деликатный и осмысленный вихрь – Грег прислал Тая помочь с костюмом и прической. Не то чтобы Кентавр был не в состоянии сам натянуть мундир с ленточкой отставки или провести гребнем по волосам, перед тем как стянуть их в хвост бархатной полоской. Просто в такой важный день у мужчины тоже должна быть поддержка. Друзья появятся перед выходом в храм, родственники Килкени слишком далеко, остается немногословный камердинер, умеющий вовремя подать рюмку бренди и деликатным хлопком сбить пламя с внезапно вспыхнувшей шляпы.

И все-таки жених нервничал. Кажется, все наладилось: дом покрасили, запах гари вытравили с помощью кофе и лимона, шпионку итлийскую сослали, но где-то в глубине души терзали Кентавра сомнения в окончательности победы. А своим предчувствиям капитан, выживший в битвах с нежитью, доверял. Однако все было тихо-мирно. И галстук завязался, и бутоньерка в петличку легла как родная, и медали красиво расположились на алом сукне. Глянув на себя в

зеркало, огневик остался доволен внешним видом и абсолютно недоволен предчувствиями.

Вскоре прибыли друзья, и за дружескими разговорами и подколками Кентавр позабыл свои тревоги. Небольшой храм располагался на этой же улице, за сквериком с раскидистыми липами. Мужчины быстро сделали все необходимое: внесли имена брачующихся в храмовую книгу, так чтобы осталось лишь поставить подписи, проверили наличие колец, брачных лент и общей чаши. Потом сунули медяк службе, чтобы сообщил о прибытии невесты, и позволили себе несколько минут тишины. Лорд Грегори подошел ближе к алтарю и, глядя на строгие лики светлых богов, вспоминал ушедших друзей. Ал отошел к возвышению для музыкантов, чтобы рассмотреть резьбу. А вот Килкени пришлось выйти во внутренний дворик – успокаивать нервы игрой в огненные мячики в храме было не принято.

Ровный эллипс у него получился через полминуты, и это тут же стало скучно. Вернув сферы в ладонь, огневик оглядел мощный дворик с пробивающейся травой, вдохнул свежий воздух и... увидел женщину в черном платье и в черной шляпке с густой вуалью. Для траура ее наряд был слишком дорогим и модным, к тому же она не скрывалась – приподняла вуаль, усмехнулась красивыми полными губами и... поманила его за собой! А он – пошел!

Это было ужасное ощущение – переставлять ноги, поддерживать тело вертикально, взмахивать руками, чтобы сохранить равновесие, сопротивляться до скрипа зубов и все равно идти! А графиня Кастильони стояла у низенькой калиточки и мило улыбалась:

– Идите-идите сюда, мой дорогой, прекрасной даме нужна помощь!

Уже дойдя до хлипких дощечек, огневик пытался воспротивиться потоку магии, вцепился в калитку и... оторвал ее одним движением. Отбросил и пошел дальше.

– Прекрасно! Просто прекрасно! – У шпионки пробился легкий итлийский акцент, и маг заметил, что ее зрачки неестественно расширены от напряжения, по виску стекает капля пота, а все ее улыбки и гримасы – лишь привычная маска.

Эти признаки слабости приободрили Махоуна. Он вдруг вспомнил, что на уроках магического искусства им рассказывали о

подобных заклинаниях. Они, конечно, запрещены, но их практикуют редкие выжившие ведьмы. Там что-то было про сопротивление и любовный туман. Маг напрягся, и в голове всплыла лекция: сухонький преподаватель бегаёт по кафедре и объясняет, что истинно влюбленного человека эти заклинания могут заморочить на короткое время. Или даже не заморочить, а опутать нитью, и эта магическая нить порвется очень быстро, если... Какое же там было условие?

Соображать надо было немедленно. Графиня Кастильони уже свернула куда-то во двор, а там разминали кулаки... знакомые рожи из заведения, в котором пела Кэндис!

– О! Махоун! Капитан! Здравяк! – раздались выкрики, и Кентавр понял, что это его шанс.

Он резко шагнул вперед, храня на лице глуповатую улыбочку, на доли секунды перестал сопротивляться и, когда невидимая нить рывком впечатала его в графиню, упал всем весом, стараясь сбить ведьму с ног. Получилось! Потеряв концентрацию, шпионка жалобно вскрикнула, магическая нить слетела и ударила по ней, как каучуковая резинка, которой обожают баловаться мальчишки. Килкени вскочил и парой фаеров напомнил бродягам, кто он такой.

К сожалению, итлийка четко знала, когда проигрывала, – она катнулась по земле, не жалея элегантного вдовьего наряда, метнула несколько комков ваты в сторону мужчин, и маленький грязный дворик окутал плотный, белый как молоко, туман. Когда он развеялся, у покосившегося забора стояли Грегори, Тай и Ал. Было понятно, что если они и видели графиню Кастильони, то поймать ее не успели.

– Капитан, – с дрожью в голосе сказал Тайлер, – невеста ждет вас в храме. Но ваша форма...

Оглядев себя, Махоун вздохнул:

– Зато она сразу увидит, что выходит замуж за сына фермера!

– Так нельзя! – за спиной мужчин раздался недовольный голос Аманды. – Посторонитесь! Я вообще-то для невесты захватила, но свежую грязь с сукна тоже уберет!

С этими словами профессор алхимии вынула из поясной сумочки флакончик, хорошенько встряхнула и облила весь мундир, а также штаны и сапоги жениха ядовито-желтой пеной.

– Ну, над цветом я еще поработаю... и над запахом тоже, – вздохнула она, сморщив носик, – но результат есть! А теперь бежим,

Кэндис готова заплакать, а удалять следы слез я еще не научилась!

И они побежали.

– Леди Стоукс, – впечатленный Тайлер семенил рядом с девушкой, которой помогал бежать Грегори, – срочно запатентуйте это средство! Тысячи дворецких и камердинеров будут вам несказанно благодарны!

– Так же, как костюмеры и актеры, – пыхтел позади Аллиаль.

– Господа, поспешим! Я запрещаю делать неприличные предложения моей невесте! Она непременно зарегистрирует патент, но с моей помощью! – чопорно перебил разговоры лорд Лайвернес, элегантно перебирая конечностями.

Кентавр бежал молча. Он стремился к своей невесте, и никто и ничто не могло его остановить!

Маг ругал себя на бегу – как он мог забыть, что нить еще и лишает жертву чувства времени и расстояния. Клятая шпионка утащила его слишком далеко! Хорошо, что друзья пришли на помощь, сам он после магической атаки способен был заблудиться в трех кустах.

А вот и храм. Запыхавшись, мужчины влетели через центральный вход и остановились.

Они успели! Матушка Доусон уже выходила из комнаты невесты с самым сердитым видом, но Кэндис все еще была тут. Мэнди моментально кинулась к ней, обняла, зашептала на ухо, увела обратно, пряча от взгляда Махоуна. Мисс Доусон-младшая смерила жениха и его друзей подозрительным взглядом, но тоже ушла вслед за сестрой. Тайлера оставили у двери – ждать невесту, охранять, вести ее к жениху, а сами со всех ног кинулись к алтарю, стараясь не замечать оплывших свеч.

Увидев, что гости уже давно крутятся на жестких лавках, Грег сунул служке золотой:

– Жених на месте, невеста выходит! Приготовь необходимое!

Тот одернул яркий стихарь, расшитый золотыми солнышками, моментально сменил свечи рядом с алтарем, взмахнул рукой, выдувая душный воздух в боковые двери, и запел негромким, проникновенным голосом молитву, восхваляющую Свет.

Молитву подхватили все – так уместно и безыскусно она звучала, и под это общее пение в зал вошла невеста. Невысокая, хрупкая, воздушная. Она шла к Кентавру, как дар небес, под восхваление

высших сил. Тайлер крепко держал Кэндис под руку, чтобы она не сорвалась с места и не побежала проверять, цел ли ее будущий муж и все ли с ним в порядке. Младшая мисс Доусон несла шлейф, леди Стоукс и матушка Доусон шли в свите невесты, утирая кружевными платочками набегающие слезы.

Дойдя до жениха, Тай с легким поклоном передал ему руку Кэндис и отошел в сторону. Кентавр шагнул ближе, коснулся короткого конца фаты и мягко спросил:

– Позволишь, моя Кэндис? Хочу видеть твою улыбку!

Взволнованно кусая губы, невеста кивнула. Ох как она тревожилась в той каморке! Как беспокоилась, услышав, что из храма сначала пропал жених, а потом и его друзья. Какие жесткие слова пришлось найти Аманде, чтобы унять всеобщую панику! Леди Стоукс деловито позвенела флаконами, накапала женщинам семьи Доусон успокоительного, а после сказала, что сходит проверит, куда все подевались.

– Уверена, они сейчас судорожно пытаются очистить мундир Килкени! – заявила она, вынимая из своей сумочки еще один флакон. – Я боялась, что ты можешь испачкать платье в дороге, вот и захватила с собой очищающее зелье. Подожди буквально пять минут, этому составу нужно слегка впитаться в ткань! – После этих слов Мэнди исчезла, а вернулась уже со всеми мужчинами, и было видно, что лишь мундир жениха отличается безупречной чистотой.

И все же Кэндис мучили сомнения. Ровно до того момента, пока кружевная преграда не взлетела вверх и она не заглянула в любимые глаза своего мужчины. В них было столько любви, нежности и тревоги... Этот огромный сильный мужчина, маг, офицер, боялся, что его отвергнет маленькая хрупкая девушка, державшая в своих ладонях его сердце. Чтобы успокоить Махоуна, Кэндис протянула к нему руки и чуть-чуть улыбнулась. Жених тотчас расцвел улыбкой, и они уже вдвоем повернулись к служителю, чтобы пройти церемонию.

Старший служитель заметил их переглядывания, одобрительно кивнул и воздел длани, призывая светлых богов. Затем коротким речитативом объявил, для чего все собрались, а потом уже мягче и спокойнее напомнил жениху и невесте, что в таинство брака люди вступают добровольно, с открытыми сердцами и чистой совестью.

– Если здесь есть кто-то, кто знает нечто, способное воспрепятствовать этому браку, пусть скажет сейчас или замолчит навсегда! – Такое объявление делали при любом бракосочетании, но Кэндис и Махоун вздрогнули, услышав за спиной хрип.

Один из гостей с ужасом в глазах держался за горло. Невеста видела его впервые, да и жених не узнавал. Впрочем, на свадьбу вполне могут зайти случайные люди, храм ведь открыт всегда.

Гости заволновались, но служитель был опытным, поэтому объявил:

– А тот, кто хотел солгать, пусть выйдет из храма и не заходит в него до заката!

Неизвестный тут же вылетел прочь, как пробка из бутылки игристого вина! Все с облегчением выдохнули и вернули внимание брачующимся. Только Грегори, Аллиаль и Аманда переглянулись. Похоже, графиня решила не покидать Бриванию и продолжает мстить «Клубу джентльменов».

Когда служитель объявил:

– Объявляю вас мужем и женой! – вся компания чуть не рухнула от облегчения.

Поцелуй прошел как в тумане. Молодые вышли в яркий полдень, сели в коляску и отбыли в свой дом. Гости неспешно дошли до милого ресторанчика, где их ждал традиционный свадебный обед с бокалом шампанского. А вот члены «Клуба джентльменов», выпив по бокалу и извинившись перед матушкой Доусон, отправились в клуб. Попытка увести Кентавра прямо со свадьбы – пустяк по сравнению с тем, что может сотворить графиня без постоянного присмотра королевской службы безопасности.

Глава 24

Через три дня после свадьбы Аллиаль дер Журбье сидел за столом в своей комнате и рассеянно смотрел в альбом с рисунками мундиров и париков, принятых в различных полках королевской гвардии. На самом деле актер не видел ни расцветки плюмажей, ни выпушек, ни эполетов. Он смотрел на записку, лежащую между страницами.

«Если вам интересно узнать, кем были ваши родители, приходите в полночь к памятнику адмиралу Гвельсу. Не берите своих друзей, некоторые тайны должны оставаться таковыми». Записку он обнаружил в книге, которую читал каждый день. Кто бы ее ни принес, он точно знал о главной мечте бывшего актера. Только откуда? Ал мог бы поручиться, что его друзья никому не открыли эту тайну.

Мучительные раздумья прервал стук в дверь. Вошла Аманда. Точнее, леди Стоукс. Она негромко поздоровалась, присела в кресло и вдруг сказала:

– Ал, у меня к тебе вопрос. Ты никому не рассказывал о моей коллекции ядов?

– Что?! – Актер практически подпрыгнул на месте.

С появлением маленькой лаборатории в клубе мужчины узнали, что Мэнди обладает не только обширной коллекцией ингредиентов и реактивов, но и полноценным «чемоданчиком отравителя». Так назывался особо прочный саквояж, укомплектованный пузырьками по методу профессора Клейма. С одной стороны к стенкам крепились стандартные яды, с другой – противоядия к ним. Флаконы имели особую маркировку и клеймо королевской алхимической службы. Такой чемоданчик, собственно, входил в экипировку любого придворного лекаря и вообще считался традиционным знаком хорошего алхимика, имеющего лицензию.

Леди Стоукс лицензию имела с третьего курса. А также разрешение на работу с ядами. В ее саквояже была еще одна секция – с ядами и противоядиями, разработанными ею лично. Девушка не патентовала их и вообще никому про них не рассказывала. Для нее яды были подобием рукоделия в часы тревог. Расстроил капризный куратор – иди в лабораторию, смешай новый яд. Болит голова – найди

противоядие к новенькой смеси с ароматом горького миндаля. Особенно успешно у Мэнди получались «короткие» яды – убивающие мгновенно и без мучений. А вот противоядия к ним требовались забористые, многоступенчатые, требующие долгой работы в лаборатории и подготовки. Получалось, что спастись от «короткого» яда ее изобретения мог только тот, кто имел под рукой ее «длинное» противоядие.

Свой уникальный арсенал девушка держала под рукой, словно стандартный чемоданчик алхимика. О секретной вкладке в саквояже Мэнди рассказала только троим друзьям, да и то лишь потому, что однажды поступило предложение отравить ту самую графиню чем-нибудь несмертельным, чтобы дамочка убралась из Бривании. Прочитав мужчинам лекцию о том, что яд прекрасно выдает своего создателя, Мэнди запретила им даже думать об отравлениях в качестве превентивных мер. Слишком хорошо она знала, как легко можно заиграться со смертью.

– Вспомните итлийский род Медиццо, – сказала она тогда друзьям, пряча склянки в саквояж.

Те переглянулись. Классическое образование Ритонской школы давало знания о многих знатных фамилиях, но Медиццо... Это были потрясающе жестокие правители крупной итлийской области, прославившиеся как отравители.

– Они охотно применяли яды, и от ядов и умерли в муках. Я практически не знакома с итлийской школой отравлений. Там другие травы, другие моллюски, другие схемы воздействия. Я могу не успеть приготовить противоядие к итлийскому яду.

На этом тема отравлений была закрыта. Члены «Клуба джентльменов» слишком хорошо знали уровень подготовки Аманды, чтобы пренебрегать таким серьезным предупреждением. А графиня не спешила внедрять традиционные приемы своей родины, зная, что именно яд может выдать ее быстрее, чем любое другое оружие.

– Сегодня мне прямо в лаборатории подкинули письмо с угрозами, – пояснила свой вопрос Аманда. – Точнее, не с угрозами, а с требованием передать мой саквояж незнакомцу в определенном месте, иначе о моих экспериментах с ядами станет известно широкой публике и королевской тайной службе. Ты сам понимаешь, чем это может грозить Грегу.

– Понимаю, – сдержанно кивнул Ал и признался: – А мне... предложили узнать, кем же были мои родители.

Аманда вздохнула, встала и по-матерински взъерошила волосы актера. Она и сама потеряла родителей, когда училась, но у нее остались светлые воспоминания детства, дальние родственники и доля тепла в сердце. Аллиаль же ничего о себе не знал и потому еще больше хотел выяснить, кто его предки.

– Тоже анонимное письмо под дверью? – уточнила алхимичка.

– Прямо в книге. – Актер показал записку.

Алхимичка сразу вынула из своей сумочки пинцет, подхватила бумагу за уголок и нахмурила брови:

– Ты позволишь исследовать и сравнить? – Вопрос был формальностью, но необходимой в данной ситуации.

– Конечно, – медленно кивнул дер Журбье. – Понимаю, что это ловушка, но как велико искушение...

– Грегори уже нашел стряпчего, работающего с Ирлингией. Тот привезет родовой альманах с портретами. – Аманда ловко уложила письмо на серебряный чайный поднос и подошла к двери. Там остановилась, обернулась и уточнила: – У каждого рода этой закрытой страны есть своя особенность. Они не пишут ее в книгах, которые вывозят за границу. Только для внутреннего пользования. Именно такую книгу скоро привезут сюда. Думаю, тогда ты узнаешь хотя бы имя матери.

– Матери? – растерялся Ал.

Девушка неприлично фыркнула:

– Ты же учился в Ритоне! У жителей Ирлингии родовые признаки матери наследуются мальчиками, а отца – девочками. Особенности магии. Ну а найдешь мать – может быть, и об отце что-нибудь узнаешь.

Обнадежив расстроенного актера, девушка поспешила в лабораторию клуба, радуясь тому, что Грегори настоял на ее обустройстве. В квадратной комнате без окон, но с лабораторным столом и вытяжкой, было все необходимое алхимику, желающему знать, откуда в доме появилось письмо. Мэнди не спешила. Приготовила реактивы, разложила их в порядке применения, а потом уложила на стол и свое письмо.

Сначала оба листа бумаги были обработаны простым графитовым порошком. Мельчайшие крупинки, нанесенные мягкой кистью,

отлично проявили следы рук, жирных пятен и остаточной магии. Девушка сравнила следы и сделала пометки в рабочей тетради. Конечно, на обоих листах были отпечатки получателей письма, но вот этот изящный завиток – отпечаток руки того, кто писал письмо. Человек был в перчатках, и обычный графит этот след не проявил бы. Но Аманде еще со времен Ритона приходилось не раз доказывать, что ее записи кто-то трогал, поэтому в графитную крошку была подмешана грибная пыль, реагирующая на остаточное тепло выше тридцати градусов. Даже в перчатке человеческая рука теплее воздуха, вот эти самые споры и собрались на месте отпечатка.

Следующий этап – обработка реактивом, вступающим в контакт с магией. Тут самым трудным было равномерное нанесение жидкости. Помог флакончик с пульверизатором, когда-то с боем отнятый у Аллиаля. Актер, ставший гримером, наливал в него смесь из сахарной воды и вишневого клея, которой закреплял прически.

Теперь брызгалка послужила алхимику, выделяя на листах крохи магии, добавленные в чернила, и невидимые руны, начерченные мылом или белым воском. Похоже, автор этих писем не надеялся на простые уговоры и впледел в бумагу и чернила магию подчинения. Презрительно фыркнув, Аманда задокументировала данные и приступила к третьему, самому сложному этапу – к маленькой женской мести!

По следам магии на письмах отправилось очень нехорошее мелкое проклятие. Очень-очень женское. Заговор, вызывающий прыщи! Потирая руки в тонких перчатках, леди Стоукс выполнила все необходимое и некоторое время любовалась отвратительными розовыми пятнами, вспухающими на бумаге, как на коже. Потом она развеяла заклинание и присыпала письма крупной солью.

После всех алхимических манипуляций бумагу следовало сжечь в особой горелке, чтобы удалить негативные эманации и передать автору письма пламенный привет от сердитой алхимички. За себя леди Стоукс мстить не спешила, угрозы ей и раньше приходили, и не только по почте, но за Ала обиделась. Графиня ударила актера по больному месту, вызвав грустные воспоминания, и эта боль требовала утешения парочкой неприятных сюрпризов. Но зачем спешить? Алхимики умеют ждать.

Жечь письма сразу девушка благоразумно не стала. Вдруг Грегори потребуются доказательства преступлений графини? Поэтому Мэнди лишь приготовила все необходимое, накрыла письма защитным куполом, стянула перчатки, в которых работала, и вышла из лаборатории. Нужно было предупредить лорда Лайвернеса о новом выпаде графини Кастильони.

Не затягивая, леди Стоукс вышла из клуба, махнула рукой кебмену и поехала в особняк герцога Ратлендского. Ее там принимали, хотя и сдержанно. Впрочем, ей не было нужды беспокоить герцогиню или наследника титула, поэтому Аманда надеялась управиться быстро.

Дворецкий встретил ее с легкой растерянностью:

– Миледи, лорд Лайвернес уехал...

– Когда? Куда? – Девушка тоже растерялась.

До свадьбы оставалось около месяца, так что их визитная карта была расписана по дням и часам. Плюс внезапные визиты родственников и посещение магазинов. Мэнди потому и приехала так уверенно, что сегодня они должны были пить чай и гулять в парке, знакомясь с представителями высшей знати Бривании.

– Около трех часов назад милорду принесли письмо. Посыльный не стал ждать ответа, а лорд Грегори быстро собрался и ушел вместе с мистером Тайлером, прихватив пистолеты.

– Пистолеты? – Аманда решительно сжала сумочку. – Прошу вас, вызовите мне экипаж. Я срочно еду навестить миссис Килкени!

– Одну минуту, миледи! Если позволите, я попрошу мисс Скоби сопровождать вас!

Леди Стоукс не стала спорить. Она действительно примчалась в особняк, забыв о миссис Дженкинс, а это было нехорошо, с точки зрения общественности. Через пять минут стараниями дворецкого будущая леди Лайвернес была усажена в экипаж рядом со служанкой.

В ноги девушкам поставили корзинку для пикника, накрытую свернутым пледом, а кучеру приказали сопровождать леди до дверей и вообще присматривать. Дворецкий отдавал приказы шепотом, чтобы не смущать невесту лорда Лайвернеса, но Аманда была рада такой заботе. Она еще не забыла собственное существование в кампусе академии, страх перед любым грубияном и панику от угроз.

Экипаж герцога Ратлендского быстро доставил леди Стоукс к дому четы Килкени. Если Кэндис и удивилась внезапному визиту

невесты Грегори, то ничем это не показала.

– Махоун? Он уехал несколько часов назад. Поцеловал меня, как обычно, сказал – дела клуба, – сразу отчиталась миссис Килкени, услышав о поисках лорда Лайвернеса.

– А письмо ему не приносили? – нахмурила брови Аманда.

– Был посыльный, – подтвердила девушка. – Не знаю, что именно он принес, в руках была только папка со списком заказов. Можно поискать в кабинете... – предложила Кэндис, поняв по выражению лица Мэнди, что дело серьезное.

Она быстро пересекла гостиную, вышла в коридор и распахнула еще одну дверь. Леди Стоукс услышала вскрик и поспешила за хозяйкой дома. В центре письменного стола красовалось обугленное пятно! Полировка не пострадала, но бумаги вокруг потемнели.

– Что это?! – После поджога Кэндис фанатично проверяла все каминные, тушила лампы и свечи и даже убедила супруга постепенно перейти на более безопасное магоосвещение.

– Минутку!

Мэнди стянула с рук тонкие шелковые перчатки и натянула кожаные, взятые из сумочки. Оттуда же достала пинцет, пробирку и малый набор алхимика – небольшой кошелек с бумажными пакетиками и парой склянок. Выдернув перо из письменного прибора, девушка смела немного пепла в пробирку, долила водой из графина, сыпанула чуть-чуть белых кристаллов из пакетика и криво улыбнулась, когда жидкость окрасилась в густой фиолетовый цвет.

– Бумага письма была пропитана особым составом, уничтожающим следы. Подобные письма получили все члены клуба. Мне назначили встречу в Гайд-парке, Алу – возле памятника адмиралу Гвельсу. Куда могли отправить Грегори и Махоуна?

Кэндис подошла к карте города, висящей на стене, и ткнула пальцем в алую булавку:

– Утром этого значка не было. Мой муж военный, он привык делать отметки на карте.

Аманда приблизилась, изучила переплетение улиц и предложила снять карту:

– Я совсем не знаю этот район, но со мной кучер Ратлендов и служанка. Можем попробовать поискать, только...

– У меня есть пара черных плащей и вуали, правда, старые, – чуть смутилась Кэндис и пояснила: – Одно время я одевалась как почтенная вдова, когда пела в баре. Если подвязать под юбки пару подушек и натянуть чепец, мужчины не особенно интересовались.

– Так даже лучше будет, – признала Аманда. – Не хочу, чтобы меня кто-нибудь узнал!

Тянуть время смысла не было. Каждая минута на счету. Девушки спешно закутались в плащи и траурные вуали, оставили записку матушке Доусон и вышли к подъезду. Экипаж все еще ждал. Мэнди показала кучеру карту, от которой он отмахнулся, попросив лишь название улицы и дом.

Квартал оказался довольно странным. Внешне тихим, но все окна были закрыты, не видно людей и даже бродячих собак!

– Жутковатое место! – Кэндис поежилась и поправила пояс с метательными ножами.

Аманда в свою очередь приготовила рабочий саквояж – средний набор реактивов, который она брала с собой в клуб. В случае атаки в нем найдутся зелья для метания.

Карета проехал вглубь квартала и остановилась у большого склада.

– Миледи, приехали! – Кучер спрыгнул с облучка и заглянул в карету. – Вот она, улица Складская, дом пять.

Аманда настороженно рассматривала здание. Высокое, старое, но крепкое. Окна закрыты ставнями, двери прикрыты, но тяжелая железная петля лежит в стороне. Подозрительных звуков не слышно, но вдруг на здании магические подавители? Вот когда девушка пожалела, что ее способности к магии ограничены алхимией. Даже магические потоки без специальных очков рассмотреть ей сложно.

– Попробуем зайти, – решила она наконец. – Если мы ошиблись, извинимся.

Кэндис серьезно кивнула и отбросила вуаль, чтобы густая черная сетка не мешала видеть. Кучер помог девушкам спуститься на землю, поднялся на низкое крыльцо и легко, беззвучно распахнул тяжелую с виду дверь. Похоже, кто-то следил за этим складом – смазывал петли, питал амулеты. Мужчина заглянул внутрь, сказал:

– Пусто тут, миледи... – сделал шаг и пропал.

Девушки переглянулись. Аманда вынула из саквояжа пяток пузырьков, два пакетика и протянула Кэндис:

– Бери половину. В пакетах – светошумовая смесь, в пузырьках – кислота.

В ответ миссис Килкени благодарно кивнула и протянула два ножа:

– Эти летят со звуком, сможешь понять, куда попала.

Обменявшись оружием, девушки коротко обсудили план действий и приступили к исполнению. Вначале в дверь влетел светошумовой пакет. Вместо ожидаемого шума и грома смесь зашипела, фукнула вонючим дымом и погасла. Аманда озадаченно взглянула на рассыпанную смесь.

– Антимагический полог, похоже, – вздохнула Кэндис, потом огляделась, подобрала пару крупных камешков и метнула в проем. Камни беззвучно исчезли. – Пойдем внутрь сами или вызовем полицию?

– И что мы предъявим? Установку полога на складе?

– Пропажу кучера?

– Потеряем время. Я, к сожалению, не самый сильный маг, но... – Закусив губу, Мэнди полезла в свой саквояж и вынула пакетик с блестками. – Металлические стружки иногда нужны для ускорения или подтверждения реакций. А еще их можно настроить на магнитно-резонансное поле... У тебя есть вещь Кентавра?

Покопавшись в сумочке, Кэндис отыскала маленький гребешок:

– Вот, я им утром прическу мужу поправляла.

– Отлично. А у меня есть платок, Грегори однажды одолжил и не забрал.

Бормоча себе под нос, Аманда сыпнула по щепотке блесков на предметы, потом поводила вокруг пакетика рукой, шепча заклинание, а после метнула блестки в открытую дверь. На полу тотчас проступили две пары следов – от широких военных ботинок Кентавра и от узких визитных туфель лорда Грегори.

– Они здесь! – хором выдохнули девушки.

Глава 25

Письмо с вычурной виньеткой вместо подписи принес посыльный. Грегори хватило одного взгляда, чтобы узнать почерк. Черная Мамба в изысканных и вычурных выражениях сообщала, что желает вести переговоры, и приглашала «лорда Брегета» на тихую Складскую улицу к пятичасовому чаю. Никаких объяснений, предупреждений или гарантий – только информация.

Не ехать? Графиня найдет другую возможность поймать его. Лучше навестить змею в ее логове, но хорошо подготовиться к визиту.

С такими мыслями лорд Лайвернес прихватил оружие, кое-что из шпионского арсенала и верного Тайлера. Если поторопится, он успеет приехать к назначенному месту заранее, изучит все подходы, накинёт легкую магическую сеть и попытается переиграть итлийку.

Первая часть авантюры удалась вполне. Они с Тайлером отыскивали нужную улицу, полюбовались запертыми складами, заброшенными телегами, заросшими газонами и поняли, что в этой тишине и пустоте они как на ладони. Однако развернуться и уехать сыну герцога не позволяла родовая честь. Оставив коляску в проулке, братья разделились. Грегори отправился «в лоб» – просто подошел и стукнул наверху трости в тяжелые складские ворота. А Тай обогнул здание, чтобы проникнуть внутрь через черный ход или через лоток для товаров.

На стук дверь плавно отворилась, и Грегори, приготовив парочку сюрпризов, шагнул в полумрак. В единственном круге света – из люка на потолке, стояла графиня в своем любимом траурном платье с густой вуалью.

– Милорд Лайвернес, – насмешливо проговорила она, бравируя тягучим итлийским акцентом, – рада, что вы заглянули ко мне. Простите, что принимаю без должного пиетета, слишком много моих планов вы поломали. – Шпионка развела руками, затянутыми в безупречные черные перчатки.

– Графиня, не могу сказать, что рад встрече, – слегка поклонился Грегори.

Болтая любезности, он пытался разглядеть хоть что-нибудь за пределами круга света и не мог.

– Вы так поспешно покинули Бриванию. Я полагал, что вы уже наслаждаетесь утренним кофе в итлийских виноградниках...

– Вашими усилиями солнце итлийских виноградников мне больше не светит, – резко прервала его Мамба, и в ее голосе прорезалась настоящая горечь. – Впрочем, – в интонацию благородной доньи вкралась тягучесть и томность кошки, – если я сумею кое-что проверить, то, возможно, смогу наслаждаться виноградниками Рейна. – Улыбка графини стала настолько ядовитой и торжествующей, что Брегет дернулся, но было поздно.

– Наведенная тьма, – шепнул он непослушными губами, когда на него с потолка рухнул поток густой жидкости, похожей на расплавленную карамель.

Грегори все же среагировал – прикрыл лицо и руки плащом, но потерял секунды, не заметив, что ноги увязли в студенистой массе до колен.

– Ну вот, наконец мне удалось подловить самого Брегета! – с ласковой акульей усмешкой проговорила графиня Кастильони и щелкнула пальцами, снимая заклинание, создающее впечатление пустого темного помещения вокруг.

В трех метрах от Грегори обнаружился Тайлер. Единокровный брат стоял в таком же потоке «карамели», прикрывая лицо рукавом. Грегори тайком перевел дух. Тай жив, значит, они выберутся. Что это за «карамель», он не знал, но вещество, способное удержать на месте крепкого молодого мужчину, явно было магического происхождения.

– А теперь, господа, мне пора! – Графиня присела в издевательском книксене и аккуратно поправила траурную вуаль на роскошной шляпе. – Меня и этого малыша заждались на площади Соли. Кажется, именно там сегодня его величество будет делить хлеб?

Лорд Лайвернес вскинул голову, отбрасывая в сторону липкие нити «карамели», а они, слегка растянувшись, вернулись, еще сильнее облепив его руки и торс.

Голова опытного шпиона заработала с удвоенной силой. Следуя давней традиции, раз в год король сам раздавал хлеб на площади Соли в день Святой Инессы. Там всегда достаточно охраны, и всех желающих получить хлебную долю проверяют на входе. Поскольку

ломоть хлеба из рук короля считается амулетом удачи, помощью в добывании пропитания и вообще особым благословением, то на площади среди побирушек и нищих нередко можно увидеть торговцев, ремесленников, погорельцев и вдов.

Что в этой толпе собралась делать итлийская шпионка? Украсть корзину с хлебом? Больше у нее ничего не получится – его величество не пренебрегает собственной безопасностью.

Между тем дама, продолжая улыбаться, поманила пальцем, и из угла вышел... Рыцарь в глухом доспехе? Да такие не используют уже лет двести! Эти железки все равно бесполезны против огнестрельного оружия или наведенного пульсара!

Лайвернес уже собирался хмыкнуть и раскритиковать графиню, но тут у рыцаря засветились глаза, и от неожиданности благородный лорд выругался.

– Мне удалось вас удивить, черствый бриванский аристократ? – продолжала насмешничать графиня.

– Магическую игрушку сразу вычислит охрана его величества, – выдавил Грегори, очень надеясь, что его слова станут правдой.

– А это не магическая игрушка! – Графине явно хотелось покрасоваться перед тем, кто понимает. – Это роботикус металликус, творение одного из тех несчастных, которых ваш король не пустил на порог с его изобретением.

– А вы подобрали? – поддел лорд Лайвернес, рассматривая рыцаря. Двигался он и правда странно, при этом что-то очень сильно сыну герцога напоминал.

– Подобрала, – довольно промурлыкала Кастильони, похлопывая доспехи по металлической руке. – Пригрела, прикормила. Даже денег подбросила. Эти изобретатели всегда такие голодные... – Дама с намеком провела по пышной груди, прикрытой черной тканью. – И теперь у меня есть отличный способ напомнить вашему зарвавшемуся величеству, что Итилия не терпит нарушения договоров!

– Все терпят, – хмыкнул Грегори, стараясь сдержать дрожь.

Он понял, что именно напоминает ему странный рыцарь, – старинные фигуры в доспехах, стоящие на страже собора, возле которого король будет раздавать милостыню. Таких или почти таких там больше пяти десятков. Одним больше, одним меньше – никто не заметит. Эти доспехи достаточно примелькались всем жителям города.

Графиня не стала отвечать – вымолвила несколько резких слов на итлийском, и за рыцарем пришли два звероватых мужика в темной одежде. Они вынесли «статую» со склада и, судя по отдельным словам, которые различил Грегори, и звукам, погрузили доспехи на телегу. Последней уходила графиня.

– Я оставляю вас, господа, – насмешливо сказала она. – А чтобы вы не заскучали, у вас будет прелестная компания! Клодетт! – позвала она, и в самом дальнем темном углу что-то зашуршало. – И ма-а-аленький сюрприз, милорд. Вас никто не услышит и не придет на помощь. Отважная невеста явится, чтобы собрать ваши кости, а может, и свои косточки сложит рядом. Клодетт проголодалась!

С этими словами графиня повесила полог тишины и хлопнула дверью склада, не потрудившись даже запереть ее на замок.

Грегори, до сих пор старательно прячущий под плащом одну руку, сумел вытащить ладонь и оглядеться. После исчезновения заклинания темноты люк в потолке неплохо осветил центр склада, где они с Таем вляпались в ловушку, но углы все еще оставались в тени, и шорох оттуда раздавался весьма подозрительный. Не выдержав, лорд Лайвернес зажег маленький магический шар, жалея, что тут нет Кентавра. Тот умел делать пламя безопасным даже в пыльном старом деревянном сарае.

Поведя рукой, Грегори негромко вскрикнул. Эхом ему отозвался Тай. Махоун тоже был здесь. Лежал, полностью спеленатый карамельной массой, а над ним, покачиваясь, стояла гигантская паучиха!

– Светлые боги! Откуда взялась эта тварь? – сдавленно прошептал Тайлер.

– Я слышал, что такие чудовища получают из обыкновенных крупных насекомых, раскормленных магией, – шепотом ответил Грег, пытаясь вспомнить все, что он знал о пауках.

К сожалению, в голове болтались лишь сведения о невероятной прочности их паутины да о том, что самки пауков съедают самцов после спаривания. Между тем Тайлер начал кричать и махать руками.

– Что ты делаешь? – спросил его Грег.

– Отвлекаю паучиху от Кентавра. Если она в него плюнет, то начнет переваривать – не спасем! – коротко ответил друг.

Грегори понял, что время терять нельзя, и принялся прилагать усилия, чтобы выбраться из «карамели». Он потел, у него трещали кости, хрустел металл кинжала, но все было напрасно. Тогда он решился и применил к путам магию. Они радостно сожрали светлячка и стали еще крепче.

Между тем паучиха повелась на трепыхания Тая и направилась к нему, постукивая всеми восемью лапами. Тот замер, боясь даже дышать, тогда руками замахал Грег. Чудище переместилось к нему, и он от души метнул в нее молнию – все, на что хватало его скромного дара. Паучиха притормозила, а потом еще быстрее двинулась к лорду.

– Грегори! – воскликнул Тайлер, пытаюсь снова привлечь к себе скорую смерть.

И тут сквозь полог пролетел какой-то пакет и рванул, ослепляя и оглушая всех присутствующих...

Очнулся Грегори в экипаже. Его голова лежала на чем-то мягком и упругом, воспаленные глаза скрывал компресс, тонко пахнущий ромашкой, а рядом раздавались голоса. Он прислушался, и сердце счастливо трепыхнулось. Кентавр! И Кэндис! Молодая жена ворчливо высказывала супругу свое недовольство, а тот радостно млел в ее руках и ничуть не сердился. А Тай? Грегори попытался поднять голову, но был решительно уложен обратно:

– Лежите, милорд, если не хотите стать слепым котенком на несколько дней!

– Аманда! – радостно узнал девушку Грег, сообразив, что лежит головой на ее коленях. – Что произошло? Как вы нас нашли?

– Мы с Аллиалем получили письма, – ровно ответила Мэнди и ловко перевернула компресс прохладной стороной на воспаленную кожу. – В поисках подмоги приехала к миссис Килкени, а она нашла пометку на карте и пепел от письма, которое получил Кентавр. Мы поехали по адресу и обнаружили вас.

– А... паук? – неуверенно спросил лорд. Он точно знал, что раскормленное магией чудовище нельзя победить магией. Да и не было у Мэнди и Кэндис таких сил. Но раз они не на складе и явно спокойны, значит, как-то справились с паучихой! Но как?

– Я прихватила кое-что из своих алхимических запасов. – По голосу было слышно, как смутилась леди профессор. – Даже

магически измененная кожа паука не справилась с медным купоросом и известью.

– Мы же были в магической ловушке! – продолжал удивляться Грег. – Я не сумел отколоть кусок этой странной «карамели» даже кинжалом.

– Это была паутина, растворенная в слюне, – объяснила Аманда. – Мы полили ее кислотой и загасили натрием двууглекислым, немножко обожгли Тайлеру ноги, его брюки оказались слишком тонкими, но паутину расплавили. Сожалею, что вы пострадали от шумосветового взрыва. Мы опасались заходить внутрь без подготовки.

– Все к лучшему, леди Стоукс, – донесся слабый голос Тайлера. – Паучиха уже собиралась откусить милорду голову, времени на промедление не было.

– Куда мы едем сейчас? – вдруг спохватился Грег. Он вспомнил про странные доспехи и площадь Соли.

– В мой дом, – ответила Мэнди. – Вам всем нужна помощь лекаря и зелья.

– Король в опасности! – дернулся лорд Лайвернес, прикидывая, хватит ли ему времени изменить маршрут.

– Успокойся, Грегори. – Девушка решительно перевернула компресс еще раз, заставив жениха поморщиться от яркого солнечного света. – Мы уже отправили предупреждение охране его величества, они примут меры.

– Как вы это сделали? – удивился лорд.

Аманда явно растерялась, но тут в разговор вмешался Кентавр:

– Да наши дамы просто кучера своего поймали и над бляхой его поколдовали. Стражники сразу примчались, думая, что произошло убийство. А уж с ними передали информацию. Ты долго в отключке был. Нас отпустили только потому, что Тай вспомнил про твой допуск во дворец и назвал титул.

Лорд Лайвернес скривился.

– Это еще что, – хмыкнув, добавил Махоун. – Наши дамы еще и вытянули нас из того сарая. Идти мы не могли, а кучер – простой человек, после того, что он там увидел, боялся зайти.

– Пустяки, – отмахнулась Кэндис. – Мы просто перекатили вас на полог из экипажа и кинули кучеру конец, он вас и вытягивал.

Грегори поморщился. «Просто» перекатили такого здоровяка, как Килкени? Да и он сам без сознания не пушинка!

– Не усугубляйте наше положение, дамы, – вмешался в разговор Тай. – Лично мне невероятно стыдно, что я мог помочь только советом.

Лорд и маг дружно его поддержали.

Глава 26

Его величество не пострадал. Переданное через городскую стражу сообщение подоспело вовремя. Охрана просто не подпустила короля к колоннаде рыцарей, а маги поставили невидимую защитную сеть, предотвратившую «случайное» падение доспехов от мощного толчка роботикуса механикуса. Графиню на площади никто не видел, но было понятно, что внезапно сбрендившими статуями кто-то управлял, ведь рыцарь размахивал тяжелым двуручным мечом и рвался к его величеству, распугивая нищих и зевак.

Последствия приключения на складе пришлось лечить почти неделю. Несмотря на примочки и лечебные мази, получивший ожог Гергори ходил краснолицым, точно индеец, Тайлер носил подобие шотландского килта вместо брюк, чтобы не потревожить ожоги на ногах. А Кентавр, оглушенный сильным ударом по голове, лежал в постели, плотно задернув шторы, и пил мерзкие зелья, чтобы не потерять свою магию.

Через декаду главу «Клуба джентльменов» снова пригласили во дворец. Так же без церемоний, подстригая розы, его величество вручил лорду Лайвернесу орден и чек.

– Вашим людям выдайте награду сами, – сказал он. – И право, лорд Грегори, я ни минуты не жалею, что выслушал вас и позволил продолжить службу, пусть и в таком необычном варианте.

– Служу Бривании! – с поклоном отозвался Грегори и был отпущен.

А между тем время шло. Приближался день свадьбы леди Стоукс и лорда Лайвернеса. После спасения сына из жвал магически измененной паучихи леди Виола оттаяла и активно посвящала будущую невестку в секреты светской жизни. Аманде пришлось запереть лабораторию, потому что все вечера она в компании жениха и будущей свекрови проводила в театре, на приемах и маленьких танцевальных вечерах, а утром отсыпалась после напряженного веселья.

Ей также пришлось обзавестись камеристкой. Причем леди Виола устроила для кандидаток настоящий конкурс – проверила, как девушки умеют укладывать волосы, отпаривать оборки и деликатно штопать. А уж из прошедших строжайший отбор четырех женщин предложила сделать выбор будущей невестке.

Мэнди прекрасно понимала, что сама она профессиональную камеристку не найдет. Даже если обратится в агентство, одинокой, не особо знатной девице предложат «что осталось». Однако было ясно, что прислуга, нанятая, по сути, герцогиней Ратлендской, будет служить этой самой герцогине. Обдумав ситуацию, леди Стоукс подошла к ней как настоящий профессор. Сейчас ей нужна камеристка. Ежедневные балы, выезды и вечера требуют внимания к гардеробу и внешнему виду. Постоянно «одалживать» камеристку герцогини – моветон. А вот когда завершится вся эта суэта, тогда можно будет решить, нужна ли ей под боком постоянная шпионка свекрови или нет. С такими мыслями Аманда выбрала из четырех кандидаток ту, что меньше дергала за волосы, делая прическу, и предоставила ей свой гардероб и туалетный столик.

Мэнди мало волновали светские сплетни, ее гораздо больше беспокоил Аллиаль. Актер уверился, что письмо было ловушкой, и ждал родовой альманах из Ирлингии. Ждал с терпением брошенного щенка или маленького ребенка, которому сказали, что родители вот-вот приедут. Он не истерил, не пил, просто сидел в глубоком кресле напротив входа в клуб и ждал. Всем существом ждал. Леди Стоукс даже заподозрила, что друг не ест. Отложив поездку за шляпками, она приказала слугам подать плотный обед, села за стол и проследила, чтобы Ал поел горячего и выпил чая с валерианой. А когда его все же сморил сон, она лично укутала его в плед и разложила на соседнем кресле чистую рубашку, приказав лакеям искупать и переодеть актера сразу, как только он проснется.

– Едва глаза откроет, сразу ведите его в ванну! Будет упрячиться – несите бадью сюда! – строго сказала она, оставляя в карманах дюжих молодых мужчин полновесные золотые монеты.

Это был еще один знак ее будущего замужества. Едва на ее счет упали деньги, выплаченные за изобретения, как она уяснила, что некоторую часть ее обычных трудностей отлично решают монеты. Вовремя сунутый в кармашек горничной шиллинг – и вот уже ее манто

приносят в первую очередь. Монета лакею – и экипаж прибывает с невиданной прежде скоростью. Поначалу такие перемены напрягали Аманду, но миссис Дженкинс, ее постоянная тень, уловила тревогу подопечной, охотно выслушала и улыбнулась:

– Поверьте, леди Стоукс, трудности никуда не денутся. Они просто примут другие формы. Деньги значительно облегчают жизнь, но их наличие обычно означает необходимость другого труда. Морального, духовного, душевного.

Аманда кивнула, соглашаясь. Действительно, занимаясь перепиской бумаг ради куска хлеба, она не думала о королевской семье и о шпионах. Ее мало волновали прения в парламенте, а вот теперь... Она видит, как напряжены мужчины, обсуждая очередной законопроект. Грегори хмурится и нервно играет пальцами, его отец и брат ведут длительные дискуссии даже за чайным столом, а леди Виола ловко заводит речь о подкупах среди лобби, когда ей хочется, чтобы мужчины ушли в курительную комнату. Мэнди невольно пришлось собрать информацию о последних политических веяниях, научиться различать партии и делать невозмутимое лицо, когда ее спрашивали, поддерживает ли она аргументы в последней речи будущего свекра.

Миссис Дженкинс налила чашку чая, предложила леди Стоукс и продолжила:

– Поденщица работает физически ради еды и крыши над головой. Однако вечером она приходит в свою каморку, обнимает мужа и детей и падает в постель, чтобы уснуть без снов. В это же самое время благородная дама, в доме которой она драила полы, бродит по комнатам, решая, скажем, вопрос о замужестве дочери или об учебе сына. И ее труд ничуть не легче, хотя она и не возит по полу мокрой тряпкой. Просто осознание того, что от ее решения зависит будущее семьи, давит не хуже вязанки хвороста.

– Я поняла, спасибо, – улыбнулась девушка. – Деньги не решают всех вопросов, но неплохо избавляют от мелких бытовых забот.

– Именно! – просияла вдова. – О, кажется, ваш жених прибыл за вами!

Аманда еще раз поблагодарила компаньонку и поспешила встретить Грега. Им предстоял длинный бурный вечер в компании его

родственников, но до того, как их поглотит толпа любопытных, Мэнди хотела обсудить ситуацию с Аллиалем.

– Милорд, нам нужно поговорить, – шепотом сказала она, когда он привычно вежливо целовал ей руку. – Если можно, сегодня!

– Кафе? – предложил он, понимая, что разговор будет приватным. – Только умоляю, Аманда, скажи, что ты не собираешься разрывать нашу помолвку!

– Что ты, Грегори!.. – растерялась девушка. Потом качнула головой: – Меня всего лишь беспокоит Аллиаль.

На лице строгого и элегантного лорда тотчас появилось облегчение:

– Тогда позволь помочь тебе надеть мантию. В кафе на площади Фей есть отличная кондитерская. Там можно выпить чашку чая с пирожными перед визитом к дядюшке Томбсу.

Они молча вышли из особняка, сели в экипаж, доехали до площади Фей. Там, почти в центре, словно кукольный домик, возвышалась кондитерская. Вся белая, кружевная, сияющая огоньками витрин. Пара села за столик, официант в длинном белом переднике принял заказ: две чашки чая с мятой, пирожные шу и нежный шоколадный крем.

Пока готовился заказ, Грегори и Аманда просто сидели рядом, глядя друг на друга. Не так уж много у помолвленных минут, которые они могут провести вместе, особенно если до свадьбы осталось всего десять дней. Когда почти неслышно появился официант и ловко сервировал стол, Грег позволил себе улыбнуться:

– Так о чем ты хотела поговорить?

– Аллиаль ждет родовой альманах, – виновато вздохнула девушка. – Когда он получил письмо от графини, я видела, что он был готов сорваться на эту встречу, поэтому слегка предвосхитила твой сюрприз. Теперь он сидит напротив двери в клуб и ждет. Как я когда-то ждала маму с работы, как щенки ждут хозяев. Кажется, он не ест, не пьет, забывает мыться. Это похоже на одержимость, и я боюсь, что он... разочаруется.

Грегори нахмурился и потер аккуратно выбритый подбородок:

– Я уверен, что Ал не разочаруется. Во всяком случае, он имеет столько характерных признаков одного старинного рода, что тут

проблем нет. Книга мне нужна была для официального подтверждения родства. Но если все так плохо...

– Мне пришлось почти насильно кормить его, – подтвердила ситуацию Мэнди. – И заплатить лакеям, чтобы его вымыли.

– Тогда я воспользуюсь своими связями и свожу его завтра в королевскую библиотеку. Там есть постоянно обновляемый экземпляр альманаха, поскольку его величеству необходимо знать всех высших аристократов в лицо.

Аманда улыбнулась. Она не сомневалась, что Грегори найдет возможность вывести Аллиала из его странного состояния. И была просто уверена, что лорд Лайвернес сделает все, что в его силах. Даже потратит королевское дозволение на вход во дворец.

После принятия решения они с удовольствием выпили чай, болтая о пустяках, съели пирожные и отправились на музыкальный вечер к лорду Тадеушу Томбсу, графу Арчеру. Под тонкое пение скрипок и шелест струн арфы жених и невеста знакомились с дальними родственниками, принимали поздравления с помолвкой и выслушивали длинные спичи о важности семейной жизни и о рождении наследников. Особенно длинные и прочувствованные речи получались у самого графа – записного холостяка сорока восьми лет, и у его кузины – старой девы лет пятидесяти.

Поскольку музыкальный вечер давался в их честь, пришлось задержаться практически до двух часов ночи. Сначала дядюшка утащил Грегори в библиотеку пропустить по стаканчику, потом тетушка мучила Аманду рассказами о том, как нужно заботиться о своем здоровье. В итоге к особняку леди Стоукс жених и невеста ехали в полном молчании, наслаждаясь ночной тишиной и прохладой.

А утром лорд Лайвернес отправился в клуб.

Аллиаль действительно сидел в кресле напротив входа. Он был одет в чистую рубашку, брюки и стеганный халат. Лакеи вытирали лужу воды на полу и собирали бритвенные принадлежности. Грегори весело поздоровался и отметил:

– Ты похудел и побледнел, друг мой. Давай позавтракаем, и я поделюсь с тобой хорошими новостями.

Актер не возразил, лишь махнул рукой ближайшему слуге:

– Подайте, что есть на кухне, и побольше кофе!

Слуги немедля принесли горячий омлет с беконом, пирожки с паштетом, яйца всмятку, гренки с джемом и восхитительные сэндвичи с ветчиной и сыром. Кофе подали целый кофейник, пышущий жаром в специальной подставке с горячим песком. Грегори сам сдобрил напиток сливками и сахаром, уверяя дера Журбье, что без чашки кофе он неспособен будет воспринять информацию.

Поначалу Ал ел неохотно, но вскоре горячая пища и бодрящий напиток прибавили ему аппетита, и завтрак джентльмены заканчивали с обоюдным удовольствием.

– А теперь мой сюрприз, Аллиаль... – Лорд Лайвернес чуть пригубил золотистый херес из бокала и покатал в пальцах виноградину. – Родовой альманах, заказанный мною в Ирлинггии, застрял в пути. Однако я нашел возможность показать тебе королевский экземпляр. Тот, что находится в личной библиотеке его величества. Сегодня. Сейчас.

Дер Журбье не поверил. Он моргнул, сделал глоток из своего бокала и попросил:

– Повтори.

– Если ты сейчас быстро приведешь себя в порядок, мы через час-полтора будем сидеть за пюпитром в личной библиотеке короля, листая страницы альманаха. Поспеш!

После этих слов Ал наконец очнулся и развил бурную деятельность. Помчался наверх разыскивать самый лучший галстук, потом подобрал жилет и сюртук. Когда он, буквально взмыленный и растрепанный, скатился с лестницы, Грегори отодвинул тарелочку с фруктами и оценил результат:

– Выглядишь великолепно. А теперь плащ, перчатки, трость – и поспешим.

Аллиаль умел выглядеть аристократом, и не простым. Во-первых, посмотрелся на них в Ритоне, во-вторых, преподаватель по сценическому искусству уверял, что невозможно сыграть благородного человека, не став им. А все классические пьесы, которые ставили на подмостках школы, были полны знатных лордов разных эпох. Худенькому хрупкому Аллиалю еще и принцев играть доводилось! Так что он знал и умел все, что должен был знать и уметь его герой. Или почти все. Вот с геральдикой Ирлинггии не сложилось. В остальном же Ал был джентльменом до кончиков ногтей. Умел танцевать, ездить

верхом, фехтовать, играть на клавикордах и гитаре, немного петь, декламировать сонеты и, безусловно, знал этикет. Ему не хватало лишь веры в себя, и Грегори собирался взрастить в нем эту веру.

До дворца они добрались быстро. Больше времени заняла проверка службы охраны и долгий путь через официальные покои в личное крыло его величества. Наконец лакей распахнул тяжелые двустворчатые двери, впуская двух джентльменов в личную библиотеку короля.

Это помещение было меньше, чем можно было себе представить. Просто комната, все стены которой занимали шкафы из светлого дерева. У окна стоял стол с парой кресел, у второго окна – пюпитр для чтения, конторка для письма и особая лампа с отражателем, предназначенная для изучения документов.

– Его величество сообщил, что нужная вам книга уже лежит на пюпитре, – с поклоном сказал слуга, принимая их верхнюю одежду. – У вас три часа.

Грег и Ал, не теряя ни минуты, подошли к окну и увидели огромный том, разделенный цветными закладками.

– Как будем искать? – подрагивающим от нетерпения голосом спросил Аллиаль.

Три часа, выделенные королем на изучение альманаха, показались ему ничтожно маленьким отрезком времени.

– Все просто. – Лорд Лайвернес чуть поддернул рукава рубашки и указал на цветные хвосты закладок. – Каждый цвет – это род. На первой странице указано имя рода, герб и магия по отцу. Тут около шестидесяти кланов, по две минуты на каждый, справимся.

Аллиаль не разделял оптимизма друга, к тому же тот почему-то начал читать книгу с конца, объяснив, что тут находятся самые молодые семьи.

– Иногда молодой род – это успешное ответвление старого. Или семья, начатая бастардом великого клана, – объяснил Грегори. – Внебрачных детей часто прячут, но в том и прелесть ирлингских родов, что их очень легко проследить по характерным признакам.

В конце книги было несколько чистых тонких страниц – актер понял, что они предназначены для вписывания новых имен. Такие же тонкие листы обнаружили в конце каждого родового раздела.

Альманах не меняли, его лишь дополняли с каждым новым поколением.

– Сайласы... рыжие, огневики... явно мимо, – бормотал Грег, переворачивая огромные страницы лопаткой из слоновой кости, чтобы не повредить красочные портреты и гербы. – Фленаганы... зеленоглазые шатены, Фросты... брюнеты с янтарными глазами...

Бормоча себе под нос, лорд мельком показывал Аллиалю первый портрет основателя рода, наследственные признаки которого магически закрепили в наследниках, и листал дальше. После четвертого клана Ал уверился – Грегори знает, что ищет. К седьмому сомнений не осталось.

– Вот! – провозгласил лорд, похлопав лопаткой по странице. Клан Мак-Кон, основатель – Лугайд Мак-Кон. Герб – изображение серого пса на изумрудном поле. Ментальная и музыкальная магия. Давай смотреть, кто в этой семье достиг брачного возраста лет тридцать назад!

Грегори быстро перевернул плотные листы, оставив лишь два-три для изучения.

– Агна и Комина Мак-Кон, дочери Камхи и Сабда Мак-Конов, близнецы. Одна сестра вышла замуж в род Фехри, а вторая... ушла в монастырь! Здесь, в Бривании!

Аллиаль не понимал, почему Грегори быстро листает книгу, приговаривая:

– Фехри – это же трилистник на серебре... Что там у них с наследственностью и магией?.. Так и думал! Смотри!

Актер недоуменно склонился над портретом светловолосого и светлоглазого мужчины в одеждах почти тридцатилетней давности.

– Объясни, – наконец выдохнул он, – я ничего не понимаю!

– Все просто, – широко улыбнулся Лайвернес. – У жителей Ирлингии сын наследует магию матери, а внешность – отца. Родов с ментальной магией мало. Точнее, всего три. Эта магия появилась там недавно, поэтому я проверил все молодые кланы. Только в одном есть женщины подходящего возраста, не вышедшие замуж. Это род Мак-Кон. В то время, когда ты родился, они породнились с Фехри. Сам видишь, ты на этого лорда ничем не похож. Зато...

Грегори ловко перебросил несколько закладок:

– Взгляни сюда!

Ал склонился над книгой и вздрогнул. Он словно смотрел на себя самого – постаревшего, усохшего, но настолько похожего, что сомнений не оставалось.

– Кто это?

– Нынешний глава клана Аэд. Не женат, титул и земли унаследует брат. Здесь есть название его земель, думаю, можно отправить письмо обычной почтой.

Пока Аллиаль рассматривал портрет и герб, Грегори переписал все данные, потом вернулся на страницу Мак-Конов и довольно потер руки:

– Монастырь Святой Бригитты – это же недалеко от столицы! Как я вижу, Агна Мак-Кон находится там уже больше двадцати лет, тебе сколько?

– Двадцать пять, – смутился Ал.

– Навестим твою матушку завтра? – с улыбкой предложил Грег.

– Ты уверен, что это именно она? – с опаской спросил актер, все еще недоверчиво глядя на толстый альманах.

– Практически на сто процентов. – Лорд задумался, как бы поточнее объяснить другу свои резоны. – Понимаешь, в Бривании аристократку, которая посмела забеременеть до брака, могут выдать замуж за человека ниже по происхождению, чтобы он закрыл глаза на бастарда. Приданое дадут или должность супругу выбьют – и все довольны. А в Ирлингии с их наследственной магией все несколько сложнее. Бастардов принимают в род, чтобы не рассеивать магическую кровь.

Ал судорожно вздохнул. Он подозревал, что его ментальные способности – не случайность. Что ж, бастард так бастард. Нужно смириться. Зато он сможет увидеть свою мать. Возможно.

– Мак-Конны – древнейший род, родственники королевского, ментальная магия у них появилась случайно, через брак с иноземкой. Вот, видишь, добавлена фиолетовая линия в родовом древе? А вот клан Аэд – молодой. И его нынешний глава не был наследником. Он был четвертым сыном. Почти как я, только в Ирлингии клановость сильнее. Ему бы пришлось всю жизнь жить в замке с братьями, подчиняясь главе клана. Поэтому его роман с девушкой из высшего клана не вышел за ворота замка. Для нее это было падением. Думаю, поэтому ее услали в монастырь, замаливать грехи. Ребенка, то есть тебя,

подкинули в приют. А отец спустя двадцать лет вдруг выбился в наследники, а потом и в главы клана. И заметь, до сих пор не женат. Значит, либо сильно любил твою мать, либо у них был идеальный магический резонанс, и никто другой ему просто не нужен.

Аллиаль обхватил ледяными руками горящую голову:

– Почему тогда он не нашел ее? Меня? Когда стал главой клана?

Грегори наморщил лоб и предположил:

– Он мог не знать, что ты выжил. А может, и что-то похуже.

– Как? – Актер прислонился к подоконнику, потому что ноги перестали его держать.

– Идеальный магический резонанс предполагает слияние магии. Твоя мать – менталист. Как думаешь, что она делала, когда рожала тебя?

– Сливала все ощущения отцу? – сообразил шокированный Ал.

– Именно! А если потом ей сказали, что ты умер?

Актер чуть не упал, но Грегори мужественно дотащил его до кресла, отыскал графин с водой и подал другу стакан.

– Она погрузилась в печаль, а твой отец не смог ей помочь, особенно если им не позволяли видеть друг друга. Монастырь стал ее защитой. Расстояние хорошо приглушает резонанс.

– Что мне теперь делать? – Дер Журбье чуть не плакал.

– Зависит от тебя, – пожал плечами Грег. – Хочешь – давай навестим твою мать. Одна из кузин моей двоюродной бабушки служит настоятельницей в монастыре Святой Бригитты. Можешь написать отцу. Если оставишь на листе отпечаток крови, он тебя узнает. Или не узнает. В любом случае ты поймешь, нужен ты своим близким или нет.

Ал выпил воду и, поникнув, сидел в кресле.

– Друг, если не хочешь, ты можешь обо всем этом забыть. – Грегори прекрасно понимал, что перед Аллиалем сейчас рушатся все его достижения. – Ты нужен нам, ты нужен клубу, а Ирлингия и без тебя проживет.

– Спасибо. Я еще посмотрю альманах? – робко спросил Ал, в один миг превращаясь из молодого успешного мужчины в маленького мальчика из приюта.

– Конечно. Иди, не буду тебе мешать.

Лорд Лайвернес так и просидел в кресле все оставшееся время, пока Ал листал тяжелые страницы, рассматривал портреты предков,

читал короткие биографические данные, рассматривал гербы, награды и флаги.

Когда лакей, деликатно постучав, заглянул в библиотеку и напомнил, что экипаж милорда ждет, актер успокоился и принял решение.

– Давай завтра съездим в монастырь. Я... хочу увидеть Агну Мак-Кон.

Глава 27

Монастырь Святой Бригитты когда-то располагался довольно далеко от столицы. Тихое место на высоком берегу реки изначально служило и речным маяком, и крепостью, и анклавом королевской милости. По преданию, этот монастырь был устроен одной из королев Бривании. Потом в монастыре поселилась вдовствующая сестра короля, затем ее примеру последовали еще несколько герцогинь и принцесс. С тех самых пор появилась традиция, и раз в год обитель навещали женщины королевской семьи, а настоятельницами нередко становились представительницы знатнейших родов.

Мужчин в жилую часть не пускали, но вполне можно было получить разрешение настоятельницы на встречу в маленькой часовне, разделяющей территорию монастыря на жилую и общественную. Грег не стал полагаться на удачу и сразу, как вернулся из дворца в клуб, написал письмо родственнице и отправил магопочтой. Конечно, кузина двоюродной бабушки уже не помнит светловолосого младенца, которого привозили в ее владения, дабы провести храмовый обряд над новорожденным, зато по имени точно знает, и есть шанс, что в маленькой просьбе не откажет.

Измученный впечатлениями и переживаниями, Аллиаль выпил снотворное, но спал беспокойно. Вздрагивал, стонал, крутился и наконец встал, завернулся в простыню и подошел к окну. За тройными рамами, отсекающими шум улицы, сверкали огни. Гуляки шатались по тротуарам, ловили фиакры и легкомысленных женщин. Район салонов кипел и бурлил, демонстрируя свою яркую ночную жизнь.

Молодой еще мужчина смотрел на все это и не видел. Какая она, Агна Мак-Кон? Как выглядит сейчас женщина, подарившая ему жизнь? И почему она, менталист с развитым даром, не ощутила его? Своего сына? Почему уехала из родной страны и заперла себя в обители? Получит ли он завтра ответы на свои вопросы?

А отец? Стоит ли писать ему письмо? Будет ли он рад наличию бастарда? И как вообще в Ирлингии относятся к детям, выросшим в приюте? Тяжело вздохнув, Ал уперся лбом в холодное стекло и невольно позавидовал друзьям – у них были женщины, готовые

выслушать, понять, принять... А он, несмотря на несколько ярких влюбленностей, так и остался одиночкой. Просто не смог отыскать женщину, которая затронула бы не только тело, но и сердце.

Впрочем, кому врать? Аллиаль горько хмыкнул. Он сам никого не пускал в глубину. Девочки из кордебалета, порой снисходившие до торопливых ласк в гримерке, быстро понимали, что он закрытая шкатулка. Обижались или равнодушно усмехались и уходили к другим, к тем, кто мог согреть легкокрылых мотыльков, желающих обжечь крылья хоть мимолетной страстью.

А теперь вдруг оказалось, что он не безымянный подкидыш. У него есть отец и мать. Пусть не рядом, но есть. Сердце сжалось в тугой комок. Ал всхлипнул... и зарыдал так, как не позволял себе рыдать уже очень-очень давно. Он сполз на пол и всхлипывал, чувствуя, как разжимается ледяной ком в груди. Так и уснул – на полу, в слезах, кутаясь в простыню. А утром, когда в клубе началась обычная утренняя суэта, вышел из комнаты с улыбкой. Что бы ни готовила ему жизнь, он готов принять это с достоинством.

Путь до монастыря джентльмены провели в молчании. Любовались пейзажем, думали о своем. У тяжелых ворот их встретил пожилой хромым ветеран. Хмуро оглядел щеголеватого лорда Лайвернеса, но, услышав о родстве с настоятельницей, кивком указал на пяточок слева:

– Ждите. Коляску тут оставьте, экипажам внутрь нельзя.

Грегори не возражал. Велел кучеру направить лошадей к привязи и вместе с Алом спрыгнул на землю, чтобы размять ноги.

Через четверть часа калитка в глухих воротах отворилась:

– Заходите. Мать настоятельница дозволила встречу с сестрой Маргаритой в часовне. Ступайте туда вот по этой тропинке. И никуда не сворачивайте!

Мужчины двинулись по дорожке, посыпанной битым кирпичом, и вскоре добрались до часовни. Маленькое помещение, иконостас, алтарь, лампадки и две скамьи у противоположных стен. Грег сразу понял, что ему придется ждать на улице. Хлопнув друга по плечу, он вышел и обнаружил еще одну скамеечку возле наружной стены. Поразившись предусмотрительности служительниц, он опустил на прогретое солнцем дерево и закрыл глаза. Давно его не окружала такая

безмятежность. Интересно, Аллиаль хоть немного похож на свою мать?

В часовне царила тишина. Ал зажег несколько свечей и вознес безмолвную молитву, прося лишь о мире в душе. Потом сел на лавку и прикрыл глаза, гадая, как выглядит та, что родила его. Услышав же сбивчивый вздох, открыл глаза и уставился на невысокую бледную женщину в строгом черно-белом облачении.

– Риан? Риан Аэд? – спросила она шепотом.

– Аллиаль, – отозвался он. – А вы – Агна Мак-Кон?

– Агна Аэд, – всхлипнула женщина. – Мы успели заключить брак перед высшими силами до того, как моя мать догадалась, что я ношу дитя. Но как?.. Как ты выжил?.. Мне сказали, что мой мальчик умер!

– Меня подбросили в столичный приют Бривании, – пожал плечами Ал и вздрогнул, когда монахиня схватила ладонями его лицо.

– Ты так на него похож! А глаза все равно мои, – сказала она, и слезы заструились по ее лицу.

– Почему монастырь? – все-таки выдавил из себя Аллиаль.

– Мне сказали, что ты умер, а Риан прислал черную ленту.

– Черную ленту? – непонимающе вскинул брови Ал.

– Это значит, что я для него умерла. Сестра тогда обручилась с наследником высокого рода, мать не хотела, чтобы пошли сплетни, и отправила меня сюда, к своей подруге. Ты родился в больнице этой обители. Было больно и страшно. Риана не было рядом, а ведь отец должен был видеть, как на свет появляется его сын! Потом мне сказали, что ты умер. Не дали даже взглянуть. Только письмо с черной лентой сунули. Дома меня никто не ждал, сестра готовилась к свадьбе... Со временем я привыкла, смирилась и решила, что так будет лучше. Риан наверняка давно забыл меня.

– Сомневаюсь, – честно ответил Ал. – Глава рода Аэд до сих пор не женат.

– Он стал главой рода? – изумилась монахиня.

– Да, и уже давно. Вот... – Аллиаль вынул из кармана листок, на котором записал сведения из альманаха. Не все обозначения он понимал, просто переписывал их, как видел.

А вот Агна, похоже, все понимала!

– Светлые! Да они же клялись мне, что он в безопасности! Да! – Она вдруг обхватила себя за плечи и завывала, как раненое животное.

Испуганный Ал вскочил, нарушая все правила, обнял женщину, усадил рядом с собой, неловко погладил по колючей шерсти подрясника. Успокоилась она не скоро. А когда наконец затихла и утерла щеки выуженным из рукава платком, попросила:

– Расскажи о себе...

Аллиаль коротко, без эмоций, рассказал, что рос в приюте, попал в королевскую стипендиальную программу и стал актером.

– Магия моего рода была связана с музыкой, – чуть улыбнулась Агна. – Я здесь веду занятия в приютской школе для девочек и пою на службах. А есть ли у тебя жена? Дети?

– Нет, – мотнул головой Ал. – Не сложилось.

Монахиня погладила его по руке:

– Это тоже особенность рода. Аэды всегда выбирали один раз. Потом могли жениться по политическим причинам или по приказу, но первый раз – всегда по любви.

Аллиаль смолчал, а женщина вздохнула:

– Мне было всего пятнадцать, когда мы встретились с Рианом на осенних клановых играх в честь Праздника урожая. Его братья хорошо бегали, брали призы, а он был еще молод, поэтому на соревнования его не пускали. Зато как он танцевал! Мы плясали до рассвета, а потом, утром, он привел меня к древним камням, готовым услышать клятву...

Аллиаль боялся даже вздохнуть, слушая эти воспоминания.

– Сестра нашла меня к обеду. Никому не сказала, и мы виделись с Рианом еще несколько раз. Потом настала зима. Сидели в замках, даже письма писать не могли. А к весне стало ясно, что меня нельзя показывать сватам от Фернов...

Они проговорили еще некоторое время, пока в часовню не заглянула молодая послушница в сером платье.

– Матушка Маргарита, вас зовет мать настоятельница! – звонким голосом проговорила она.

Ал вскочил, понимая, что так и не задал своих вопросов, не получил ответов, но Агна Аэд не дала ему впасть в отчаяние.

– Напиши мне, – попросила она, – и Риану тоже. Я бы хотела, чтобы он знал, что я жива.

Аллиаль подхватил белую руку матери, прижал к щеке, а она нежно погладила его по волосам:

– Береги себя, Аллиаль Аэд, я буду молиться за тебя!

Монахиня и послушница ушли через внутреннюю дверь, а потрясенный Ал вывалился в солнечный полдень к дремлющему на скамейке Грегори.

– Ты долго, – сказал тот, деликатно сжевивая зевок в ладонь. – Поговорили?

– Я законный сын, – неверяще выдохнул актер, – Аллиаль Аэд!

– Потрясающе, – тем же ровным тоном отозвался лорд Лайвернес. – Поедем домой или зайдем к моей родственнице на чай?

– Домой, – отозвался Ал. – Я... должен сначала поверить.

Обратный путь из монастыря также прошел в молчании. Грегори гораздо лучше Аллиаля понимал перемены, которые могут теперь случиться в жизни друга. Если лорд Аэд ответит на письмо, подтвердит истинность наследника, Алу придется ехать в Ирлингю, учиться быть владельцем, жениться, продолжать род.

Актерская жизнь, лишенная будущего, не готовила его к таким переменам. А еще будут недовольные родственники, мимо которых проплывут титул и наследство, будут те, кто подкинул младенца в приют, не желая пачкать руки родственной кровью. Да и Агна Аэд не останется в стороне. Похоже, политический небосклон Ирлингии будет трясти в самое ближайшее время!

В клубе мужчин ждал горячий ужин и взволнованные записки от Кентавра и Аманды. Пока Грегори отвечал, Ал взялся за письмо лорду Аэду. Отцом он пока не мог его назвать даже мысленно, да и таился внутри страх – что, если глава рода не подтвердит свой практически детский брак? Отложив перо, приютский мальчишка представил себе такую ситуацию и понял, что ничего страшного в этом для себя не видит. Он все равно будет знать, кто он и кто его родители. У него есть служба и друзья, теперь появились деньги, и Агна Аэд наверняка не будет против его писем и визитов. А значит, он не одинок в этом мире, хоть и отвергнут.

Снова взяв перо, Аллиаль закончил послание, уколол палец острием перочинного ножа и капнул на бумагу кровью. Все! Магопочта донесет конверт уже к рассвету, а может, и раньше. Будет ли ответ? Не так и важно. Он выполнил свой план и может

расслабиться, сыграть с Грегом в бридж или выпить бокал хереса. А то, что взгляд периодически устремляется на почтовый поднос, – так он живой человек. Ему свойственно нетерпение и любопытство.

Около полуночи Грег все же убедил Ала идти спать, а сам вернулся в особняк Ратлендов. Ему нужно было составить отчет для его величества, предупредить о появлении в столице наследника рода Аэдов и подстелить для друга соломку. Тонкую, романтическую соломку с подробным описанием того, что истинная аристократическая кровь всегда проявит себя.

Даже менять в биографии дера Журбье ничего не придется – приют, Ритонская школа, служба в Королевском театре, стипендия. Аллиаля наверняка будет трясти от гнева, когда бывшие коллеги начнут расписывать его успехи на подмостках, но ему по силам это выдержать. А пока стоит предупредить Мэнди и Махоуна, что завтра в клубе состоится торжественный обед. На нем друзья либо поздравят Аллиаля с принятием в род, либо... поздравят с тем, что род потерял такого потрясающего человека!

Глава 28

Утром лорд Лайвернес едва успел умыться и надеть чистую сорочку, как лакей доложил о визите «господина дера Журбье». Грегори поморщился – похоже, Аллиаля не приняли в род. Что ж, останутся родственники матери. Может быть, они не откажутся от способного бастарда? Или не стоит так настойчиво планировать жизнь друга? Пусть выбирает сам?

Надев утренний визитный костюм, лорд Лайвернес спустился в гостиную и увидел взволнованного Ала, меряющего шагами ковер.

– Доброе утро! – спокойно поздоровался Грег. – Позавтракаешь со мной? Я еще не успел узнать, чем сегодня нас балует месье Грийю.

– Завтрак? Да! – Аллиаль был взвинчен и одет с той торопливой небрежностью, которая выдает смятение души.

Грегори не стал делать другу замечаний, просто пригласил его в столовую, где на буфете толпились блюда с яичницей, беконом, салатом и копченой рыбой. Отдельно на горелке пыхла кастрюлька с кашей, тут же стояло укутанное фетровой грелкой подогретое молоко. Наполнив свою тарелку, младший сын герцога обнаружил, что Ал так и стоит у буфета, гипнотизируя гренки. Пришлось ему за руку, как младенца, усаживать Аллиала за стол, наполнять его тарелку яичницей и беконом, буквально совать в руку чашку кофе с ложкой рома и коротко приказывать:

– Залпом! А потом ешь и рассказывай, почему у тебя такой вид. Лорд Аэд решил не создавать себе трудностей и отверг кандидата в сыновья?

– Нет, – ответил Аллиаль, со стуком поставив на стол чашку. – Я просто боюсь открывать письмо один!

Тут он полез за пазуху и вынул тяжелый свиток, обвешанный печатями, как рождественская елка – пряниками.

– Ого! – Грег сразу оценил официальный вид бумаги. – Только свиток?

– Нет, еще конверт. – Ал извлек из другого кармана слегка помятый пакет из дорогой зеленоватой бумаги.

– Сначала поешь. – Грегори приободрился. Один свиток еще мог быть официальным отказом, но свиток и конверт – другое дело!

Аллиаль ковырнул остывающую глазунью, поймал вилкой кусочек бекона и с внезапным аппетитом съел все. То ли присутствие Грега помогло, то ли осознание, что от получения бумаг жизнь не кончилась.

После еды мужчины взяли по чашке чая и переместились к изящному столику у окна. Тут стояла высокая горка из печенья, пирожных и кексов, а рядом ненавязчиво притаилась бутылка ликера. Похоже, дамы герцогской семьи планировали провести утро за чаепитием и обсуждением дел, вот и приказали накрыть чайный стол побогаче.

– Читай! – попросил Грегори, когда Ал проглотил пару печений с джемом, забыв про чай.

Первым внимания удостоился свиток. В нем было официальное признание Аллиаля Аэла наследником главы клана Аэдов с предоставлением всех полагающихся привилегий. Внутри большого свитка обнаружился лист бумаги поменьше – с официальным приглашением приехать в родной клан, и тут же красовался чек на кругленькую сумму с припиской «на дорожные расходы».

– Вот это да! – Грегори хорошо представлял себе неповоротливость официальных властей и документооборота. Поэтому смог оценить практически молниеносно проведенные экспертизы и заключения. – Похоже, лорд Аэд, вы теперь состоятельный человек и наследник одного из кланов Ирлингии!

– Грег! – Аллиаль смутился и покраснел.

– Советую теперь прочитать письмо. Думаю, там ты найдешь кое-какие объяснения от своего родителя. Но могу сказать сразу: то, что ответ пришел так быстро, уже говорит о том, что лорд Аэд в тебе заинтересован. Я узнаю в королевской канцелярии. Если туда придет официальный запрос о признании тебя наследником главы рода и присвоении соответствующих чинов и званий, тебе придется переделать бумаги и выехать в Ирлингию официально, со всей помпой.

Ал дернул плечом и сломал печать на конверте.

Читал он долго. Возвращаясь к прочитанному, кое-где шевелил губами. Другие члены семьи Ратленд, явившиеся на завтрак, ему не мешали – видели бумаги с печатями и сверхсерьезное выражение лица

младшего Ратленда. Брови подняла только герцогиня, шепотом напомнив сыну, что накануне он пропустил очередной визит к родственникам.

– Простите, мама, – так же тихо ответил ей Грегори, – государственные дела. Скоро они будут во всех газетах, – добавил он, заметив, как непримиримо матушка поджала губы.

Едва заметно вздохнув, леди Виола забрала поднос с едой и ушла в гостиную.

Через некоторое время Аллиаль опустил пачку листов на колени, посидел пару минут, закрыв глаза, потом улыбнулся другу своей виноватой улыбкой:

– Прости, Грег, не мог оторваться. Лорд Аэд написал мне, что ничего не знал о моем рождении. Ему, как и Агне, сказали, что я умер, а ее сгубила горячка. К тому же его как младшего сына быстро отправили в армию, и он долгие годы не видел семью. Когда он вернулся и унаследовал клан, родственники Агны показали ему ее могилу.

– Могилу? – Грегори поперхнулся остывшим чаем.

– Да. Получается, семья матери сделала все, чтобы мы никогда не встретились, – так же грустно сказал Аллиаль.

Лорду Лайвернесу нечего было возразить. Если бы не его желание помочь другу в исполнении мечты, если бы не связи и догадки... Скорее всего, лорд Аэд так никогда бы и не узнал, что его жена и сын живы.

– Что будешь делать дальше? – перевел он разговор.

– Напишу маме, скажу, что отец меня признал. Если я правильно помню из курса права в Ритоне, обет, данный на основе неверных сведений, не считается законным. Она может уйти из монастыря и жить со мной, если пожелает.

– А может вернуться в Ирлингию, – покивал Грегори. – Семья Мак-Кон ее, конечно, не примет, но ведь лорд Аэд – ее законный супруг. Даже если они не пожелают жить вместе, он обязан ее обеспечивать до самой смерти.

К удивлению лорда Лайвернеса, наследник рода Аэдов не вдохновился новой информацией.

– Я хотел сам помочь маме! – выпалил он, насупившись.

– Кто тебе мешает? – изумился Грегори. – У тебя на руках все бумаги, можешь забрать ее из монастыря хоть сейчас, если, конечно, она пожелает. Просто у вас обоих будет выбор. Законный выбор.

Ал покрутил эту мысль в голове и согласился не спешить. Надо ведь еще сообщить новости Агне Мак-Кон, вдруг она... решит остаться в обители? Или отправится путешествовать, получив содержание от законного супруга? Поежившись от этих предположений, Аллиаль твердо решил выполнить все данные обещания: написать матери, сообщить ей все новости, а уж потом делать предложения о переезде.

Грегори тоже переживал – как быстро решится вопрос о перемене документов? Что королевская канцелярия позволит узнать прессе? И как скоро дом Ратлендов наводнят любопытные сплетники, прослышав о том, что лорд Лайвернес много лет дружит с «тем самым Аэдом»?

Думая каждый о своем, мужчины отправились в кабинет лорда Лайвернеса, чтобы написать письма, а уже вечером Грегори представлял своим родным лорда Аэда – наследника ирлингского клана и его хорошего друга.

Бумаги, снабженные печатями из дворца, за час до ужина привез королевский курьер. Мало того что королевская канцелярия прислала подтверждение титула на основании прошения лорда Аэда, в пакете обнаружился диплом Ритонской школы на имя Аллиаля Аэда, свидетельство о завершении стипендиальной программы и полностью оформленное разрешение на проживание и творческую деятельность на территории Бривании.

Увидев эти бумаги, Ал непонимающе нахмурился, а Грегори криво усмехнулся. Похоже, он опять угодил в политические игры. Молодому лорду Аэду щедро выдают бонусы, а значит, будут и просьбы. Похоже, в отношениях с Ирлингией случился очередной кризис, вот политические акулы и стелют соломку, не просто возвращая наследника одному из старых кланов, а делая вид, что его пребывание на территории Бривании было законным и осознанным. Ну-ну. Насколько Грег знал друга, тот никогда не пойдет против совести и чести. А значит, ему придется либо лгать, либо уезжать очень-очень быстро. И это еще никто не знает, что супруга главы клана тоже живет в Бривании!

На следующий день члены «Клуба джентльменов» встретились в гостиной особняка Ратлендов, чтобы обсудить новости.

Аманда ничуть не удивилась аристократическому происхождению Аллиаля. Просто улыбнулась и обняла его.

– Я рада, что ты нашел родителей, Ал, – сказала она. – Каждому нужно знать свои корни. Буду рада познакомиться с твоей матушкой, если она приедет в столицу к нашей свадьбе.

Аллиаль смущенно потупился. Письмо от «сестры Маргариты» пришло к завтраку. Агна Мак-Кон написала сыну много теплых слов и... согласилась отправиться с ним в Ирлингию, но лишь тогда, когда он сам будет готов к встрече с отцом.

Кентавр, и вовсе не заморачиваясь словами, стукнул друга по плечу и крепко обнял. А когда эмоции слегка улеглись, уточнил:

– Раз ты теперь целый лорд, не передумаешь быть крестным? Ты обещал!

Ал вспыхнул от возмущения, а потом рассмеялся:

– Вас с Кэндис можно поздравить?

– Можно! – Огневик буквально сиял. – Она очень хотела, чтобы крестными стали ты и Аманда.

– Тогда мне придется задержаться в столице, – принялся подсчитывать Ал. – Если уеду сейчас, боюсь, не успею вернуться.

– Я надеюсь, ты останешься на нашу свадьбу, – напомнил Грегори. – Церемония через несколько дней, а до крестин еще долго. Сколько, Махоун?

– Кэндис сказала, что наш малыш появится в конце зимы, – пожал широкими плечами огневик. – Думаю, за семь месяцев ты успеешь съездить в Ирлингию и вернуться, друг. Но если не хочешь, можешь написать отцу, что не в силах расстаться с будущим крестником!

Мужчины хмыкнули, а Грегори напомнил:

– Я попросил тетушку выписать подорожную для сестры Маргариты. Агна Аэд сможет выехать из Бривании по поручению монастыря, а уже на границе сменить документы или использовать те, что у нее были прежде.

– Я написал отцу, – очень осторожно проговорил Ал непривычное слово. – Он прислал для мамы все документы – и подтвержденную копию свидетельства о браке, и новый паспорт, и подорожную. Леди

Аэд посещала Бриванию с разрешения супруга в благотворительных целях.

– Значит, стоит поехать, – поддержала Аманда. – Свадьба уже через четыре дня, как раз успеешь уладить дела и собраться в дорогу.

– Четыре дня? – В голосе лорда Лайвернеса прорезалась паника.

Аманда только безмятежно улыбнулась.

– Прошу прощения, моя леди. – Грегори поцеловал невесте руку и шутливо погрозил Кентавру и Аллиалю: – Шаферы, не забудьте, что ваша обязанность – доставить жениха в храм вовремя!

– Не переживай так, – громыхнул Килкени. – Доставим. Графини в Бривании нет, а с остальным мы как-нибудь справимся.

Упоминание итлийки заставило всех присутствующих помрачнеть.

– Ох и язык у тебя без костей, брат, – качнул головой Ал, сделав знак, отводящий беду. – Но кое в чем ты прав. Мы справимся!

Глава 29

В день свадьбы погода радовала столицу. С утра по небу ходили облака и даже брызнул легкий дождь, прибывая пыль. Но к обеду выглянуло солнце, позволив Аманде выдохнуть и еще раз проверить длинную кружевную фату, которую ей привезла леди Виола.

– Это наша фамильная, – с намеком сказала матушка Грега, расправляя слегка пожелтевшее от времени кружево на манекене.

Мэнди только вздохнула. У нее не было фамильной тиары – только та скромная диадема, которую подарил король после бала дебютанток. Ее родители умерли, а братья и сестры отказались присутствовать на свадьбе, чтобы не портить леди Стоукс входение в высокий род. Поэтому из всех гостей она будет знать только шаферов будущего мужа, собственную подружку невесты – миссис Килкени, и родителей жениха. Все остальные гости были ей представлены на тех вечерах, которые она успела посетить с будущей свекровью. Из-за волнения Аманда мало кого запомнила.

За день до свадьбы леди Стоукс с подругой приехала в особняк Ратлендов и поселилась в специальных «покоях невесты», расположенных на первом этаже просторного дома. Ей тут же передали огромную шкатулку тонкой работы с изящным ключиком и корзинку, украшенную лентами. На корзинке и на ключике болтались карточки Грегори.

– Что это? Зачем? – неосторожно удивилась Мэнди. Она за всю свою жизнь была на одной-единственной свадьбе – у Кентавра, и не вспомнила никаких особенных подарков.

– Ты что! – засмеялась Кэндис. – Это же свадебная корзинка! Вообще, по традиции жених дарит ее, как только определяется дата свадьбы, чтобы подсластить невесте ожидание. Видишь, тут бонбоньерки с конфетами, мешочки с орехами, коробочка пастилы и даже шоколад! Мм!

Кэндис облизнулась, глядя на упакованные в цветную фольгу фигурки. Аманда расслабилась и с удовольствием вручила подружке желанную сладость. Беременных надо радовать, а сама она к сладкому

относилась довольно сдержанно. Впрочем, засахаренной вишне Мэнди обрадовалась, знакомый кисло-сладкий вкус успокаивал.

– А шкатулка зачем? – уточнила невеста, не решаясь повернуть ключ.

– А это тоже традиционный подарок. Обычно дарят рукодельный столик или вот шкатулку. Внутри должен быть кошелек с монетами – как обещание богатства и всякие дорогие подарочки для хорошего настроения – как обещание мужа радовать тебя всю жизнь. Некоторые считают, что это способ жениха показать, насколько он тебя знает. Мне вот Килкени подарил полную шкатулку лент, шпилек, булавок и гребней. На целый год хватит прически делать! Но мне кажется, – тут подружка невесты понизила голос до шепота и быстро проглотила еще кусочек шоколада, – ему просто нравится самому перебирать мои кудряшки, вот и подарил столько всего для волос, чтобы я не сердилась, когда он мне прическу портит!

Леди Стоукс засмеялась и наконец решилась – повернула ключик, подняла тяжелую крышку... И ахнула от восторга! Да, кошелек тут тоже был – бархатный мешочек, приятно-округлый и позвякивающий. Но на него она совершенно не обращала внимания. Шкатулка, выложенная внутри бархатом, была поделена на множество отделений, и в каждом из них находилась емкость с редкими ингредиентами! И в крышке тоже! Вот почему она была такой тяжелой! А еще из прямоугольной коробки выдвигалось потайное отделение, полное лопаточек, пинцетов и крючков из различных материалов. Сбоку пряталась записная книжка в серебряном переплете. Ах, а с другого бока – увеличительное стекло в квадратной серебряной рамке!

Мэнди хотелось сразу смеяться и плакать, обнять и Грегори, и шкатулку, а еще хорошо бы сбежать в лабораторию... Но эти поползновения Кэндис пресекла. Просто накапала в стакан хорошего снотворного и заявила, что невеста в день свадьбы должна быть красавицей, а не красноглазой встрепанной птичкой с пятнами от реактивов на руках. Аманда поворчала, погладила флакончики и лопаточки, а потом... сдалась. Она входит в большую аристократическую семью и должна уважать будущих родственников. Красавицей так красавицей! Ох и гадкое это снотворное! Почти такое же, как традиции, Свет их побери!

Вся команда «Клуба джентльменов» ждала в день свадьбы подвоха. Любого. Грегори успел набрать охранников для будущей жены и заполнить ими особняк Ратлендов. Кентавр привел своих друзей, боевых офицеров и магов, так что путь до храма охранялся чуть слабее, чем королевская резиденция.

Ал полночи обходил покои невесты с углем, морской солью и трилистником, заглядывая в книгу ирлингских легенд, присланных ему Агной Мак-Кон. Оказалось, магия у молодого лорда Аэда есть не только ментальная, но и сугубо практическая, завязанная на кровь, море и огонь родного очага. Уголь и соль тоже прислала матушка Маргарита, прибавив в записке, что почти тридцать лет назад прихватила их из родного дома на всякий случай, и вот случай представился.

Даже коляску, на которой жених должен был ехать в храм, охраняли, словно королевскую карету! А цветы для букета невесты Грегори срезал сам, в оранжерее матушки.

Поутру в покои невесты ворвалась будущая свекровь с командой служанок. Невесту разбудили, накормили особо приготовленной куриной грудкой в лепестках роз и гранатовых зернах, а после принялись наводить красоту.

Ванна с лепестками жасмина, притирания душистым маслом, снова поток воды, чтобы масло не испортило тончайшую нижнюю сорочку, нижние юбки и корсет. Отдельно мыли волосы, втирали в них различные средства, чтобы волосы блестели и укладывались пышной копной под облаком фаты. Венок из мирта и флердоранжа, жемчужная диадема, платье, перчатки. Аманда так переживала и нервничала от каждой мелочи, что у нее заболела голова. Тогда Кэндис подмигнула подруге и продемонстрировала пояс из белой замши, отделанный вышивкой и мелким жемчугом.

– Держи! Это тебе наш с Килкени подарок, – прошептала она и показала секрет – множество кармашков и петелек, спрятанных внутри нарядного бархатного чехла.

Профессор алхимии, радостно пискнув, надела пояс и моментально заполнила его кармашки колбочками, пакетиками и пузырьками из подаренной женихом шкатулки. Изящная вещичка выглядела просто украшением, а была, по сути, смертоносным оружием алхимика.

– У меня такой же, с клинками, – поделилась еще одним секретом Кэндис. – И на чулках кармашки, и в рукавах. Даже в корсете парочка стилетов есть. Если эта итлийская змеюка сунется к вам – пожалееет!

Впервые с рассвета Мэнди улыбнулась и крепко обняла подругу.

В назначенный час зазвенели колокольчики – шафер жениха прибыл с сообщением, что жених ждет в церкви. Килкени в парадном мундире впечатлял. Он коротко поклонился и протянул Аманде аккуратный букет, перевязанный атласными белыми лентами. Леди Стоукс дрожащими пальцами приняла цветы, выказывая таким образом свое желание отправиться в храм, и... едва не выронила его! К счастью, удержала и тут же вспомнила – Грегори предупредил ее. В центре символа невинности предусмотрительный жених спрятал стилет с декоративной рукоятью, поэтому хрупкие ландыши и незабудки весили как графин с морсом. Зато букет можно будет метнуть в того, кто посмеет помешать бракосочетанию.

Кентавр облегченно выдохнул и подставил подруге локоть. Кэндис подхватила шлейф, ее матушка отворила дверь, и невеста двинулась к выходу, вспоминая про себя реакцию распада тиоцианата ртути. Только бы не думать о свадьбе! Красивая реакция и зрелищная, жаль «фараонова змея» непредсказуема. Оставляет слишком много грязи. Вот бы поджечь тиоцианат на первой лекции в академии и слегка забрызгать тех, кто противился ее назначению!

Задумавшись об академической карьере, Аманда пропустила слуг, выстроившихся в шеренгу у входной двери, и младших родственников жениха, должных изображать ее свиту. Даже приветственные крики на улице прошли мимо ее сознания.

Только в храме, куда все добрались без приключений, девушка очнулась и страшно испугалась. Она! Пришла сюда! Чтобы стать леди Лайвернес! Не может этого быть!

Кентавр, изображающий посаженного отца, ощутил ее состояние и крепко сжал локоть:

– Дыши, Колючка! Если тебя сейчас стошнит, Грег побежит за тазом, и гости немного сконфузятся!

Мэнди тихонько хмыкнула и выпрямилась. Благодаря простой шутке она смогла взять себя в руки и даже улыбнуться.

Грегори ждал. По неписаным правилам аристократии он не оборачивался, чтобы увидеть невесту, но нетерпеливо перебирал

пальцами, ожидая, пока Кентавр подведет Аманду и поставит рядом с женихом. Только тогда он смог чуть-чуть повернуться к ней, взять за руку и подвести ближе к алтарю. У него едва не остановилось сердце от ее красоты. Пусть он не видел ее лица под густым кружевом, зато видел тонкую руку в перчатке, стройную фигуру в облаке пышных юбок и самый кончик тифельки, мелькнувший, когда девушка остановилась.

Аманда еле сдержала восторженный вздох, так хорош был Грег в безупречной фразной паре с белым галстуком и белыми перчатками. Ее сердце так билось, что она с трудом расслышала, что ей шепчет Кэндис:

– Перчатки!

Ах да, нужно снять перчатки, чтобы взять будущего мужа за руку, а потом обменяться кольцами после принесения клятвы. К счастью, перчатки стянулись быстро. Их не глядя передали шаферу и подружке, и, убедившись, что все готово, храмовник начал обряд.

– Возлюбленные! – возвестил он, воздев руки. – Мы собрались с вами в этот светлый день, чтобы услышать клятвы любящих!

Служба шла своим чередом. Сразу после короткой речи о браке служитель предложил жениху и невесте обменяться клятвами, потом кольцами – и наконец поцеловать друг друга. Пока родственники умиленно внимали древним словам, охрана не отводила глаз от окон и дверей. На улице вокруг храма тоже бдели, не снимая ладоней с мечей и огнестрелов. Но все прошло ровно и гладко.

Едва все закончилось, молодожены повернулись к родным, чтобы принять поздравления и подарки. Охрана вновь напряглась, но и тут все прошло без происшествий. Все коробки и пакеты были заранее отосланы в особняк Ратлендов, так что аристократическая родня вручала лишь букеты или символические фигурки, означающие крупный подарок. Например, стеклянный пастушок с посохом означал отару овец, а красивый бархатный кошелек – некую сумму, переведенную на счет молодых. Платочек мог символизировать штуки ткани, а сундучок – набор приданого для малыша, заказанный в лучшем магазине Лондиниума.

Когда все букеты и символы были вручены, Грегори и Аманда в некоторой даже растерянности проследовали к экипажу и двинулись в особняк Ратлендов на праздничный обед. За ними потянулись гости.

Вереница карет растянулась на целую улицу. Прохожие махали руками, бросали букетики фиалок, выкрикивали поздравления. Столица любила новобрачных.

В просторном холле фамильного особняка молодоженов ждали слуги. В столовой сияли серебро и хрусталь, а в бальном зале негромко наигрывали музыканты, настраивая инструменты. Вскоре захлопали пробки игристого, голоса стали громче, улыбки ярче, внесли закуски, потом горячее, а там и свадебный торт подоспел, маня посеребрянной меренгой и вишнями в шоколаде.

Аманда и Грегори сидели рядом и несколько напряженно отвечали на поздравления и тосты, успевая кое-что поесть. Вокруг шли разговоры, но вполне мирные – про погоду, пикники и грядущее пополнение в королевской семье. Не было ни шпилек по поводу скромного происхождения невесты, ни косых взглядов, ни намеков на неравный брак.

Впрочем, это и понятно – у герцога Ратлендского хватает взрослых женатых сыновей и уже есть внуки, поэтому довольно поздний брак его младшего сына ничего не меняет в семейном раскладе. Он унаследует часть приданого матери и что-то из личных вещей и акций отца. Основные доходные поместья – майорат. А леди Стоукс, теперь уже леди Лайвернес, все же талант, признанный королем, и, по слухам, ее изобретения приносят доход. Освежить кровь тоже бывает неплохо!

После обеда объявили танцы. Молодожены открыли вечер кадрилию, а через два-три танца незаметно исчезли. У крыльца их ждал экипаж. Тайлер сидел на облучке, собираясь отвезти парочку в дом Аманды. Молодая леди Лайвернес категорически отказалась переезжать в особняк Ратлендов и переносить лабораторию в очередной раз.

– Разве нам не хватит комнат в этом доме? – искренне недоумевая, спросила она жениха, когда он спросил, где она хотела бы жить после свадьбы.

Грегори согласился, что дом достаточно велик, однако вдруг его будущая супруга пожелает вести активную светскую жизнь? Или, напротив, уделить время сельским просторам.

– Тебе следует узнать все возможные варианты, моя Мэнди, – сверкнул он улыбкой, поигрывая брелочком. – Что, если твои научные

изыскания потребуют смены климата?

– Хорошо, – сдалась девушка, откладывая научный журнал и усаживаясь на диванчик, поближе к жениху. – Рассказывай!

– Первый и самый главный вариант, на котором, возможно, будет настаивать моя матушка, – это особняк Ратлендов. Из достоинств – там ты можешь вообще не заниматься хозяйством. Моя матушка все держит в своих крепких ручках. Там удобно принимать гостей, вести беседы, демонстрировать светский лоск и могущество рода. Недостатков, правда, хватает. И они ровно те же самые. К хозяйству тебя не подпустят, на трапезы нужно будет являться вовремя, и твоих гостей всегда могут утащить в свою гостиную матушка или одна из моих невесток.

– А еще там нельзя устроить лабораторию, – лукаво показала Грегу кончик языка Аманда.

Не ожидавший от девушки такого коварства, чопорный лорд замолчал, не отводя взора от ее манящего рта. Пользуясь паузой, Мэнди его ущипнула прямо сквозь бархатный сюртук:

– Еще варианты, милорд?

– Варианты? Ах да! Еще есть пять или шесть домов в сельской местности. Главный, конечно, – замок Ратленд. Отец и мама проводят там все межсезонье, как и мои братья с семьями. Их жены считают, что до школы детям лучше расти в деревне. Еще есть Кристин-холл, Брайчез и Треслинг – дома поменьше и попроще. Это тоже часть майората. Поместья расположены в разных частях Бривании, чтобы семья имела возможность выращивать собственные фрукты, ловить рыбу и добывать уголь.

– И мы можем жить в любом из них? – полубопытствовала Мэнди, небрежно накручивая на пальцы светлые пряди Грегори.

– Нужно официально получить разрешение отца, – пожал плечами лорд Лайвернес, – но, думаю, он не откажет. Эти дома используются редко. То есть там, конечно, есть слуги, живет кто-то из дальних родственников, но родители или старшие братья приезжают нечасто.

– Интересно, конечно, – отозвалась Аманда и призналась: – Я не жила в деревне. Выезжала на пикники из Ритона и позже, в академии, когда устраивались выезды к реке для студентов.

– В сельской жизни есть свое очарование, – улыбнулся Грегори. – Ранний подъем, длительные прогулки, охота. Можем через месяц

поехать вместе со всеми в охотничий домик или на сбор яблок в Брайчез. Просто развеяться, на пару дней.

– Посмотрим, – неопределенно ответила Аманда и уточнила: – Это все?

– Вообще-то нет... – Лорд Лайвернес решил изложить все логично и последовательно. – Еще есть фермы, но там нужно будет вникать в сельское хозяйство. Я, скажем так, не любитель.

Мэнди скептически хмыкнула:

– А я просто не знаток. Овощи и мясо предпочитаю покупать на рынке.

Грегори улыбнулся невесте. Похоже, после свадьбы ее ждет много открытий. Семейные сборы нередко случаются в загородных домах, да и сезон охоты – ежегодное развлечение всей бриванской аристократии от короля до простого рыцаря.

– Мы можем купить любой дом на этой улице, – сказал он, не отступая от своего плана предоставить Мэнди выбор. – Особняк, наподобие родительского, мне не по карману, но на дом попросторнее точно хватит.

– Незачем, – отмахнулась Аманда. – Я уже закрепила оборудование в лаборатории и не хочу менять условия эксперимента.

– Как скажешь, – улыбнулся Грегори, поднося к губам руку невесты.

Ему на самом деле было все равно, где жить, – была бы чистая сухая постель, кусок мяса на ужин и любимая женщина рядом. А уж если она будет счастливой – о чем еще мечтать?

Вот так и получилось, что на первую брачную ночь новобрачные поехали не в отель, не в дальнее поместье родственников, а в свой собственный дом.

Глава 30

Коляска катилась по улицам, прохожие, заметив разукрашенный цветами и лентами экипаж, радостно гомонили вслед. Аманда утомленно и счастливо прижималась к супругу, думая о том, что день начался слишком рано и ей хочется спать. Брачная ночь ее волновала и немного пугала, однако молодая леди Лайвернес бесконечно доверяла своему мужу, поэтому просто запретила себе переживать заранее.

Мысли Грегори витали между предстоящей брачной ночью и... слишком гладко прошедшей церемонией. Не бывает так. Непременно случится мелкий досадный промах. Да хотя бы слишком рано рассыплют лепестки роз или наступят невесте на платье! А уж сколько раз он слышал про забытые кольца, упавшие свечи или лопнувшие перчатки! Он сам видел волшебную шкатулку матушки. Леди Виола брала ее с собой, когда выезжала из дома, и на этот раз в резную коробку были уложены запасные галстуки для жениха и шафера, перчатки, запонки, нюхательная соль и даже новая фата. Шкатулка так и простояла в экипаже!

Нахмурившись, лорд Лайвернес взглянул на молодую жену, и его лоб тотчас разгладился. Разве можно думать о чем-то плохом, когда его Мэнди рядом?

До особняка оставалось совсем немного, когда откуда-то сверху в коляску вдруг запрыгнул человек в черном трико, схватил Аманду за талию... и пропал вместе с ней. Вскочивший Грегори увидел только, что незнакомец, держа его жену, словно куклу, взмыл вверх, на крышу ближайшего здания, там совершил еще один невероятный прыжок и пропал из виду.

– Тайлер, стой! – крикнул Грегори, хватая брата за плечо.

От неожиданности тот едва не упал с облучка, но послушно натянул поводья.

– Что случилось? А где Мэнди?

– Ее украли! – Лорд Лайвернес сжал кулаки и тут же начал отдавать распоряжения: – Вызывай Кентавра и Аллиаля, собирай всех, кого успел нанять для клуба. Я сейчас поднимусь на крышу этого

дома, узнаю, как этот акробат сумел прыгнуть так высоко, да еще и с грузом. Жду всех тут через полчаса!

Долгая совместная служба научила Тайлера не задавать вопросов в критической ситуации. Он просто вынул амулет связи и вызвал всех, до кого сумел докричаться. А новобранец спрыгнул с коляски и двинулся к пустующему особняку. На стук тростью в дверь отворила пожилая глуховатая женщина. Минут через пятнадцать у нее удалось узнать, что дом пустует, она экономка и два дня назад хозяин прислал мастеров для починки крыши.

– Все крутились и таскали непонятно что, – вздыхала и бормотала женщина, провожая лорда Лайвернеса на чердак.

Там Грегори обнаружил веревки, кусок потертой парусины и кружевную манжету от платья Аманды. Было понятно, что она была тут, но куда делась? Осмотрев все, лорд отыскал выход на крышу и, поднявшись на кровлю, все понял. Возле кованого шпиля, явно недавно замененного, змеей свернулся каучуковый трос. Именно с его помощью акробат совершил свой невероятный прыжок. Черная веревка еще фонила затухающей магией, придавшей тросу необходимую эластичность и пружинящий эффект. А еще с крыши было прекрасно видно, что экипажу придется притормозить перед поворотом, а другого пути к особняку Аманды просто нет.

Значит, все было подготовлено заранее. Грегори обошел доступное пространство крыши, вспоминая, как мужчина и его ноша пропали. Получается, похититель просто спрыгнул в люк? Только не в этот, а... Да! За коньком крыши обнаружился еще один люк. Он вел на отдельную часть чердака. Здесь сушилось белье, стояли сундуки и корзины, но самое главное – отсюда вниз вела широкая лестница, которая выходила на боковую улочку.

Лорд Лайвернес спустился на задний двор и отыскал по дороге еще одну манжету и маленькую жемчужную пуговицу. Похоже, его невеста уже пришла в себя и помечала путь доступными в ее положении «хлебными крошками».

Вернувшись к экипажу, Грегори коротко изложил друзьям все, что произошло, обрисовал улики, показал манжеты и начал распределять людей:

– Кентавр, бери своих друзей, поезжайте к городским заставам. Именем короля запретите выезд циркачей. Ал, твоя задача отыскать на

крыше магические следы, все записать и дождаться полиции. Тай, мы с тобой едем по следам коляски, в которой увезли Аманду. Думаю, так или иначе, мы найдем ее в цирке, но стоит попробовать их просто догнать. Все остальные – собирать слухи, объявлять розыск и относить записки!

Записки Грег написал самым неприличным образом – на вырванных из блокнота листах, обычным графитным карандашом. В них он предупреждал близких о похищении, просил о помощи старых грифов и сообщал королю о том, что игры итлийской Мамбы продолжаются. Как он узнал, что похищение его молодой жены – привет от графини Кастильони? Очень просто – в переулке рядом со следами коляски лежала визитная карточка с графской короной. На итлийском.

Когда ее обхватили за талию и резко дернули вверх, выбив из легких воздух, Аманда испугалась. Хотелось вдохнуть, но грудь словно смяли огромной тяжелой лапой. Ветер выбил слезы. Голова закружилась, и девушка готова была потерять сознание, но тут ее осенила кристально-ясная мысль – кто бы ни похитил ее, этот мерзавец испортил ее первую брачную ночь! А еще он не знал, что на ней есть пояс! С кармашками!

И вот пока некий непонятный господин в трико тащил молодую леди Лайвернес по крыше, словно куль с мукой... пока он прыгал с ней в люк и, пыхтя, бежал по лестнице, Мэнди старательно продумывала месть. Для начала она расслабилась и потихоньку оторвала вторую кружевную манжету. Тащить расслабленное тело, чтобы вы знали, гораздо тяжелее. Одна манжета все равно уже оторвалась, почему не добавить в этот мир капельку равновесия? И пуговичка так стянула горло! Прочь ее!

Когда похититель выскочил из дома и свалил Аманду в экипаж, а потом накинул на нее плотный атласный мешок, разрисованный звездами, стало неудобно. Зато мужчина с кем-то заговорил. На итлийском. Дословно перевести все сказанное девушка не сумела, но поняла, что ее приказано отвезти «к маэстро Боттиньоле». А пуговицы все рвались... Какая умница свекровь, настоявшая на длинной двойной застежке каждого рукава! От запястья до локтя! И двойной ряд пуговичек от горла до талии! А еще оборка с мелкими кисточками на

подоле! И шпильки с жемчужинками! В общем, когда Аманду вытряхнули из мешка, вместо элегантной красавицы-невесты перед изумленными циркачами предстало растрепанное чучело. Ключья фаты прекрасно летели на дорогу, знаете ли!

– Ты бил ее, что ли?! – Далее последовал непередаваемый набор итлийских ругательств. – Почему она выглядит так, словно ее кошки рвали?! – кричал усатый коротышка в полосатом фраке.

– Ничего я с ней не делал! – заорал в ответ здоровяк в трико.

– Ты понимаешь, что нам нужно ее передать целой и невредимой?! – не унимался коротышка.

– Да цела она! – Здоровяк подхватил Аманду и крутанул, словно куклу.

Неприятное ощущение. В ответ девушка наступила острым каблучком на ногу в тонкой спортивной тапочке и дополнила движение точным ударом колена. Атлет или акробат сложился пополам, прямо в вонючие опилки, покрывающие пол высокого шатра.

– Синьорина, синьорина, ла-ла-ла! – закричал усатый и вдруг невесть откуда выдернул зонтик и ударил им Аманду под коленки.

Юбка не спасла – девушка упала в те же самые опилки, ее моментально схватили, втолкнули в какой-то ящик и захлопнули дверь. Вот это было плохо! Темно, душно, а еще странно пахло потом, псиной и слишком сладкими духами. На ощупь отыскав на поясе знакомый флакончик, леди Лайвернес сделала изрядный глоток успокоительной настойки, потом подышала, мобилизуясь, и приступила к изучению окружающего пространства.

Ощупав место своего заточения, Мэнди хмыкнула: мягкая обивка, сложная конструкция под ней и явно ощущаемые петли на одной из стенок подсказывали, что она угодила в ящик фокусника.

Что ж, еще раз обдумав все детали, Мэнди уверилась в том, что ее похитили обитатели цирка. Теперь нужно срочно вспомнить праздничные выступления в школе Ритон. Помнится, она придумывала фокусы вместе с наглым рыжим мальчишкой, который в итоге стал успешным торговцем. Прилежной девочке Аманде тогда поручили подготовить несколько показательных реакций с разноцветным дымом и бульканьем жидкостей в колбе. А рыжий показывал пустой ящик, в котором после появлялась «сяньская кукла», точнее, переодетый сын сяньского посла. И работал этот ящик довольно просто!

Мэнди снова принялась методично ощупывать стенки своего узилища, чтобы понять, какого типа ящик ей достался. Стенки откидные или поворотные? Шарнирные или навесные? Фокусы предполагают участие ассистентки или она – всего лишь яркая кукла?

После кропотливого обследования девушка тяжело вздохнула и постаралась присесть в узком ящике. Никаких тайных кнопок, крючков или засовов она не обнаружила. Судя по всему, ящик был самым простым и открывался исключительно снаружи. Правда, под тканью обивки были высверлены отверстия для поступления воздуха, чтобы животные или помощница могли проводить в сундуке много времени, и вот этот факт давал леди Лайвернес кое-какие преимущества. Во-первых, она могла дышать, а во-вторых, затянутые тканью прорези намекали на возможность бежать.

Для начала девушка вынула из волос заколку и ее острым концом разорвала ткань обивки. Дело было непростое – под тонким слоем дешевого черного бархата обнаружилась вата и слой плотной фланели. Вот почему пленницу засунули в этот ящик – у него отличная звукоизоляция!

Добившись своего, Аманда мысленно перебрала припрятанный арсенал, пытаясь решить, что из зелий можно будет применить без опасения повредить самой себе. Кислоты отпадали сразу – в темноте и тесноте слишком просто пролить жидкость на кожу или на платье. Бурные реакции с дымом, искрами и перепадами температуры тоже исключаются: потрепанное платье невесты – плохая защита! Что остается? Поджигать нельзя, шуметь бесполезно...

Девушка еще раз перебрала все кармашки на поясе и вздохнула – все либо ядовито, либо горит, либо взрывается. Грегори положил в шкатулку невесты редкости, которые ей давно хотелось исследовать, в результате ей нечем бесшумно разрушить этот ящик. Тут пальцы наткнулись на изящный флакончик матового стекла, и Мэнди невольно захихикала. Ну конечно же! После приключений на складе она заинтересовалась возможностями насекомых и создала любопытное зелье, которое назвала «Термит».

Порошок, видом, цветом и ароматом напоминающий корицу, превращал дерево в труху, нужно было только нанести его правильно, ускорив реакцию любой нейтральной жидкостью. Теперь нужна трубочка. Подвеска сумочки вполне подойдет, придется только

немного сломать ее... Через несколько минут Аманда разорвала подкладку сильнее и насыпала порошок на стенку ящика, стараясь, чтобы «Гермит» попал под подкладку и во все доступные воздухопроводы. После этого леди Лайвернес полила порошок настойкой валерианы из сумочки и приготовилась ждать.

В лаборатории в идеальных условиях «Гермит» разъедал дюймовую доску примерно за час. Тут толщина примерно такая же, но это не доска, а проклеенная фанера. Да и порошка маловато. Она прихватила пузырек просто так, собираясь показать новинку членам клуба, а теперь приходится проводить срочные испытания в полевых условиях!

Девушка задумалась и не сразу расслышала громкие голоса за стенками ящика. Чтобы разобраться, о чем идет речь, ей пришлось прикинуть ухом к одному из отверстий для воздуха. Беседовали мужчины. Они спорили, какой именно ящик нести на сцену. Мэнди похолодела.

– Давай просто откроем и посмотрим! – горячился один из собеседников.

– Нет уж! – возмущался другой. – Опять голубей и кроликов ловить придется!

– Он сказал: «Несите ящик со звездами», – а они оба со звездами! – уперся третий.

– Да не вылетит из ящика никто, – отмахнулся четвертый. – Он там девицу пилить собирается!

– Так какой берем? – обреченно уточнил второй.

Вдруг в мужской разговор ворвался женский голос с легким итлийским акцентом:

– О чем спор, джентльмены? Маэстро Пиккарини требует ящик? Вот этот уже заряжен! – Легкий толчок сообщил Аманде о сделанном выборе. – Публика будет в восторге!

Служащие цирка подхватили узкий ящик с леди Лайвернес внутри и, не слушая ее проклятий, понесли на арену.

Глава 31

След от коляски, увозящей Аманду, был слишком четким. То тут, то там в пыли виднелись жемчужные пуговицы, клочки отделки, а потом и кусочки фаты. Увидев особенно выразительный лоскут, Тайлер остановил экипаж и обернулся к брату:

– Грег, нас ведут в ловушку!

– Вижу. – Лорд Лайвернес не сводил взгляда с куска белого газа, лежащего в грязной луже.

– Нужно дождаться помощи...

– Нет! – Грегори был резок. – Это графиня. Она желает схватки со мной один на один.

– Ты уверен, что она не причинит вреда Аманде? – кротко спросил Тай.

Когда было нужно, он входил в роль идеального слуги.

– Уверен, – мрачно сказал Грегори.

– Почему? – Вот теперь единокровный брат лорда Лайвернеса был искренне изумлен.

– Потому что я знаю ее тайну и сохранил ее, – ровным тоном ответил лорд.

– Тайну? – Помощник шпионов очень не любил тайны.

Грегори помолчал, потом все же ответил:

– У графини и Дансера есть сын. Мальчик живет в Бривании, учится в Ритоне. Я знаю об этом много лет.

Тайлер ошеломленно смотрел на брата:

– Ты не воспользовался ее слабостью?

– Нет. Но дал понять, что знаю. Давно. Поэтому не думаю, что графиня позволит Аманде пострадать. Это приглашение на дуэль для меня.

– Ты псих! – коротко ответил Тай, собирая вожжи.

Экипаж застучал колесами по мостовой, а Грегори криво усмехнулся. Может, и псих. Но теперь он женатый человек, и в играх со смертью пора поставить точку!

Цирк жил своей бурной жизнью. Яркий шатер в центре площади притягивал зевак, но и вокруг него было на что посмотреть. Между чинно гуляющими и любопытными бродили торговцы сладостями, игрушками, сидром и пирогами. Зазывалы предлагали заглянуть в малые шатры, чтобы увидеть бородатую женщину, силача-карлика или сказочного зверя из страны Син. Тут же сновали акробаты в блестящих трико, танцовщицы в пышных юбках, клоуны в ярком гриме и приглаженные униформисты. Где-то в стороне трубил слон, и там же рычал тигр.

– Богатый цирк... – Тай задумчиво осмотрел площадь. – Где будем искать леди Лайвернес?

– В шатре, – уверенно сказал Грегори, указывая на кусок фаты, завязанный бантом прямо над входом.

Они оставили экипаж поблизости и, заплатив шиллинг, вошли под плотную парусину. Здесь было душно от огромного количества зрителей. Над ареной летали акробаты, из оркестровой ямы грохотали барабаны, публика, замирая, смотрела, как девочка в сверкающих блестяшках взлетает на руках силача.

Мужчины протолкались ближе к обтянутому тканью бордюру. За это время номер акробатов закончился, свет на миг погас, а когда вновь зажегся, на опилках арены стоял лощеный конферансье и объявлял выход фокусника. Загремели барабаны, свет снова мигнул, и новый номер начался.

– Куда теперь? – уточнил Тайлер. Он успел осмотреться и сделать выводы – в толпе жены брата нет. Нужно пробираться за кулисы, хватать кого-то местного и уже с его помощью выяснять, куда спрятали леди Лайвернес.

– Просто постоим тут, нас уже заметили, – абсолютно равнодушным тоном отозвался Грег.

– Что? Как? – удивился Тай.

– Видишь ложу над занавесом? Там обычно находится униформист, а сейчас там сидит графиня.

Незаконный сын герцога поднял голову и действительно увидел на крохотном балкончике даму под вуалью. Она курила сигарету в длиннейшем мундштуке и внимательно смотрела вниз. Не на толпу зрителей, ожидающих чудес, а на фокусника, рассыпающего магические огоньки. Уловив это внимание, Тайлер тоже уставился на

волшебника-недоучку. Тот как раз начал жонглировать огоньками, и член «Клуба джентльменов» мог с уверенностью сказать, что Кентавр делает это лучше. Но капитан Килкени никогда бы не вышел на арену.

Между тем выступление продолжалось. Униформисты вынесли огромный ящик, расписанный звездами, а Грегори громко сказал:

– Приготовься, Тай, сейчас что-то будет. Если увидишь Аманду, прикрывай ее и выводи отсюда. Подозреваю, что графиня замыслила очередную пакость.

– Все сделаю, – отозвался Тайлер и вдруг увидел, что за неплотно задернутым занавесом стоит клетка с тиграми. – Грег! – прокричал он, заметив самую обыкновенную веревку, протянутую среди завитков аляповатой росписи к балкончику.

– Что? – Лорд на миг обернулся, проследил за рукой брата... и все понял.

Ну конечно! Тигров выпускают на арену так, чтобы они никого не задели! Дикае кошки наверняка будут задействованы в следующем номере. К началу подойдет дрессировщик, служители арены расставят решетки для защиты зрителей, а пока ничего этого нет. Зато есть веревка, отпирающая клетку. И беззащитные люди под плотным шатром. В панике толпа разнесет цирк, непременно будут жертвы, а он так и не нашел Аманду. Где же она?

Следующее мгновение растянулось для лорда Лайвернеса на целую вечность. Фокусник распахнул дверцу ящика, чтобы продемонстрировать его пустоту, но внутри была девушка в рваном белом платье!

– Мэнди! – не удержался от крика Грег и тут же почувствовал... да-да, буквально ощутил кожей усмешку графини Кастильони и рывок, которым она открыла клетку с хищниками.

Зрители увидели странную обительницу магического ящика и загалдели еще громче. Удивленный фокусник сам заглянул в ящик, изумился, выпустил дверцу, тяжелая крышка стукнула по сундуку... и короб рассыпался, выпустив Аманду на свободу. Леди Лайвернес встала, отряхнула платье от опилок и, прищурившись, посмотрела вокруг. Фокусник горестно взмахнул руками, оплакивая свой реквизит, и развернулся к девушке, чтобы темпераментно, по-итлийски, излить свое горе, но... всхлипнул и попятился. Сквозь занавес на незащищенную арену лениво выходили тигры!

Поначалу зрители не отреагировали на появление тигров как на угрозу. Все смеялись, махали руками, некоторые даже рычали, принимая животных за иллюзию. Однако фокусник, первым осознавший опасность, попятился и кинулся между рядами зрителей, стремясь скрыться, а один из огромных котиков вдруг зевнул, обнажая притупленные желтоватые клыки, и рыкнул, погрузив цирк в тишину.

– Мамочка! – раздался звонкий голос. – Они настоящие?

Еще один рык заставил публику попятиться. Канаты, удерживающие шатер, загудели под напором тех, кто рвался наружу. Грегори замер, пытаясь скастовать заклинание, способное накрыть сразу четырех полосатых кошек и не задеть Аманду. А на балкончике уже никого не было. Графиня удалилась, оставив давнего соперника среди бушующей толпы.

– Тай! – В голосе лорда Лайвернеса кипела ярость. – Ты прикрываешь Аманду, даже ценой своей жизни. Я попытаюсь ранить тигров, а потом заставлю бежать за мной!

– Постой! – Брат неожиданно схватил Грега за плечи, не давая метнуть на арену сложную звезду из молний, дрожащую между пальцами. – Смотри!

Это было странно, но полосатые коты перестали обращать внимание на зрителей. Они окружили леди Лайвернес, потираясь огромными головами об ее юбки. Побелевшая как полотно девушка присела на остатки «волшебного ящика» и дрожащими руками наглаживала ластиющихся тигров, давая людям возможность убежать.

– Что? Почему? Мэнди! – Стараясь не делать резких движений, лорд Лайвернес перешагнул низкий барьер и медленно двинулся в сторону жены.

– Все хорошо, Грегори, – срывающимся голосом отвечала леди, поглаживая усатые морды. – Я разлила в шкафу большой флакон «кошачьей мяты».

– Брат, – Тайлер шел рядом, – ей пока ничего не угрожает. Я обойду арену и открою клетку, надеюсь, дрессировщик скоро появится...

– Мэнди, – голос Грегори звучал ровно, хотя руки подрагивали, – поддержи их возле себя еще немного. Тай откроет клетку и найдет мясо. Придется медленно двигаться к занавесу...

– Думаю, тряпки лучше убрать, – так же ровно ответила Аманда. – Валерьянка для кошек – как вино. Могут начать играть.

Мужчины неспешно двигались, не обращая внимания на шум и крики вокруг. Тайлер подобрался к занавесу и просто сорвал его, открывая клетку с тяжелой запертой дверью. Чтобы поднять ее, придется бежать на балкончик... К счастью, цирковые не растерялись – кто-то в униформе уже забрался в ложу и изо всех сил тянул веревку.

– Где укротитель? Принесите мясо! – кричал Тай, пока Грег все ближе подходил к хищникам.

Дрессировщик все же появился. На длинной железной палке он нес коровью ногу, щедро политую валерьянкой.

– Мими! – кричал он. – Ташри! Девочки мои, еда! – И стучал короткой дубинкой по огромной пустой миске.

Тигры нехотя оторвались от Аманды и остатков ящика, узнав укротителя, учуяв мясо и новую убойную дозу «кошачьей мяты», поэтому лениво двинулись за ним. Итлиец оказался профессионалом – умудрился загнать хищников в клетку, не давая им драться. Имущество цирка, конечно, пострадало, но не сильно. Что такое парочка барабанов и тумб против человеческих жизней?

– Мама миа! – пробормотал циркач, утирая пот, когда униформист уронил дверь, а Тайлер задвинул тяжелый засов. – Теперь я напьюсь!

Грегори на арене обнимал рыдающую Аманду. У девушки ослабели ноги, одежда превратилась в лохмотья, но голова работала четко.

– Графиня знала, что я в этом сундуке, – сразу сказала леди Лайвернес.

– Мы ее видели, – подтвердил Грег. – Если бы не валерьянка, ты бы погибла. И еще бог знает сколько народу. Я уверен, что без травм в этой толпе не обошлось, но тигры точно никого не тронули.

– Почему, почему эта женщина так зла на тебя?! Зачем она хотела убить нас в этом ужасном месте?! – Мэнди не могла разжать руки, но вопросы задавала правильные.

– Полагаю, – тут лорду в голову пришла одна идея, – что-то случилось с ее ребенком, и она винит меня.

– С ребенком? – У Аманды даже слезы высохли от изумления.

– Я знал, что у них с Дансером есть сын, – признался Грегори. – Навещал его один раз в Ритоне.

– В Ритоне? – В голосе девушки прорезалась паника. – Грег, там же случилось массовое отравление! Говорят, несколько учеников погибло...

– Вот как, я не знал. Значит, она винит меня. Что ж, вариантов нет, – пробормотал он.

В это время за его спиной послышался крайне неприятный смех:

– Вот как, не знал?! Ты чего-то не знал, Брегет?!

На опилках арены, покачиваясь, стояла Мамба. В руке у нее был зажат тяжелый армейский пистолет.

– Зато газеты все знают! И завтра они будут вопить о гибели лорда и леди Лайвернес! Ах какая чудовищная неприятность! Новобрачных занесло в цирк! Дикие животные, толпа, море крови... Ваша смерть украсит собой первые полосы! Не то что скромное сообщение о смерти детей в Ритоне!

Грегори повернулся так, чтобы прикрывать собой Аманду, и вежливо ответил:

– Я не слежу за школой Ритон, графиня, у меня нет там интересов.

– Нет интересов? А Лайон? Мой мальчик! – Женщина всхлипнула.

Похоже, она выскользнула из шатра через боковой вход, но потом вернулась, чтобы полюбоваться делом своих рук. А все оказалось не так, как она предполагала.

– Я уже писал вам, что не использую в шпионских играх детей. И дал слово лорда не беспокоить его, – постарался как можно мягче сказать Грегори.

– Все ваши слова ничего не стоят, – отмахнулась итлийка, продолжая держать пару на мушке. – Мой мальчик мертв, а мне не позволили увидеть его в последний раз... Ведь я ему никто...

– Если для вас это важно, я могу организовать вам прощание, – предложил Грег.

– Поздно! – Шпионка взмахнула пистолетом, и стало понятно, что она едва держится на ногах, не то от горя, не то от алкоголя. – Но я отомщу! – Тут она выпрямилась, и ее тяжелый взгляд впился в лорда. – Я отниму у вас самое дорогое! Жаль, не получилось подсунуть ее фокуснику. Кровавый фокус... – пробормотала она себе под нос. – Но тигры были хороши. Кто же знал, что эта негодяйка – анимаг?

Лорд Лайвернес не стал рассказывать графине о маленькой удаче, которая спасла Мэнди жизнь, – он старался прикрыть девушку собой, а

лучше – немного оттолкнуть ее, чтобы освободить руки для броска.

– Так вот! – Графиня Кастильони вернулась к своей речи. – Я убью эту девчонку, и ты будешь страдать всю жизнь! Так же, как страдала я! – Тут графиня подняла пистолет двумя руками и приготовилась нажать спуск.

Раздался грохот, потом выстрел и пара небольших взрывов. В воздухе запахло горелыми опилками и лабораторией алхимика. Когда дым развеялся, служители цирка принялись заливать и затапывать тлеющие опилки, а к Аманде и Грегу подбежал Тайлер.

– Я успел? – спросил он, задыхаясь от волнения.

– Мы все успели, – отозвался лорд Лайвернес, разглядывая лежащую на арене графиню.

Ее лоб был залит кровью от брошенной им металлической звезды с бритвенно-острым краем. Игрушка должна была угодить в глаз, но лишь ободрала кожу рядом, потому что графиня отвлеклась на взрывы флаконов, брошенных Амандой. Ее волосы и одежда тлели и пахли химией. А погибла она от рухнувших сверху металлических мостков для акробатов, которые из-за кулис уронил на шпионку Тай. Пуля от упавшего пистолета влетела в ограждение арены и застряла там.

Глава 32

Остаток этого непростого дня и ночь Грегори провел в цирке. Показав свой жетон, он дождался полицейских, кратко описал им ситуацию и отправил Аманду и Тайлера домой. Молодой жене лорда Лайвернеса пришлось одолжить у фокусника плащ со звездами, поскольку ее платье после всего случившегося было в самом неприличном виде.

Тело графини забрала королевская служба безопасности. Лорд Лайвернес подозревал, что Итилия получит ноту за нарушение границ и поступится какой-нибудь мелочью, чтобы получить тело и личные вещи своей подданной. Не то чтобы это было правилом, но все королевские служащие знали, что в случае гибели в другой стране их тела будут похоронены на родине.

К рассвету, когда были опрошены все свидетели, собраны улики и записаны показания, к лорду Лайвернесу подошел незаметный человек в сером мундире и пригласил на аудиенцию во дворец.

– Я могу заехать в особняк Ратлендов, чтобы переодеться? – уточнил Грегори, оглядывая свой мятый, грязный и прожженный свадебный наряд.

– Я вас провожу, – согласился серый.

Они доехали до столичного дома герцога Ратленда, там лорд быстро смыл пот и запах гари, сменил одежду и даже успел съесть несколько сэндвичей с холодной говядиной. Все это время серый господин ждал его в соседней комнате. Поскольку нежданный наблюдатель слышал каждое слово, передать весточку Аманде и герцогу не было никакой возможности. Впрочем, Грегори все же нашел выход: он нацарапал записку для отца прямо на стене и жестом попросил камердинера показать ее герцогу.

– Я готов, – объявил он, выходя из спальни.

– Вас уже ждут, – поторопил его серый.

До королевского дворца ехали в молчании. Дальше серый провел лорда Лайвернеса какими-то боковыми дверями, темными коридорами, незнакомыми гостиными. Остановился у высокой двери, постучал и негромко произнес:

– Лорд Лайвернес прибыл!

Вошел внутрь Грегори один. В небольшом кабинете расположились старые грифы, которых он подключил, когда ему понадобилась помощь, и среди них – его величество.

– Добрый день, лорд Лайвернес, поздравляю вас с бракосочетанием, – благожелательно сказал король, когда Грегори поклонился. – Расскажите нам, что вчера произошло.

Глава «Клуба джентльменов» быстро и коротко рассказал все – о похищении Аманды, о своей просьбе не выпускать циркачей, о гибели графини.

– Получается, милорд, вы знали, что ваш наставник нарушил правила и вступил в связь с представительницей Итилии? – Вкрадчивый голос из угла заставил Грега вздернуть бровь.

Чего-то подобного он ожидал. Тайну сына графини пришлось раскрыть, чтобы объяснить ее возвращение в цирк и саму попытку покушения.

– Я узнал об этой связи случайно, – обстоятельно отвечал он. – Из бумаг, оставленных мне наставником. Его архив я начал разбирать только в отставке.

На самом деле все было не так. О связи Дансера и Мамбы лорд догадался в первый же год гранд-тура – просто однажды понял, почему между этими двумя так искрит. Про ребенка действительно узнал из бумаг, но еще на континенте. А вот навестить юного Лайона Толбота сумел только после отставки, поэтому никаких доказательств его излишней лояльности к наставнику нет.

– Вы навестили мастера Толбота в Ритоне, но не составили докладную начальству.

– Для чего? – удивленно поднял брови лорд Лайвернес. – Мальчик – официально признанный наследник своего отца. С рождения воспитывался в Бривании. Да и кому я должен был докладывать? Себе? Официальным главой «Клуба джентльменов» являюсь я сам!

Старые грифы сидели с непроницаемыми лицами, но в глазах таились усмешки. Очередная проверка на лояльность на самом высоком уровне? Для чего? Грегори уже устал от этой игры на публику, поэтому сказал:

– Ваше величество, милорды, меня ждет супруга. У нас была тяжелая ночь. Похищение, покушение, смерть, которой мы не желали.

Я должен поддержать свою семью.

– Идите, лорд Лайвернес, – дозволил король и добавил, когда Грегори поклонился: – Кстати, Лайон Толбот жив. В газете опубликовали неверную информацию. В Ритоне умер только один ребенок, да и тот от затяжного плеврита, с которым приехал из дома. Отравление несвежей рыбой было незначительным.

– Благодарю за хорошие вести! – Лорд еще раз поклонился и вышел из кабинета.

Серый господин молча проводил его до экипажа самым коротким путем.

Из королевского дворца лорд Лайвернес поехал в особняк Ратлендов. Во-первых, ему нужно было успокоить отца и мать, а во-вторых, забрать кое-какие бумаги из тайника в своей личной спальне.

Еще в начале карьеры наставник обучил лорда Грегори азам шпионского дела. Важную часть в этом обучении занимало устройство тайников. Все бумаги условно делились на два вида – срочные и долговременные. Срочные требовали отправки, передачи другому лицу или уничтожения. Такие письма, свитки или папки прятались на виду и таким образом, чтобы их можно было быстро схватить, достать и передать.

Бумаги посерьезнее или те, что предназначались для длительного хранения и редкого использования, прятались в стены, под паркет или в такие предметы интерьера, которые никогда или практически никогда не выносились из дома.

– Запомни, мальчик мой, – тонко улыбался Дансер, – здания для хранения тоже нужно выбирать с умом. Ничего не храни в сторожке лесника. Ее легко сжечь вместе со всеми бумагами. Прячь их в каменном доме, в камне или железе, да в таком месте, куда нечаянно не попадешь. Еще лучше предусмотреть подходящие места заранее. Избегай купален, каминов и сырых подвалов. Идеальное место для сейфа – зеркало.

– Зеркало? – хлопнул ресницами наивный юнец.

– Большое зеркало в массивной раме – вещь дорогая и ценная, поэтому их часто прикрепляют к стене винтами. – Тут Дансер подошел к стене номера и погладил широкую резную раму. – Тонкий лист можно просто протолкнуть в щель между стеной и стеклом. Более

толстую пачку бумаг придется крепить после отвинчивания. В любом случае это недолго и надежно.

– А если зеркала нет?

– Нижняя часть гардероба – горничные никогда не вытирают там пыль. Столбик кровати – тот, что стоит у стены. Картина. Промежуток между ящиками комода. Ненужная книга или зонт.

– Зонт? – изумился тогда Грегори.

– Как часто ты открываешь зонт, стоящий в подставке, если их там несколько? – улыбнулся лорд Толбот.

В тот день они играли в своеобразную игру – Грегори прятал, а Дансер находил. И парочка его тайников не была раскрыта.

– Вот теперь ты готов! – Наставник хлопнул ученика по плечу и вручил плотный пакет с бумагами: – Спрячь. Если меня убьют, привези эти бумаги в Бриванию и передай моей семье.

Наверное, уже тогда лорд Толбот подозревал, что ему не суждено вернуться. Потому что в том пакете было завещание и просьба об опеке над лордом Лайоном Толботом – мальчиком семи лет, живущим с бабушкой и дедом в провинциальном поместье Дансера.

После возвращения Грегори спрятал эти бумаги в своей спальне – в специальном тайнике за резным изголовьем кровати. Пришлось немного повозиться, чтобы извлечь пакет, а потом еще навестить отца. Герцог Ратленд ждал младшего сына в библиотеке. Седовласый, еще могучий, он сидел в кресле у массивного стола, заваленного свежей прессой, и что-то читал через большую лупу, оправленную в серебро.

– Добрый день, сын! – сказал он, увидев лорда Лайвернеса.

– Добрый день, отец! Позволишь присесть?

Герцог кивнул на второе кресло. Грегори сел, держа в руках папку с бумагами Дансера.

– Что это была за ерунда на стене ванной? – спросил Ратленд, рассматривая младшего сына как незнакомую картину.

– Вчера, когда мы ехали к себе, Мэнди похитили...

Грегори коротко пересказал все события ночи, а потом перешел к утреннему совещанию у короля:

– Не знаю, что это было за испытание, но я хотел попросить тебя присмотреть за моей женой. Она потрясающий алхимик, но может растеряться в обычной жизненной ситуации. Впрочем, – тут Грег

невольно улыбнулся, – тигров она не испугалась. И в шпионку швырнула свои флаконы очень ловко.

– Присмотрю, – веско обронил герцог. – Ты сейчас к ней?

– Увы, нет, придется сначала заехать в Ритон.

– Могу помочь? – Если отец и удивился возвращению сына в альма-матер, на его лице это никак не отразилось.

– Мне не помешает опытный стряпчий, – признался лорд Лайвернес. – Нужно получить право опеки по завещанию над одним юным джентльменом.

– Ты женат, имеешь свой дом и доход, не вижу препятствий, – поднял бровь герцог, даже не задав вопрос «зачем?».

– Мать ребенка – итлийская шпионка, погибшая вчера после похищения Мэнди, – уточнил Грег. – Мальчик воспитывался в Бривании, но после смерти матери итлийские родственники могут подать прошение об опеке. Я хочу их опередить.

– Отец мальчика оставил распоряжение?

– Да, все тут. – Грегори качнул папкой.

– Тогда просто сделай это сегодня, – сказал отец с такой уверенностью, что Грегори оставалось только пойти и немедленно выполнить это пожелание.

Директор школы конечно же узнал своего выпускника, изучил бумаги и не стал препятствовать желанию лорда Лайвернеса забрать мальчика с собой.

– Вы указаны основным опекуном, лорд Лайвернес, и сейчас в своем праве. Бабушка и дед не смогли забрать мальчика на каникулы по причине слабого здоровья. Но надеюсь, вы привезете лорда Толбота к началу занятий?

– Непременно, милорд! – отозвался Грегори. – Учеба в этой школе важна для его будущего.

Пока Брежет обменивался любезностями с директором, дежурный воспитатель привел невысокого черноволосого и черноглазого мальчишку. Его буйная шевелюра явно намекала на итлийскую родню, а вот выразительный нос и пластика выдавали отцовство Дансера.

– Лорд Толбот, меня зовут лорд Лайвернес, я ваш опекун по воле вашего отца. Сейчас я забираю вас на каникулы.

– Почему вы, а не дед? – настороженно глянул из-под длинной челки ученик Ритонской школы.

– Так сложились обстоятельства, – неопределенно ответил Грегори. – Я все расскажу вам по дороге. Леди Лайвернес ждет нас к чаю!

В этом Грег был уверен. Он выкроил несколько минут в родительском доме, чтобы послать записку Аманде. Его молодая жена умела быть выдержанной и стойкой. А если потом ей захочется побить пробирки в лаборатории – он не станет возражать.

Дрожащую от усталости и напряжения Аманду из цирка увез Тайлер. Усадил в коляску, закутал брошенным там пледом, предложил глоток бренди из дежурной фляжки. От спиртного новобрачная не отказалась. Ее руки, юбки и волосы все еще пахли огромными кошками, тлеющими опилками и ужасом от осознания того, что Грега могут убить у нее на глазах. То, что могут убить ее саму, из памяти профессора Стоукс уже немного стерлось. Зато черная фигура графини на фоне пестрого циркового шатра и блестящий металлом срез дула пистолета, наверное, будут ей сниться в кошмарах.

Тайлер не гнал лошадей. С одной стороны, понимал, что Грегори доверил ему свое самое большое сокровище, с другой – видел, что Мэнди нужен этот ровный стук копыт, утренний туман и пустые улицы. Если прямо сейчас привезти ее домой и дать возможность укрыться, спрятаться от пугающего мира, леди Лайвернес будет очень трудно выйти за пределы лаборатории.

Услышав приглушенный рев мотора, Тай натянул поводья. Из ближайшего переулка вывернул один из друзей Кентавра – маг воды в традиционной кожаной куртке со значком братства. Лошади вскинулись, затанцевали, но Тай удержал их, натянув поводья всем телом, потом повернулся к Мэнди:

– Простите, леди Лайвернес, вы позволите задержаться на несколько минут? Мне нужно узнать новости и передать сообщения от лорда Грегори.

– Я подожду, – отозвалась Аманда, стараясь получше прикрыть пледом яркий плащ фокусника.

Брат Грега намотал вожжи на специальный выступ, спрыгнул с облучка и подошел к другу Кентавра. Мужчины о чем-то переговорили, после чего маг вынул сигналку и передал какой-то

приказ быстрым энергичным стуком по поверхности камня. Тай благодарно кивнул, вернулся к экипажу и пояснил:

– Вас нашли, миледи, поэтому нет нужды обыскивать цирки. Пусть друзья мистера Махоуна отдохнут. Уверен, сегодня вечером нам подкинут еще одно дело!

– Почему вы так думаете? – От усталости Мэнди не могла удивляться, но постаралась выразить эту эмоцию интонацией.

– Смерть графини – это камень, от которого еще долго будут расходиться круги, – пожал плечами Тай.

Ему действительно все было понятно, ведь он много лет сопровождал Грегори и знал, что опытный шпион подобен пауку, сидящему в центре паутины. Тонкие ниточки связей, знакомств, мелких людей, нанятых за деньги, раскинуты вокруг него самой настоящей ловчей сетью. И этот силоч может работать довольно долго, если «ниточки» не знают о смерти «паука». Официальные службы Бривании будут ловить крупную рыбку в мутной воде, а «Клубу джентльменов» поручат собрать мелочь.

– Поверю вашему опыту, – бледно улыбнулась Аманда.

Ее снова стало знобить, подступили слезы. Тайлер это заметил, забрался на облучок и подстегнул лошадей – вот теперь стоит ехать быстрее!

Дом ждал новобрачных. Возле двери, украшенной праздничным венком с белыми и розовыми лентами, горели фонари, а в холле беспокойным духом металась миссис Дженкинс. Увидев Аманду в драпом платье и сомнительном плаще, компаньонка только облегченно выдохнула и спросила:

– Бренди? Ужин? Чай?

– Все сразу, – попросила леди Лайвернес. – А потом ванну и домашнее платье. Тайлер, останешься на завтрак?

– С удовольствием, миледи, – отозвался родственник и пояснил для насторожившейся компаньонки: – Милорд наверняка задержится в цирке до утра, бумажные дела, отчеты – все это забирает много времени и сил. Мне он поручил отвезти леди Аманду домой и охранять, так что я все равно не уйду.

– Спасибо, Тайлер! – Девушка попросила миссис Дженкинс подать ужин «охраннику», а сама поспешила в свою девичью спальню.

Для новобрачных приготовили самую большую комнату в доме, но заходить туда одна Мэнди не хотела. Там наверняка все обустроено для двоих, пусть так и будет. Они войдут туда вдвоем, как и собирались.

Ужин, ванна, чистая одежда – все это подействовало на леди Лайвернес усыпляюще. Поразмыслив, она не стала сопротивляться желанию отдохнуть и легла спать, предварительно пополнив запасы своего чудесного пояса. Теперь в одном из кармашков поблескивал флакон валерьянки, в другом – двойная порция «Термита», а в третьем – лезвие, похожее на те клинки, которые любила носить миссис Килкени. Все же ковырять ткань шпилькой неудобно.

Разбудил Аманду деликатный стук в дверь. Миссис Дженкинс сообщила, что готов обед и от лорда Грегори принесли записку. Девушка решила, что пора вставать, и велела позвать горничную и скорее нести письмо.

Грегори был краток: «Задержался с бумагами, буду к обеду, возможно, не один. Объясню позже». Погладив четкие строчки, Мэнди велела поставить на стол второй прибор и подать ей домашнее платье цвета беж с кружевным воротником.

Лорд Лайвернес действительно явился не один. С ним прибыл хмурый черноволосый подросток в знакомой школьной форме.

– Миледи! – Грегори обласкал жену усталым взглядом, поцеловал ей руку и представил юнца: – Лорд Толбот. Волей его отца я назначен ответственным опекуном. По ряду причин этот молодой человек должен находиться у меня на глазах. По крайней мере, до начала занятий в Ритоне.

Мэнди поняла. Быстро сопоставила экзотическую для Бривании внешность подростка и все, что перечислил ей муж.

– Рада знакомству, лорд Толбот, вы как раз к обеду. Присоединитесь к нам за столом?

Мальчик серьезно кивнул. Служанка проводила его вымыть руки, и за те минуты, что молодожены оставались вдвоем, Грег коротко пояснил:

– Его могут похитить итлийские родственники. Или не родственники. Графиня многим наступила на любимую мозоль. Лучше я присмотрю за мальчиком, пока он не вступил в наследство, а там, думаю, ему уже не захочется покидать страну.

– Так, может, его лучше отправить на лето куда-нибудь в провинцию? – задалась вопросом Аманда. – Нет, он мне не мешает, я знаю, чем можно занять мальчишку из школы, но ты же не сможешь сидеть рядом с ним круглые сутки.

– Я не смогу, но после всего, что произошло, возле тебя постоянно будет охрана. Заодно и за лордом Толботом присмотрят, – заявил Грег.

Мэнди не возражала. Да и зачем? Пусть мужчина решает мужские проблемы, а ей нужно подготовить презентацию «Термита», закончить разработку нового средства для отпугивания насекомых и по возможности ответить на ту стопку поздравлений, которая дожидалась ее на письменном столике в гостиной.

Эпилог

Остаток лета прошел тихо.

Аманда увлеченно трудилась в лаборатории, подключив к простейшим действиям юного лорда Толбота. Подросток сначала успешно изображал холодную вежливость и скуку, но, услышав несколько историй из жизни Ритонской школы, проникся, заинтересовался и попросил позаниматься с ним алхимией, попутно подкидывая леди профессору новые идеи для разработок.

Мальчика пытались украсть, ему присылали письма якобы от родственников, подбрасывали сладости с приветом от итлийской родни, но охрана, приставленная короной, не дремала, и вскоре попытки прекратились.

Грегори действительно пришлось уделить время обнаружению шпионской паутины графини Кастильони, но глава «Клуба джентльменов» не собирался ради прежнего азарта погони оставлять молодую жену и делегировал полномочия как умел.

Их семейная жизнь выглядела несколько необычной, но лорд и леди Лайвернес никому не позволяли в нее вмешиваться. Только свекровь и невестки иногда врывались в тихий особняк, чтобы вывезти Аманду на очередной музыкальный вечер или в гости к родственникам. Миссис Дженкинс немедля отправляла Грегу записку с точными координатами, и лорд, завершив очередное дело в клубе, спешил на помощь супруге, увозя ее после второго танца.

Тайлер наконец смог исполнить свою мечту – сдать экзамены на вольнослушателя в архитектурный класс Бриванской школы искусств. Он уверял, что таким образом сумеет получить необходимые знания и не оставит Грега и Мэнди без поддержки.

Аллиаль встретился с родителями. Навестил заросший плющом замок Аэд. Прошелся по галерее предков. Сам подвел взволнованную Агну Мак-Кон к алтарю и передал ее руку в руку Риана Аэда. Немолодая уже пара подтвердила свои клятвы в храме, чем поразила всех многочисленных родственников. Погостив в замке около месяца, Ал вернулся в Бриванию. Для него в Ирлингии пока не было места. Грегори с радостью встретил друга и сообщил, что будет счастлив

принять младшего лорда Аэда у себя дома, но и комнаты в клубе свободны.

– Аманда запретила их трогать, – усмехнулся Грегори. – Сказала, что у тебя должно быть свое убежище в этом городе.

– Преклоняюсь перед мудростью леди Лайвернес, – мягко улыбнулся в ответ Аллиаль. – Ты понимаешь, друг, как тебе повезло с женой?

– Понимаю, – серьезно отозвался лорд Лайвернес. – А теперь поспешим, Кентавр нас ждет и очень нервничает.

– Кэндис скоро рожать?

– Да, уже вот-вот!

Следом за летом пришла осень.

Лорд Толбот отправился в школу Ритон, Тай начал посещать лекции, Кэндис родила сына, и гордый Кентавр не отходил от жены и ребенка, удивляясь, как его крошка-жена смогла родить такого здоровяка – весом почти двенадцать фунтов!

Мэнди выбирала по каталогу серебряную погремушку для малыша, когда ее саму скрутило непонятным спазмом, в глазах потемнело, и она сползла по дивану, цепляясь за ворох разноцветных журналов. Испуганная миссис Дженкинс вызвала доктора, и через час лорд Лайвернес узнал, что следующей весной станет отцом. От счастья у обоих на глазах выступили слезы.

Через месяц, когда малыш Кентавра и Кэндис окреп, члены «Клуба джентльменов» собрались на церемонию имянаречения в том самом храме, где чета Килкени заключала брачный союз. Звучал орган, свечи благоухали ароматом меда и летнего луга. Шустрый Кентавр-младший дрыгал руками и ногами, когда храмовник помазывал его маслом, нарекая Джеймсом Грегом Килкени.

Аллиаль принял младенца из рук матери как его духовный отец. Аманда тут же накинула на малыша пеленку, бережно и быстро исполняя долг духовной матери. Все же в храме осенью гуляли сквозняки. Оба умиленно улыбнулись чете Килкени и передали Джеймса матери.

– А теперь празднуем! – не выдержал Кентавр, обнимая жену и сына.

– Шампанского! – Грег обнял Мэнди, кивнул ожидающему официанту, и тот снял белую салфетку с сервировочного столика.

Шипучее вино, закуски – Аманда улыбнулась, припоминая их настоящую первую брачную ночь. Тогда тоже было шампанское, и крохотные канапе, и свежие ягоды, и сливки, и карамельный сахар. Миссис Дженкинс проследила, чтобы комната сохранила свой удивительно праздничный вид, а еще увела юного Толбота в гостевую комнату, пообещав ужин и книгу.

Они вошли в супружескую спальню вдвоем, как и хотели. Заперли дверь на ключ и долго стояли, обнявшись, соприкасаясь лбами, слушая дыхание друг друга, впитывая тепло не тел, но душ. Потом Грег, едва дыша, вынул шпильки из прически Мэнди и замер, глядя, как блестящие каштановые пряди падают на плечи.

– Ты прекрасна! – сказал он, кончиками пальцев касаясь ее щеки.

В ответ Аманда просто прижалась щекой к его руке, как котенок, выпрашивающий ласку. Тогда Грегори не удержался – поймал ее губы своими и медленно, нежно длил поцелуй, пока в груди не закончился воздух.

Они бы, наверное, всю ночь стояли у двери, медленно целуясь, открываясь друг другу в каждом движении, но, неловко переступив, Мэнди зацепилась за край ковра и чуть не улетела на пол. Поймав жену в объятия, лорд Лайвернес решил не рисковать и просто унес «добычу» на кровать. Поцелуи, объятия – все чинно, неторопливо и плавно.

Чопорный Брегет так долго ждал этого момента, что с трудом держал себя в руках. Хотелось просто рвануть ту кружевную вещичку с пуговичками у горла, которая скрывала от него нежную кожу Мэнди. Хотелось не просто целовать – оставлять синяки на безупречной коже. Но это потом. Он был уверен, что холодный разум его молодой жены способен загораться страстью, однако сейчас лучше не спешить. Не пугать. Разворачивать упаковку долгожданного подарка не сразу, наслаждаясь каждым мгновением.

Завязки воротника распустились быстро, но под ними нашлась сорочка с целым рядом мелких пуговичек – нелегкое испытание для мужчины! По поцелую на каждую – и вот уже милое домашнее платье распахнуто до талии... Увы, под ним обнаружилась еще одна полупрозрачная сорочка! Застонав, Грегори прижался лицом к

тончайшему батисту и не удержался – втянул нежную вершинку в рот прямо через ткань. Мэнди застонала, выгнулась и вцепилась в его волосы:

– Грег, Грегори... ты уверен, что так можно?

– Уверен! – Молодой супруг обласкал губами вторую вершинку и решил окончательно уронить оплот женской добродетели и собственную выдержку – он запустил руку под юбку! И снова застонал, поглаживая шелковистый чулок.

Аманда сдалась. Судя по всему, Грегори нравилось все, что он делал, а ей нравилось на него смотреть. Он так раскраснелся, глаза блестели, волосы растрепались под ее пальцами... А этот разорванный ворот его рубашки! Холодный лорд превратился в горячего, жаждущего мужчину! Поцеловав мужа, леди Лайвернес улыбнулась и сама распустила завязки на юбке – так будет быстрее и удобнее. Последнее, что она увидела, – взлетающие на плечи мужа собственные ноги в тонких белых чулках и взметнувшиеся оборки трещащей по швам юбки.

А шампанское они пили утром. И ели спасенные магическим колпаком закуски. Мэнди смущалась и куталась в пеньюар, а Грегори кормил ее с рук, касался поцелуями губ и шеи...

Аманда подняла от бокала затуманившийся взор и поймала понимающий взгляд супруга. Кажется, им пора домой. Вот сейчас вручат молодым родителям подарки, сядут в экипаж, доедут до дома и закроют дверь спальни. Крепко-крепко закроют! Чтобы ничто не помешало их тихому семейному счастью!

P.S.

Аллиаль вышел на улицу и ослабил галстук. Все прекрасно, почему же так тускло на душе? Он теперь не заштатный актер, не пример детективной конторы. Он благородный лорд, наследник рода. Его родители живы, его друзья счастливы...

Вот оно! Сегодня он с завистью смотрел на Грега и Аманду, на Кэндис и Килкени. На сердце становилось тягостно, когда парочки обменивались взглядами, легкими прикосновениями пальцев или

тайными поцелуями в каморке со стихарями. Их мир был наполнен теплом не только дружбы, но и любви...

Додумать свою печальную мысль Ал не успел – шедшая мимо девушка споткнулась о выступающий камень брусчатки и влетела прямо ему в руки.

– Осторожнее, мисс! – Он инстинктивно поддержал незнакомку и тут же едва не выронил ее, когда она подняла на него заплаканные зеленые глаза.

– Простите, мистер, я нечаянно!

Кажется, он слишком крепко сжал ее, потому что она завоzilась в его руках, но у лорда Аэда так бешено застучало сердце, что он просто не смог разжать ладони сразу.

– Что у вас случилось, мисс? – спросил он, копируя ровно-холодный тон Грега.

– Ничего важного, мистер! – жалобно пискнула она в ответ.

– Лорд, – автоматически поправил он. – Лорд Аэд к вашим услугам!

– Мисс... – Она подозрительно тяжело вздохнула. – Мисс Дан^[1].

Ал бросил взгляд на рыжие локоны под шляпкой и усмехнулся:

– Вам бы больше подошло «мисс Хьюз»^[2].

Девушка дернулась и снова попыталась вырваться, на сей раз с отчаянием:

– Отпустите! Отпустите сейчас же, я буду кричать!

Длинные рукава ее платья сбились, манжеты завернулись, открывая кольцо ожогов на запястье. Ал не выдержал – схватил девчонку за руку, дернул, заставив замереть испуганным зверьком:

– Мисс... – он сделал паузу, – Данн. Вы сейчас идете со мной. И все рассказываете. Абсолютно все. Начните с того, откуда у вас эти ожоги. Да, я знаю, что такое магические кандалы...

notes

Примечания

1

ирл. donn – коричневый. – Здесь и далее примеч. авт.

2

ирл. aodh (*англ.* написание – hughes) – «ОГОНЬ», «ВДОХНОВЕНИЕ».